

И.М.Стеблин-Каменский

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ
ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ**

**названия
культурных
растений**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. М. Стеблин-Каменский

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕКСИКИ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

НАЗВАНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ
РАСТЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор

А.Л.Грюнберг

Монография представляет собой комплексное исследование названий культурных растений Памиро-Гиндукушского региона. Рассматривая их в первую очередь в историко-лингвистическом аспекте, автор широко привлекает также этнографические, исторические, историко-культурные и этноботанические данные.

Впервые детально проанализировано возникновение этих терминов в связи с историей земледелия на Памире. Определены три пути проникновения названий культурных растений в памирские языки.

С $\frac{4602010000-132}{013(02)-82}$ 213-82.

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

§ I. Население горных долин Западного Памира и Восточного Гиндукуша говорит на так называемых "памирских" языках, относящихся к восточной группе иранских языков. Памирские языки принято различать и именовать по названиям тех долин или исторических областей, в которых они распространены. Шугнано-рушанскую группу памирских языков составляют языки: шугнанский (Шугнан, долины рек Гунта и Шахдары), рушанский (Рушан), хуфский (долина р. Хуф), бартангский (низовья и среднее течение р. Бартанг), рошорвский или орошорский (верховья р. Бартанг). К шугнано-рушанской группе относится и сарыкольский язык, носители которого живут в Сарыколе (Синьцзян), за юго-восточными отрогами Сарыкольского хребта, ограничивающего Памир с востока. К памирским языкам относятся также: язгулямский язык (долина р. Язгулям), ишкашимский с санглическим диалектом (историческая область Ишкашим в верховьях р. Пяндж) и ваханский (Вахан и Сархадд, верховья рек Пянджа и Вахандары). Большинство исследователей к числу памирских причисляются также языки мунджанский и йидга (долины Мунджан и Луткух в Восточном Гиндукуше).

Памирские языки, безусловно, связаны между собой генетическим родством, однако степень этого родства различна. Восхождение языков шугнано-рушанской группы к общему прашугнанскому состоянию, по заключению В.С.Соколовой, не подлежит сомнению /Соколова, 1967, с.4/. Близкое родство язгулямского языка с языками шугнано-рушанской группы и происхождение язгулямского языка и языков и диалектов шугнано-рушанской группы от общего источника (язгулямо-шугнанское состояние) можно также считать установленным /Соколова, 1967, с.124/. Генетические отношения между прочими памирскими языками пока не выяснены. Нельзя признать вполне убедительной попытку В.С.Соколовой восстановить общее шугнано-мунджанское состояние /Соколова, 1973/, так как ею не учитывает-

ся отмеченная предшествующими исследователями /Зарубин, 1927б, с.121-129; Morgenstierne, 1929b, с.296-298; 1938, с.25-26/ общность между мунджанским и пашто и в целом афгано-мунджанские языковые отношения /Грюнберг - Лившиц - Стеблин-Каменский, 1974; Оранский, 1979, с.191/. Вряд ли возможно предположить, что некоторые памирские языки объединяются общим праязыковым состоянием менее отдаленным, чем древнеиранская эпоха.

Вместе с тем все памирские языки, в том числе и генетически отдаленные, обнаруживают много существенных сходжений в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, что позволяет говорить в применении к ним о ситуации языкового союза /Додыхудоев, 1970, с.24; Dodychudoev, 1972; Эдельман, 1968, с.76 и сл.; 1980, с.21-22/. Термин "памирские" является, таким образом, не только географическим наименованием, но и отражает факт существования в Припамирье языковой общности, вторичной по отношению к генетической. Территория распространения памирских языков в основном совпадает с границами восточнобадахшанского ареала, составляющего одну из частей Памиро-Гиндукушского этнолингвистического региона /Грюнберг - Стеблин-Каменский, 1974, с.277 и сл./.

§ 2. Одним из важных факторов, способствовавших образованию памирской языковой общности, является наличие в восточнобадахшанском ареале с давних пор интенсивного двуязычия. Все памирские языки в настоящее время бесписьменны¹; подавляющее большинство носителей памирских языков кроме одного из памирских владеет также и таджикским языком². Это язык фольклора, письменной литературы, а также средство общения между памирскими народностями, говорящими на разных языках ("межпамирское фарси"). Проникновение в этот ареал таджикского языка, очевидно, было связано с распространением здесь исмаилизма (мусульманского вероучения шиитского толка). Не исключено, однако, что какой-либо иранский

¹ По свидетельству Сюань Цзана (УП в.), в Шугране была письменность /Pelliot, 1934, с.50/, очевидно, на основе греческого алфавита, типа бактрийской /Лившиц, 1969, с.49/. С 1930 по 1937 г. в школах Горно-Бадахшанской автономной области пользовались шугранским алфавитом, созданным на основе латинского.

² Для Советского Бадахшана подразумеваются таджикские диалекты, называемые бадахшанскими, бадахшано-таджикскими /Розенфельд, 1963а; 1963б; 1971/; для Афганского Бадахшана и территории Северо-Восточного Афганистана и Читрала - персидско-таджикские диалекты или, по принятой теперь терминологии, диалекты и говоры языка дари.

язык выполнял в Памиро-Гиндукушском регионе роль *lingua franca* и в более раннее время, о чем могут свидетельствовать некоторые общие старые иранские заимствования в памирских и соседних неиранских языках /Morgenstierne, 1936, с.657; 1973а, с.241/.

Внутри ареала памирских языков есть как отдельные селения, так и целые группы селений со сплошным таджикоязычным населением, например, Горон, Зебак, ряд селений в Ишкашме и Вахане/Болдырев, 1948, с.278; Богорад, 1963; Розенфельд, 1971; 1975/. Наряду с общераспространенной в Бадахшане формой таджикско-персидского языка, которую А.З.Розенфельд предложила именовать "меппамирским фарси" /Розенфельд, 1963а, с.108; 1971, с.5/, во многих долинах зафиксированы и особые местные разновидности таджикских говоров: вахано-таджикский, ишкашимо-таджикский и др. /Розенфельд, 1975, с.210; Стеблин-Каменский, 1974а, с.216/.

С севера и с запада область распространения памирских языков граничит с ареалом юго-восточных таджикских и таджикско-персидских говоров Бадахшана: каратегинскими, дарвазскими, ванджскими, рогскими, бадахшанскими. Ареал памирских языков был в прошлом более продвинут на север и северо-запад, о чем свидетельствуют и топонимические данные. Достаточно хорошо известно о существовании в недавнем прошлом старованджского языка, языка восточноиранского типа (очевидно, близкородственного язгулямскому) в долине р. Ванч, вытесненного ванджскими говорами таджикского /Розенфельд, 1956б; 1964а, с.141/, и, возможно, саргулямского языка в долине р. Зардев в Афганском Бадахшане /Зарубин, 1924а; Dodychudojev, 1972, с.464/. Данные топонимии и значительный слой субстратной восточноиранской лексики в юго-восточных говорах таджикского языка позволяют предполагать существование в более отдаленном прошлом восточноиранских языков в Дарвазе и в Каратегмине.

На востоке памирские языки граничат с киргизскими диалектами Восточного Памира, а на юге входят в контакт с кафирскими и дардскими языками и с языком бурушаски (вершикским и бурушаски). Влияние этих языков на памирские в целом в настоящее время невелико; оно выражается в основном в контактах и схождениях между соседящими языками и диалектами, например, между мунджанским и кафирскими прасун и кати, между йидга и дардским кховар, ваханским и бурушаски, рошорвским и киргизским. В памирских языках прослеживаются, однако, очень старые заимствования из индоарийских (см. ниже § 36, 38); не исключено также, что язык типа бу-

рушаски мог сыграть роль субстрата для некоторых памирских языков /Лившиц, 1962б, с.131; Стеблин-Каменский, 1979/. Эта гипотеза детально рассмотрена Д.И.Эдельман, которая приводит веские доводы в пользу того, что памиро-гиндукушский субстрат "... должен был обладать чертами активной типологии. В этом плане он может быть сопоставлен прежде всего с бурушаски и гималайскими языками..." /Эдельман, 1980, с.31/.

Процесс проникновения социально более развитых языков в географически изолированный Памиро-Гиндукушский регион в настоящее время проходит особенно интенсивно. Таджикский язык вытесняет памирские из всех сфер употребления, в том числе и из семейной /Моногарова, 1972, с.160-166/.

§ 3. Для всего ареала памирских языков характерно сравнительное этнографическое единообразие. Это единообразие выражается прежде всего в одинаковом типе и общих приемах ведения хозяйства, способах обработки земли, составе высеваемых культур, разделении труда (мужчины занимаются земледелием, женщины — молочным хозяйством). Много общего наблюдается в обрядах и обычаях, связанных с рождением, свадьбой, похоронами, календарными праздниками, выходом на летовье и пребыванием на нем. Общими для всех памирских народностей являются типы построек, многие предметы утвари, способы приготовления пищи.

Все эти общие черты быта и единые хозяйственно-культурные традиции, безусловно, определяются не только сходными условиями жизни и одинаковой природной средой. Так, например, в соседнем Кафиристане (Нуристане) земледелие — дело женщин, так же как и такие традиционно мужские для памирцев работы, как заготовка дров и косьба; напротив, молочное хозяйство целиком находится в руках мужчин /Грюнберг — Стеблин-Каменский, 1974, с.281/. По всей видимости, этнографическое единообразие припамирских народностей может отчасти объясняться общим их происхождением и сохранением некоторых архаичных хозяйственных и, в частности, земледельческих традиций. Физико-географические условия здесь таковы, что на высокогорном плато Восточного Памира издавна могли обитать и сейчас живут кочевники (в древности, видимо, саки /Литвинский, 1972, с.156 и сл./, в настоящее время — киргизы), а в долинах Западного Памира и к югу от Восточного Гиндукуша — исконные земледельцы /Ранов — Сидоров, 1965, с.113/. Имеются, однако, и некоторые свидетельства того, что сравнительно недавно земледелие существовало на Восточном Памире на 500 м выше современного высотного предела /Земл. ГБАО, 1964, с.63/.

Древность земледелия у многих иранских народов можно считать установленной, об этом свидетельствует и древнейший памятник иранской культуры - Авеста, и, например, чисто аграрный характер большинства названий древнеперсидских /Hinz, 1973, с. 64-70/ или согдийских месяцев /Лившиц, 1975, с.332/. Археологическими исследованиями доказана глубокая древность и непрерывность поселения человека на Памире /Ранов, 1975/, но возраст земледелия в этом регионе определить не удалось /Земл. ГБАО, 1964, с. 61/. Согласно теории академика Н.И.Вавилова, в Припамирье и прилегающих областях следует локализовать центр происхождения и разнообразия важнейшей зерновой культуры - пшеницы, а также многих других культурных растений /Земл. ГБАО, 1964, с.65; Вавилов, 1960, с.405/. Имеются веские доказательства и в пользу древности садоводства в Памиро-Гиндукушском регионе, в частности разведения здесь туты (§ 77). Известно, что условия высокогорья (ультрафиолетовая радиация) способствуют мутациям и стимулируют у растений формообразовательные процессы, необходимые для отбора пригодных для земледелия культурных сортов. Здесь выявлено около 60 разновидностей пшеницы, несколько разновидностей ржи и ячменя и многообразные дикорастущие предшественники культурной флоры /Иконников, 1979, с.32/. Установлено также, что первичными очагами некоторых земледельческих цивилизаций (в Месопотамии, Индостане) были именно горные районы /Муковский, 1956, с.10/. Вместе с тем, по мнению Н.И.Вавилова, не здесь, конечно, приходится искать начатки земледелия /Вавилов - Букинич, 1929, с.114/. Население высокогорных долин могло, однако, сохранить в своем обиходе многие реликты древних земледельческих традиций, что и нашло отражение в языках.

§ 4. Общность памирских языков и этнографическое единообразие припамирских народностей позволяют провести детальное сопоставление памирской земледельческой лексики. Подавляющее большинство памирских сельскохозяйственных терминов в силу одинаковых приемов ведения хозяйства имеют соответствия во всех памирских языках, причем семантическое содержание и круг значений, охватываемый этими соответствиями, в большинстве случаев идентичны или, по крайней мере, сходны и могут быть сопоставлены.

Содержание настоящего исследования составляет сравнительно-исторический анализ всех слов - названий культурных растений в памирских языках. В результате такого анализа можно более точно установить лексические связи между отдельными памирскими языками -

ми, а также выяснить, какая часть рассматриваемой лексики является общей для всех памирских языков и восходит к древнеиранскому состоянию, а какая относится к более позднему времени. Выбор для подобного исследования названий растений оправдан, с одной стороны, тем, что эта лексика номинативна по своей природе, тесно связана с реальной действительностью и отличается определенной терминологичностью /Меркулова, 1965, с.72, 83/, то есть предмет исследования и его содержание достаточно четко ограничены. С другой стороны, именно названия растений привлекаются в первую очередь в сравнительно-историческом языкознании для решения этногенетических проблем /Friedrich, 1970/. Так, с названий растений начинается последний пересмотр гипотез локализации прародины народов, говорящих на индоевропейских языках /Гамкрелидзе - Иванов, 1980, с.8/.

Сопоставление лексики памирских языков проводилось и ранее, однако исследователи ограничивались небольшими выборочными списками наиболее обиходных слов³, приводившимися, как правило, для иллюстрации тех или иных историко-фонетических корреспонденций /Пахалина, 1969, с.49; 1975б, с.228-230/. В.С.Соколовой было проведено сопоставление язгулямской и шугнано-рушанской лексики по спискам из ста слов, применяемым в глоттохронологии, на основании которых давность расхождения язгулямо-шугнанской общности была определена ею примерно в 1300-1400 лет /Соколова, 1967, с.121-123/. Правомерность применения методов глоттохронологии для разных языков справедливо подвергается критике, в частности, и потому, что эти методы не всегда учитывают хозяйственную специфику лексики соответствующих языков. Например, для памирских языков слово "сало" /Соколова, 1967, с.122/ гораздо менее актуально, чем "сушеный навоз" или "толченный навоз".

Объединение языков по лексическим признакам не доказательно лишь в том случае, когда оно проводится по произвольно выбранным или случайно привлеченным внимание исследователя словам. Так, не вполне доказательной оказалась попытка Г.Бэйли объеди-

³ Эти слова тематически не были объединены, как, например, в списках слов бадахшанских говоров таджикского языка, составленных А.З.Розенфельд по терминам родства и животноводства /Розенфельд, 1975, с.215-219/ или Н.А.Кисляковым по сельскохозяйственной терминологии у таджиков /Кисляков, 1969/. Сопоставление сельскохозяйственного лексикона таджиков, кафилов (нуристанцев) и афганцев проводит Н.И.Вавилов /Вавилов - Букинич, 1929, с.133-135/.

нить по лексическим признакам в одну группу хорезмийский, согдийский, осетинский, хотаносакский и афганский языки /Оранский, 1979, с.125/ именно потому, что отбор слов был малообоснован: некоторые слова оказались свойственны и западноиранским языкам /Henning, 1958, с.109, Anm.1/. Как показывает опыт, метод сопоставления списков избранных слов очень нагляден, но доказательность его без статистических расчетов и выявления процентного соотношения - невелика; в конце концов, родственные языки всегда имеют в лексике и схождения, и расхождения. Для памирских языков следует учитывать еще и то обстоятельство, что сравниваемые языки исследованы не в равной степени и обладают весьма различными по объему фондами исконной лексики, что отчасти связано и с несопоставимым для каждого из них влиянием соседних контактирующих языков и диалектов.

§ 5. При анализе списков избранных слов необходим всесторонний учет материалов всех родственных языков и диалектов, в противном же случае такие списки могут только привести к ошибочным или сомнительным выводам. В этом отношении малоубедительными кажутся списки лексических схождений между шугнано-язгулямской группой и мунджанским языком, не засвидетельствованные, по утверждению В.С.Соколовой, в других памирских языках /Соколова, 1973, с.8 и сл./. При более внимательном рассмотрении этих "специфических совпадений" выясняется, что многие из них обнаруживаются и в других памирских языках, а большая часть мунджанских слов имеет соответствия в пашто, что подтверждает заключение предшествующих исследователей о близости мунджанского языка к афганскому (§ 1). Так, В.С.Соколова приводит семь пар слов, составляющих, по ее словам, "полную шугнано-мунджанскую специфику, не встречающуюся в других современных иранских языках" /Соколова, 1973, с.12/. Но приводимое в первой паре шугн. *rīm* 'тополь' - это заимствование из тадж. *rim* 'черный тополь', 'осокорь'. Что же касается мдж. *rāmena* 'тополь', то оно сопоставляется с рядом названий древесных пород в кафирских и дардских языках, которые не имеют ясной этимологии: кхов. *roṣēn* 'осина', кати *raṣō*, вайгали *wāṣā* 'ива', калаша *rāma* 'род клена(?)' и др. /IIFL, vol.2, с.244a, vol.4, с.136a; CDIAL, N 10627/. В пятой паре шугн. *yiǰīd* (сар. *yiǰed*, язг. *γəǰūd*) и йид. *γiǰio* 'хлев' имеет точное соответствие в пашто: афг. *yoǰel* 'хлев', 'коровник' < **gu-katī*- букв. 'коровий дом' /IIFL, vol.2, с.212a; EVSh, с.36a/. В списках шугнано-ишканимских и ишканимо-мунджанских схождений, приводимых В.С.Со-

коловой, сопоставляемые слова известны и в других иранских языках. Но даже самый тщательный отбор лексики для подобных выборочных списков без тематической его заданности не может привести к весомым доказательствам (см. § 4).

§ 6. Только исчерпывающие списки слов, объединенные определенной тематикой, могут дать действительно верное представление о лексической близости или расхождении сопоставляемых языков. Составлению таких списков должен предшествовать всесторонний сравнительный и этимологический анализ привлекаемых слов. Такого рода анализ и составляет содержание настоящей работы, которая ограничивается рассмотрением лексики, связанной с названиями культурных растений.

Названия культурных растений принадлежат по большей части к числу слов культурного круга или так называемых культурных слов. Эти слова относятся к лексике языка, связанной с явлениями культуры, которым, как известно, свойственно распространяться из одной страны в другую. "Культурные слова" поэтому легко могут заимствоваться и переходить из языка в язык, они как бы следуют за вещами и попадают всюду, куда проникает называемый ими предмет. Культурные растения, заимствуемые из одной области в другую, тоже часто приходят вместе со своими названиями. Исследование происхождения культурных слов и путей их проникновения в тот или иной язык имеет большое значение для изучения истории культуры народов, говорящих на этих языках.

§ 7. Восстановление истории для бесписьменного языка возможно только путем внутренних реконструкций и сопоставления с фактами близкородственных языков, как древних, так и современных. Для припамирских народностей, не обладающих длительной письменной или устной исторической традицией, история языков может стать и источником важных сведений по древней истории Памиро-Гиндукушского региона. Еще сто лет тому назад замечательный английский языковед и путешественник Р.Б. Шоу (1839-1879) писал, что древнюю историю памирских народностей, засвидетельствованную в основном отрывочными сведениями китайских хроник да противоречивыми указаниями античных авторов, помогут прояснить их языки /Shaw, 1876, с. 140/.

Вместе с тем, для того чтобы историческое исследование бесписьменных памирских языков было достаточно обоснованным, нужен не только тщательный отбор лексики, но и учет целого ряда важных факторов. В первую очередь следует безусловно выделить многочис-

ленные в этих языках таджикско-персидские заимствования, составляющие, как следствие двуязычия, большую часть словаря памирских языков. Иногда ничто в фонетическом облике и в значении заимствованного слова не препятствует возведению его непосредственно к древнеиранскому (например, прашугнанскому). Так, Р.Х.Додыхудоев предполагает прямое развитие из древнеиранского таких шугнанских слов, как *γirāt* 'хватание', 'грабёж' (ср. тадж. *γorat* 'грабёж' из араб. *γarat*), *ḡarx* 'прялка', *tiraxtā* 'тугой', *surb* 'свинец', *ar* 'каждый', 'всякий' и др. /Додыхудоев, 1962, с.20, 22 и сл./. В.С.Соколова не склонна "считать несомненными заимствованиями такие слова, как шугн. *byn* 'основание', *gūxt* 'мясо'..." /Соколова, 1973, с.207/. Для некоторых слов существуют бесспорные критерии в пользу отнесения соответствующего слова к заимствованиям: слово заимствовано не только в памирские, но и в другие соседние языки, в том числе и в неиранские (икховар, киргизский, вершикский). Учитывая огромное количество таджикизмов в языках Памиро-Гиндукушского региона, во всех сомнительных случаях подобного рода целесообразнее относить слово к заимствованной, а не к исконной лексике (что последовательно, с соответствующими оговорками, проводится в этой работе). Конечно, отделение исконной лексики от заимствований, в особенности заимствований ранних, часто весьма затруднительно, и исследователь вряд ли может здесь руководствоваться принятыми раз и навсегда принципами.

При сравнительно-историческом исследовании памирской земледельческой лексики автор стремился к исчерпывающему учету материалов всех памирских языков и к всестороннему привлечению историко-этнографических данных.

§ 8. Эта работа - часть сравнительно-исторического исследования всей лексики памирских языков, относящейся к земледелию - основному традиционному занятию памирских народов. Цель такого исследования - реконструкция древнеиранской земледельческой лексики, что, в свою очередь, имеет большое значение для изучения истории и культуры древних иранцев. Эта реконструкция, сопоставленная с данными языка Авесты и другими свидетельствами (например, античных источников), как выясняется, помогает в ряде случаев получить более полное представление о земледельческой культуре древнеиранских племен, а также о наиболее архаичных земледельческих традициях народностей Памиро-Гиндукушского региона.

Исследование памирской земледельческой лексики сделалось возможным после накопления обширных материалов по всем памирским

языкам и диалектам и публикации обстоятельных описаний техники земледелия у припамирских и некоторых соседних народностей. В самые последние годы были опубликованы словари следующих памирских языков: язгулямского /Эдельман, 1971/, сарыкольского /Пахалина, 1971/, ваханского /ЯВГ, 1976, с.291-524/. Д.Карамшовым составлен большой шугнанско-русский словарь, рукопись которого с любезного разрешения автора словаря была использована при написании этой работы. Разумеется, использовались и меньшие по объему собрания памирской лексики, изданные ранее /Зарубин, 1930; 1937; 1960; Пахалина, 1959; Писарчик, 1954; Соколова, 1959; 1960/.

К сожалению, ощущается недостаточность лексических сборов по ряду памирских языков и диалектов, в частности это касается бытовой лексики, этнографических терминов, названий растений. Так, явно недостаточны наши сведения о лексике таких языков, как рушанский, бартангский, рошорвский и сарыкольский, а вышедшие монографии /Файзов, 1966; Карамхудоев, 1973; Курбанов, 1976/ не могут, конечно, заменить словари (то же можно отметить и в отношении диалектов шугнанского языка, например, баджувского /Карамшов, 1963/). Хочется надеяться, что этот недостаток будет устранен при составлении большого сравнительного словаря памирских языков, создание которого планируется в Отделе памироведения Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР.

Материалы по мунджанскому языку и йидга взяты из работ Г.Моргенстиерне, И.И.Зарубина и А.Л.Грюнберга. Эти материалы привлечены здесь не потому, что генетическая принадлежность мунджанского к памирским представляется бесспорной. Степень близости или расхождений мунджанского языка с памирскими, в данном случае лексических, выясняется в ходе этого исследования. Мунджанские материалы привлекаются по региональным критериям и как отражающие тот же тип хозяйства, ту же земледельческую технику, что и другие так называемые "памирские" языки⁴.

⁴ Мунджанский язык, как это и отмечалось предшествующими исследователями (§ 1), может занимать промежуточное положение между памирскими и афганским. С точки зрения генетической классификации иранских языков то, что афганский язык распространился на огромной территории, а мунджанский оказался замкнутым в небольшой горной долине поблизости к памирским, - случайность. Ранее мунджанский язык, продолжавший древнеиранские диалекты "бактрийской группы", имел, видимо, большее территориальное распространение, о чем свидетельствуют данные топонимии /ЕВР, с. 89; Мандельштам, 1957, с.115/ и бактрийские надписи /Стеблин-Каменский, 1974г, с.150; 1981, с.317 и сл./.

Были использованы и работы по исторической фонетике и грамматике памирских и других иранских языков, в особенности этимологические разделы в классических трудах Г.Моргенштиерна /IIFL, vol.1-4/, его многочисленные статьи (цитируемые в списке литературы) и "Этимологический словарь языков шугнанской группы" /Evsh/, содержащий самое большое собрание исконной шугнано-рушанской лексики с этимологиями⁵.

Вряд ли было бы возможно провести исследование памирской лексики, если бы автор не завершил составление "Этимологического словаря ваханского языка" (40 а.л., рукопись) /Стеблин-Каменский, 1974б/.

Материалы таджикско-персидских говоров Припамирья взяты из работ А.З.Розенфельд, использованы также и собственные записи автора.

Развитие памирского языкознания в последнее время в целом получило освещение в обзоре Д.Карамшоева /Карамшоев, 1977/; исчерпывающая библиография по памирским языкам публикуется в сборниках, издаваемых Отделом памироведения Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР /Помиршиносӣ, 1975, с.152-167/.

§ 9. В этой работе исследуется традиционная земледельческая лексика памирских языков, и в этой связи описываются преимущественно традиционные приемы земледелия и та земледельческая техника, которая, по крайней мере на территории Советского Бадахшана (Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР), отошла в прошлое. Земледелие припамирских народностей, каким оно было на рубеже XIX-XX вв., получило достаточно полное отражение в этнографической литературе. Особенно хорошо изучено земледелие Вахана и Ишкашима /Olufsen, 1904, с.110 и сл.; Бобринской, 1908, с.78 и сл.; Андреев - Половцов, 1911, с.20 и сл./, имеется даже специальная монография, посвященная земледелию Вахана и Ишкашима в XIX - начале XX в. /Мухиддинов, 1975а/. Появился ряд работ, содержащих сведения по земледелию народностей Афганского Бадахшана /Snoy, 1964; Kussmaul, 1965; Hindukusch, 1974; Grosser Pamir, 1978/. Широко использована, разумеется, и самая лучшая книга по памирской этнографии, подлинная энциклопедия памирской жи-

⁵ При пользовании этим словарем следует учесть ряд рецензий, в которых приводятся дополнения и исправления опечаток /Budruss, 1977; MacKenzie, 1975; Стеблин-Каменский, 1978/.

зни, являющаяся и прекрасным собранием лексики — двухтомный труд М.С.Андреева и А.К.Писарчик "Таджики долины Хуф" /ТДХ/. Привлекались также многочисленные работы М.С.Андреева, Н.Н.Ершова, И.И.Зарубина, Н.А.Кислякова, Е.М.Пещеревой, А.К.Писарчик, М.Р.Рахимова и др., касающиеся как земледелия припамирских народностей, так и земледелия населения соседних областей (Дарваза, Каратегина и других районов Афганистана и Таджикистана).

Из специальных публикаций по технике земледелия и сельскохозяйственным культурам были использованы работы П.А.Баранова, Д.Д.Букинча, Н.И.Вавилова, А.В.Гурского, И.А.Райковой и др. Автор пользовался консультациями по ботанической номенклатуре и терминологии у специалистов по систематике растений Средней Азии Р.В.Камелина и С.С.Иконникова, которым приносит свою искреннюю благодарность.

§ 10. В книге принят следующий способ цитирования лексических примеров: сокращенные названия языков и диалектов перед приводимым словом указывают на источник, откуда взято это слово в подавляющем большинстве случаев с переводом или толкованием значения: Например, шугн. *gim* 'тополь' без дальнейших отсылок означает, что слово и его значение цитируется по словарю в книге И.И.Зарубина /Зарубин, 1960/. Источники примеров указаны в списке сокращений языков и диалектов. Таким образом, каждый приводимый иранский пример документирован. Лишь в отдельных случаях переводы слов были слегка уточнены или даны в несколько сокращенном виде, в основном когда идентификация слова с соответствующей реальией представляется совершенно бесспорной. Например, язг.*warān* переводится как 'мельничная турбина', поскольку из значения, даваемого в язгулямском словаре Д.И.Эдельман, совершенно ясно, что речь идет о турбине или колесе водяной мельницы: "деталь мельницы — центральное вертикальное бревно с лопастями, которое приводится во вращение водой" /Эдельман, 1971, с.289/.

При совпадении слов таджикского (цитируемого по /ТРС, 1954/) и персидского (цитируемого по /ПРС, 1970/) языков, для краткости приводится соответственно только персидская или только таджикская форма: тадж., перс. *piyāz* или перс., тадж. *piyoz* 'лук' и т.п. Лексика языка дари цитируется по /LFA, 1961; ДРС, 1978/.

Ударение в лексических примерах отмечается только в тех случаях, когда оно падает не на последний гласный слова. В шугнано-рушанских словах знак долготы над *-o-* (*ō*) опускается, знак *ε* в шугнанских и сарыкольских примерах заменен на *ê*. Знак *j* у

некоторых авторов (Д.Л.Р.Лоримера, Г.Моргенштиерна) всюду заменен на з (чтобы не смешивать его с ж).

Звездочка (*) в восстановленных формах после сокращений др.-ир. (древнеиранское) и и.-е. (индоевропейское) может отсутствовать, поскольку эти сокращения уже сами указывают на реконструкцию.

Ссылки на работу Н.И.Вавилова и Д.Д.Букинича "Земледельческий Афганистан" даются по первому изданию /Вавилов - Букинич, 1929/.

Тема работы была подсказана А.Л.Грюнбергом, который на протяжении ряда лет следил за ходом этого исследования, внес много ценных замечаний и способствовал его завершению. Автор считает своим долгом поблагодарить всех, кто в той или иной мере способствовал написанию этой книги, в первую очередь Акбаршо Султонова, Шобека Каримова, Маликмада Комронова, а также своих учителей А.Н.Болдырева, М.Н.Боголюбова, Е.М.Пещереву, А.З.Розенфельд, С.Н.Соколова. Многие замечания, исправления и дополнения, высказанные по прочтении рукописи этой работы Н.В.Гуровым, Н.Н.Казанским, Р.В.Камелиным, Д.Карамшовым, В.А.Лившицем и Д.И.Эдельман, были с благодарностью приняты и учтены автором. Большую работу по подготовке рукописи к печати провела А.В.Яценко.

январь 1982,
Ленинград

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ

Состав высеваемых сельскохозяйственных культур в различных областях Припамирья существенно меняется в зависимости от высоты и климата. В низовьях больших памирских рек, притоков Пянджа, в узких, защищенных от ветра, горных долинах с многоснежной зимой на высоте менее 2 тыс.м вызревает виноград и можно возделывать хлопок. В верховьях тех же рек, на высоте свыше 3 тыс.м, особенно там, куда проникают ледяные ветры с Восточного Памира, абрикос плодоносит не каждый год и даже неприхотливый ячмень вызревает плохо и годится только на корм скоту. Вот как описывает Н.И.Вавилов земледелие в Мунджане: "...Огородных растений нет. Ячмень, пшеница, рожь, горох, сурепка, *Ervum ervilia** - вот полный перечень культур у пределов земледелия. Севооборот: пшеница, горох, ячмень; пара нет, но каждый год вносят удобрение..." /Вавилов - Букинич, 1929, с.114/. В высокогорном Игнобе, по словам М.С.Андреева, "помимо названных трех растений - ячменя, гороха и пшеницы, ... решительно больше ничего не севт..." /Андреев, 1970, с.54/. Интересно сопоставить эти данные с сообщениями раннесредневековых китайских хроник о Вахане: "...климат холоден. Земля ... повсюду покрыта песками и камнями. Родятся бобы и пшеница. Почва хороша для плодовых деревьев..." /Бичурин, 1950, т. 2, с.324/.

Ниже следует сравнительно-исторический анализ всех названий традиционных памирских культур, а также некоторых, наиболее известных, дикорастущих съедобных растений, которые составляли прежде основное пропитание беднейшей части населения весной, когда подходили к концу запасы муки.

* Французская чечевица, § 4Г.

Распространено ошибочное мнение о том, что народные названия растений отличаются от ботанической научной номенклатуры только меньшей обстоятельностью: "...различия ... определяются лишь большей глубиной научных разработок по сравнению с повседневными представлениями носителей языка..." /Принципы описания, 1976, с.316/. По нашим наблюдениям, и по мнению многих этноботаников, начиная с Альфонса де Кандоля, народная номенклатура растений строится на иных принципах, нежели научная. Так, одним словом вах. *təbək* (соответствует вах.-тадж., бад.-тадж. *ruš*) с различными определителями ("красный", "белый" и т.п.) называются растения трех разных родов: полынь - *Artemisia*, прутняк, кохия - *Kochia* и терескен - *Eurotia*, *Ceratoides*. Видимо, эти растения объединяются по тому признаку, что они - единственное растительное топливо на высокогорных пастбищах Вахана. Точно так же и растения *Hammada wakhonica* (гаммада, саксаульчик ваханский) и *Salsola ibérica* (солянка пиренейская) объединяются названием вах. *kərkəga*, *qərqəga*, тадж. (вах.-тадж.) *šəqorūš* по тому признаку, что из их золы приготавливали поташ (тадж. *išqor*, вах.-тадж. *šəqor*) и мыло.

Об этом же пишет исследователь русской народной номенклатуры растений В.А.Меркулова: "...одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений... Любой носитель русского литературного языка словом ромашка называет большое число сходных внешне, но различных растений. И именно тот вид, который чаще других называется ромашкой, т.е. *Chrysanthemum leucanthemum* L., в ботанике не носит этого названия..." /Меркулова, 1967, с.7/ (см. также /Меркулова, 1965, с.72/).

Необходимы неоднократные и систематические сборы народных названий растений для изучения традиционной ботанической номенклатуры. Для ареала памирских языков эта работа только начинается. Однако названия культурных растений зафиксированы сравнительно хорошо, что и сделало возможным настоящее исследование. В отношении названий дикорастущих растений проведение аналогичной работы, пожалуй, преждевременно. Известны лишь названия некоторых, наиболее употребительных растений, но записаны они не во всех памирских языках. Часть названий съедобных дикорастущих растений все же рассматривается в этой работе (§ 109 и сл.).

§ II. Первым среди хлебных злаков у припамирских народов была пшеница (*Triticum aestivum*, *T. compactum* /Grosser Pamir, 1978, с.277б/), высотный предел распространения которой превышает 3 тыс.м /Баранов - Райкова, 1928, с.36; Земл. ГБАО, 1964, с. 76, 86/.

Название пшеницы в памирских языках родственно слову для обозначения пшеницы в других иранских, однако неясно, является ли оно в памирских исконным древнеиранским наследием или же старым заимствованием из какого-либо другого иранского языка (как например, по предположению Г.Моргенстиерне, приводимое ниже афганское слово). Второе кажется более вероятным, так как названия культурных растений принадлежат, как правило, в своем большинстве к словам культурного круга. В этом случае заимствование должно было иметь место еще в древнеиранскую эпоху, как о том свидетельствуют соответствия шугн.-руш. $\check{y} \sim$ ишк. $\gamma \sim$ вах. $\check{y}$, не свойственные для заимствованной лексики: сар. $\check{z}$ andam, шугн., руш., хуф., барт., рош. $\check{z}$ indam ($\check{z}$ gantumā... pl.? /EVSh, с.IIOa/), ишк. $\check{y}$ indam, сангл. $\check{y}$ ondam, вах. $\check{y}$ (ə)dim, $\check{y}$ dim (< $\check{z}$ gantūma-), мдж. $\check{y}$ ondam, $\check{y}$ odam, иид. $\check{y}$ adam 'пшеница'. Все эти слова справедливо сопоставляются с авест. gantuma-, которое упоминается в Нейрангистане в качестве главы (рату) злаков. Авест. gantuma- (чередование -nt-/-nd- относится уже к древнеиранскому /Хромов, 1972, с.I29/) 'пшеница' отождествлено с др.-инд. godhūma- (>ашкун gōm, gum, кати gum, кхов. gom и др. /CDIAL, № 4287/), которое, согласно народной этимологии, объясняется как букв. "коровий (go-) дым (dhūma-)" /Habschmann, 1895, с.95/. Несмотря на многочисленные попытки объяснений, происхождение названия пшеницы в индоиранских языках остается неизвестным^I.

Названия пшеницы в других иранских языках: согд. γ nt(w)m /Лившиц, 1962а, с.200/, ягн. γ antum, amtun, пехл., перс., тадж. gandum, афг. γ anəm (старое заимств.? /EVP, с.26/), ванец. γ andam /Elfenbein, 1965, с.59I/, пар., орм. ganum, бел. gandim ($\check{z}$ gantūma- /EVP, с.26/), курд. ganim (заимств.? /Horn, 1893, с.209/, ав-

^I Существует несколько гипотез о первоначальном источнике этого слова: финно-угорские, семитские (ср. араб. hinta- 'пшеница') и др. /KEWA, Bd I, с.347-348; Гамкрелидзе - Иванов, 1980, с.I3/.

романи *ganama* /EVSh, с.110а/, хот. *ganama* 'пшеница' /Bailey, 1979, с.79а/.

Особняком среди всех иранских стоит язг. *ḡḡ(w)* 'пшеница', связанное с рефлексам др.-ир. *uava-* 'злак' (очевидно, 'ячмень'), в большинстве иранских имеющее значение 'ячмень' (§ 15).

§ 12. По теории Н.И.Вавилова, горные районы Восточного Гиндукуша являются центром происхождения мягкой пшеницы /Земл.ГБАО, 1964, с.77/, а Северо-Западная Индия и Южный Афганистан — первичный очаг разнообразия пшениц /Вавилов — Букинич, 1929, с.266-269/. Заслуживает упоминания тот факт, что расположенную в этом районе в исторической Арахосии местность *Gandutava* Бехистунской надписи (стб.3, стк.66) читают и как *Gandumava* (эламское *gan-du-ma-qa*) и связывают с иранским словом для пшеницы /AIW, с. 489; Hinz, 1973, с.134/.

Согласно сообщению Геродота, хлеб из пшеницы был основной пищей персидских царей (Her. III, 22). Древность культуры пшеницы у иранских народов несомненна. У памирских народностей из пшеницы, помимо хлеба, приготавливаются многие ритуальные кушанья, восходящие к глубокой древности. Одно из них — жаренные пшеничные зерна, традиционное кушанье многих иранских и индийских народов: ишк. *din*, вах. *ḡm̄n*, шугн. *ḡm̄n*, руш., хуф., барт. *ḡon*, сар. *ḡm̄n* < **ānā-* 'жаренные зерна пшеницы'. В Припамирье это ритуальное кушанье готовят во время сева пшеницы, начала уборки урожая, при первом выносе ребенка на двор, при появлении у ребенка первых зубов и т.п. /ЯВГ, 1976, с.187; Мухиддинов, 1975а, с. 97; ТҚД, 1970, с.250/. В Вахане иногда устраивают гадание на жареных пшеничных зернах. Согласно обычаю, жаренные зерна полагается есть только по два. Устраивающий гадание берет целую горсть зерен и загадывает или спрашивает у кого-либо, окажется ли в горсти зерен четное или нечетное количество. В зависимости от этого загадывается какое-нибудь желание и гадающий съедает всю горсть зерен по два — таким образом, определяется, было ли зерен "чет" или "нечет" /ЯВГ, 1976, с.254-255/.² По поверью, жаренные зерна улучшают зрение и благотворно влияют на мозг.

² В таджикских и персидских сказках встречается такой мотив: герой просит свою мать поджарить ему пшеничных зерен (тадж. *gandum-biryon*). По просьбе сына, мать берет горсть еще горячих зерен и протягивает их сыну, но тот, вместо того чтобы взять их у нее, крепко сжимает ее руку с горячими зернами в кулаке и требует назвать имя своего настоящего отца. Этот мотив, так же, как и гадание на зернах, несомненно, реминисценция былой обрядовой роли древнего кушанья.

Это кушанье известно и в других иранских языках: афг. *nina* (<**lūna-* /EVP, с.37, 52/) 'жаренные зерна', перс. *dānak*, *dānuk* 'кушанье из пшеницы, ячменя и чечевицы (посылаемое в дома родных и друзей по случаю прорезывания зубов у ребенка)' /ПРС, 1970, т.1, с.607б/ – все к др.-ир. *dāna-* 'зерно', ср. авест. *dānō-* (*dānō.karš-* название вида муравьев, букв. 'утаскивающие зёрна' /AIW, с.734/), согд. *δ'n*, ягн. *don*, пехл. *dān(ag)*, тадж. *don*, *do-na*, шугн. *δūnʃ*, язг. *δanāg*, вах. *δmng*, мдж. *lonāya* и др. 'зерно', 'зернышко', 'семечко', 'косточка (плода)'. Др.-инд. *dhāna-* в Ригведе может означать также 'жаренные зерна', ср. кхов. *dān*, панджаби *dhāṇā*, гуджарати *dhāṇī* 'жаренные зерна' /CDIAL, № 6777/.

Есть все основания полагать, что появление слова для пшеницы (др.-ир. *gandūma*) в памирских языках относится к древнеиранскому периоду. Вах. *ʔ(ə)dim* 'пшеница' вряд ли может быть старой адаптацией перс. *gandum* 'id.' из-за развития др.-ир. *ū > вах. i*, характерного для исконных слов³.

Язг. *ʃā(w)* 'пшеница', независимо от происхождения (§ I6), должно быть обязано своим появлением главенствующей роли пшеницы в Язгуляме в прошлом (ср. аналогичное появление значения осет. *jaew* 'просо' в связи с важностью культуры проса у сарматских племен – §I6, 24).

§ I3. Сорта пшеницы. В памирских языках зафиксированы названия нескольких сортов пшеницы.

Шугн., хуф. *safēdak* /ТДХ, 1958, с.24/, вах. *safidek*, *safidek*, ишк. *safedak* букв. 'беленькая' – заимствования из тадж. *safedak* 'сорт пшеницы с белым мучнистым зерном' /Земл. ГБАО, 1964, с.84; Мухиддинов, 1975а, с.67; Ершов, 1960, с.132/, дарв. *safedak* /Рахимов, 1957, с.49/. Исконным или старым заимствованием может быть шугн. *sip(i)yak* 'сорт пшеницы', ср. шугн. *sipēd*, руш. *sipīd*, язг. *səpīd* 'белый' – исконное /Соколова, 1967, с.50/ или заимств. из тадж., перс.? /EVSh, с.74b/. Точно так же называется и один из сортов абрикосов (§ 90).

Хуф. *ruštak* /ТДХ, 1958, с.24; Земл. ГБАО, 1964, с.83/ букв. 'красенькая' (шугн., хуф. *rūšt* 'красный') является калькой тадж.

³ Достаточно привести такие бесспорные примеры, как вах. *δiʔ* < **dūga-* 'пахтанье', *zik* < *(*hi*)*zūka-* 'язык', *sik* < **sūka-* 'ость', *pitk* < **pūtaka-* 'гнилой' и др. (но ср. вах. *pətr* < **pūra-* 'сын', *δəʔd* < **duyda-* 'дочь').

surxak — название сорта пшеницы (var. erythrospermum) с колосьями и зернами красноватого цвета (тадж. surx 'красный'); ср. дарв. sərɣək 'пшеница с белыми колосьями и красными зернами' /Рахимов, 1957, с.49/, вах. (из тадж.) sərɣək, ишк. sərɣək /Мухиддинов, 1975а, с.67/, вах. səkɾ-ʔ(ə)dim букв. 'красная пшеница'; ягн. (из тадж.), тадж. surxa 'сорт пшеницы ('красненькая')' /Андреев, 1970, с.48/. Сорта пшеницы "сурхак" ('красненькая') и "сафедак" ('беленькая') известны в Панджшире /Андреев, 1927, с.25/.

Хуф., вах., ишк. ʃaldək, ʃaldək букв. 'быстренькая', названа так из-за своей скороспелости /ТДХ, 1958, с.24/, — заимствования из тадж., перс. ʃald 'проворный', 'быстрый' (→ ишк., шугн., руш., хуф., барт., рош., сар., вах. ʃald, ʃāl, ʃāld, язг. ʃūld 'быстрый', 'скоро'). По сообщению Н.И.Вавилова, скороспелая пшеница (ʒindam-ʃaldək) разошлась по Припамирью совсем недавно /Земл. ГБАО, 1964, с.23/.

Описательным названием является шугн. kilək 'безостая пшеница' от шугн. (старое заимств. из тадж.) kīl 'лысый', 'плешивый'⁴. М.С.Андреев упоминает о двух сортах пшеницы besig (букв. 'без остей') и sigdor ('с остями') /ТДХ, 1958, с.25/. Предполагается, что карликовая безостая пшеница типа шугн. kilək (Triticum compestum Host.) — древнейшая форма пшеницы, найденная при археологических раскопках свайных построек в Европе /Земл. ГБАО, 1964, с.65/. По-видимому, этот же сорт приводится М.С.Андреевым под названием хуф. kolək /ТДХ, 1958, с.24-25/, ср. хуф. kol 'голова'; 'плешивый', 'паршивый'; "...карликовая пшеница называется 'кюлак' (головка), за ее короткий, плотный, широкий колос..." /Земл. ГБАО, 1964, с.82/. В Афганистане известна gandum-i kalak 'безостая карликовая пшеница' /Вавилов — Букинич, 1929, с. 272, 510/.

Руш., барт. siyološ — название пшеницы с белым колосом и черными остями /Земл. ГБАО, 1964, с.82, 84/ заимствовано из бадахшано-таджикских диалектов. По всей видимости, это сложение siyo-loš букв. 'черно-остая', ср. дарв. surx-loš — название красной разновидности пшеницы /Баранов — Райкова, 1928, с. 39/, о тадж. (диал.) loš 'ость' см. ниже, § 22. Аналогичное по составу

⁴ В типологическом плане можно сравнить с русскими диалектными названиями: голуха 'сорт пшеницы без остей', мохнатушка 'вид пшеницы'.

сложение есть в севернотаджикских говорах и в узбекском языке: тадж. *siyohsuk*, узб. *qaroqiltiriq* '(пшеница) черноостая' /Ершов, 1960, с.132/.

Для распространенной по всему Припамирье разновидности пшеницы *Triticum vulgare* var. *erythroleucon* записано название "рушроутс" /Земл. ГБАО, 1964, с.82, 84/. Это, очевидно, шугн. *rūšt-roʻz* букв. 'красный колос', сложение с шугн. *roʻz* 'колос ржи, риса'.

Шугн. *bobillo* 'сорт пшеницы', название безостой формы пшеницы /Земл. ГБАО, 1964, с.82/, судя по фонетическому облику, — заимствование из тадж.-перс.

Название сорта пшеницы шугн. *pandakī* /Земл. ГБАО, 1964, с.82/, по-видимому, связано с шугн. *pandak* 'несозревший плод (яблоко, абрикос), еще не пригодный в пищу' (§ 89).

К названию разновидности пшеницы с красными колосьями ишк. (из тадж.) *vygxiša* /Мухиддинов, 1975а, с.67/ можно привести дарв. *vyg-xiša* /Баранов — Райкова, 1928, с.39/ букв. 'красно-колосая' (тадж. *xiša* 'колос').

Зафиксированы также названия сортов пшеницы по местности, откуда вывезен тот или иной сорт: *iškōshī* 'ишкашимская' /Земл. ГБАО, 1964, с.83/, *kurgowadi* 'курговадская' (по сел. Курговад около Калаи-Хумба) /Баранов — Райкова, 1928, с.39/, *irodi* (*hiroti*) 'гератская' /Ершов, 1960, с.132/ и т.п.

Необходимо иметь в виду, что названия одних и тех же сортов пшеницы могут в разных местах быть прямо противоположны: в одной местности по признаку белого колоса пшеница называется *safedak* 'беленькая', а в другой — по окраске зерна *vyg-xak* 'красненькая' /Земл. ГБАО, 1964, с.82/. В общем, названия всех сортов пшеницы в памирских языках позднего происхождения, а эндемичные формы пшеницы давно утрачены. Названия эти — либо кальки, либо прямые заимствования из таджикско-персидских диалектов.

Ячмень

§ 14. В Припамирье отмечается несколько разновидностей ячменя (голозерный, пленчатый, шестирядный, четырехрядный, двурядный), хотя большей частью высевается так называемое "гималайское хито" — зеленозерная форма голозерного ячменя (*Hordeum vulgare* var. *himalayense*) /Земл. ГБАО, 1964, с.86/. Разнообразием форм

ячменя, по-видимому, объясняется тот факт, что, несмотря на несомненную древность его культуры в Памиро-Гиндукушском регионе и наличие исконного слова для обозначения ячменя в иранских языках, в памирских нет общего для всех языков слова, обозначающего ячмень.

В языках шугнано-рушанской группы, язгулямском и мунджанском представлено слово культурного круга: шугн. *čūšj*, руш. *čōšč*, хуф. *čūšč*, сар. *čūšč*, *čūšč*, язг. *kušk*, мдж. *kovk* 'ячмень'. Для этих слов Г.Моргенстиерне восстанавливает праформу **kavaka-/EVSh*, с.28a/. Памирские слова сопоставляются с хот. *chaska* 'ячмень', 'остроконечное зерно' /Bailey, 1973, с.227/,⁵ перс. *kašk*, арм. (из иран.) *k'ask* 'ячмень' /IIFL, vol.2, с.219b/. По мнению В.И.Абаева, связь памирских слов с осет. (ирон.) *зувку* 'овес' (*Avena sativa*) фонетически мало вероятна /Абаев, 1979, с.210/.

Ишк. *úrčvə*, сангл. *vervəz* 'ячмень' сближается с иид. *yaršio*, афг. *orbéši*, *urbéši* 'ячмень' < **agrasuā-?* /EVP, с.11; IIFL, vol.2, с.273a, 417b/, также слово культурного круга, особенно широко представленное в тюркских языках: узб., кирг. *агра*, тув. (из монг.) *аргау* и др. 'ячмень' /Севортян, 1974, с.176-177; Дмитриева, 1979, с.164-166/. Сюда же, возможно, и др.-греч. *ἄλφι*, *ἄλφιτον* 'ячменная крупа', 'мука'; в целом, по заключению Г.Дёрфера, "Kulturlehnwort" /Doerfer, Bd 2, с.25/, источник его не выяснен. Язг. *karban* 'просо' (§ 27) тоже относится сюда.

§ 15. Из всех памирских языков только в ваханском ячмень обозначается словом, общим для всех иранских языков. Вах. (у)irk 'ячмень' по историко-фонетическим соображениям может восходить к др.-ир. *yavartaka-* и сближено, таким образом, с парф. (турфанских текстов) *yw'rd'w*, пехл. *ǰōrdā* 'зерно', 'ячмень' (возможно, к композите др.-ир. *yava-artaka-* букв. 'ячмень молотый' /Bailey, 1967b, с.136; 1979, с.22a). В первой части следует, во всяком случае, выделить др.-ир. *yava-*, авест. *yava* - название хлебного злака в Авесте.

Авест. *yava-* родственно общиндоевропейскому слову, употребляемому для обозначения различных злаков. Др.-инд. *yava-* в Ригведе, как полагают, обозначает ячмень, др.-греч. (гомеровское,

⁵ Г.В.Бэйли считает возможным связывать эти иранские слова для ячменя с и.-е. *ak-* 'острый', др.-греч. *ἀκρότης* 'ячмень', англ. *ear* 'колос' /Bailey, 1979, с.107a/; ср. в семантическом плане орм. *šrēk*, *isrēk* 'ячмень' к пехл. *šrēk* 'росток', лат. *arisa* 'колос (злака)' /IIFL, vol.1, с.406b/.

аттическое) ζεαί (f., Pl.) - 'полба' или 'спельта' - разновидность пшеницы (*Triticum spelta*). В других индоевропейских языках к этой основе относят русск. овин (строение для сушки снопов), лит. *javaĩ* (Pl.) 'хлеб в зерне', *jáuja* 'зернохранилище' и др. /IEW, с.512/.

Во многих иранских языках отражения др.-ир. *yaва-* означают 'ячмень': пехл., перс., тадж. *jav*, ягн. *yaд*, согд. *uw-*, пар. *žō*, бел. *jav*, *žō* 'ячмень' /Geiger, 1890, с.26/. То же значение имеют соответствующие дериваты др.-инд. *yaва* в большинстве индоарийских языков: ашкун, вайгали *уĩ*, дамели *žo*, кхов. *žō*, шина *уō* и др. 'ячмень' /CDIAL, № I043I; Fussman, 1972, t.2, с. 261-262/.

По всей видимости, в Авесте *yaва-* тоже все-таки 'ячмень'. Об этом может свидетельствовать, в частности, и авестийская мера *yaвō.fraṇah-* 'толщиной в зерно *yaва-*' - об одном пруте в ритуальном пучке прутьев (авест. *varəman-*). По наблюдению Дж.Дармстетера, эта мера полностью соответствует старой английской мере *barley-corn* 'треть дройма' /Darmesteter, 1895, с.215, п.3/, букв. 'ячменное зерно'.

§ 16. В ряде иранских языков к др.-ир. *yaва* восходят общие слова для обозначения зерна, хлеба, зерновых культур или хлебных злаков: ишк. *yaw*, сангл. *you*, мдж. *yaw*, йид. *uōi* 'зерно', 'хлеб' < **yaва-* /IIFL, vol.2, с.271b/. Несомненно родственны и следующие слова, хотя с точки зрения исторической фонетики анлауты в них незакономерны: вах. *žaw* 'зерно', 'хлебá', 'жито', сар. *zēw* 'зерно', 'урожай' и упоминавшееся выше (§ 11) язг. *žū(w)* 'пшеница'. Что касается ваханского слова, то можно предположить заимствование из кховар (кхов. *žō* 'зерно', 'ячмень' /IIFL, vol.2, с. 556b/) или адаптацию тадж., перс. *jav* 'ячмень' с характерной для ваханского альтернативой *ž/j*. Менее вероятным кажется сложение с каким-либо префиксом (при закономерном развитии ожидалось бы чх. **yaw*), хотя в ваханском отмечается нерегулярная префиксация притяжательного местоимения I-го лица ед.ч. *žy*, *žə* 'мой' при словах, обозначающих луну и солнце: (*žə*)*tak* '(моя) луна', (*ž*)*uir* '(мое) солнце'. Эта префиксация находит аналогию в языке бурушаски, а также, что особенно показательно, в осет. (ирон.) *mæpæw* 'пшеница' исторически из *mæp-jæw* букв. 'мой злак' /Абаев, 1973, с.92/. Во всяком случае, непосредственное восхождение ваханского слова, а также сар. *zēw* 'зерно' и язг. *žū(w)* 'пшеница' к др.-ир. *yaва-* не подтверждается надежными историко-фонетическими параллелями /Соколова, 1967, с.91, примеч.47; EVSh, с.109b/.

Язг. žī(w) 'пшеница', в конечном итоге все же связанное с др.-ир. уава-, должно свидетельствовать о важности культуры пшеницы в Язгуляме. Древнеиранское уава- обозначало главный хлебный злак, в большинстве случаев ячмень (но не только ячмень), а также было связано с целым рядом слов, относящихся к земледелию: авест. уаван-, уавō.šarānu- 'пашня', 'поле', афг. уéwa 'плуг', уšve 'пахота', 'вспашка' (<*уавуа- /EVP, с.101/)⁶ и др. В осетинском др.-ир. уава отразилось как осет. јæw и получило значение 'просо', что доказывает главенствующую роль проса на осетинской (и шире на скифской и сарматской) почве /Абаев, 1958, с. 564/. Просо, по свидетельству Клавдия Эллиана, было основным хлебом сарматов ("Пестрые рассказы", 3, 39). Из-за невзыскательности к условиям просо, по словам Н.И.Вавилова, является спутником кочевых племен и свойственно полукочевому хозяйству /Вавилов - Букиннич, 1929, с.315; Вавилов, 1960, с.89/ (ниже, § 24).

Развитие значений др.-ир. уава- 'злак', 'основной злак' → 'ячмень', 'пшеница', 'просо' имеет прекрасную параллель в русском слове жито, о котором С.И.Ожегов пишет: "На севере жито зовут ячмень, на юге - рожь, на востоке - всякий яровой хлеб" /Ожегов, с.ч./. В хорватских и словенских говорах общеславянское žito получило значения 'просо', в других славянских диалектах даже 'кукуруза', 'овес', из чего следует, что (подобно др.-ир. уава-) первоначально žito обозначало зерновой хлеб вообще как родовое понятие, а сузившееся значение применялось по отношению к отдельным видам /Топоров, 1979, с.196/. Бросающаяся в глаза близость между славянским *žito 'хлеб' и *žiti 'жить', помимо многочисленных параллелей в индоевропейских языках, имеет аналогию и в иранских: афг. urbēša 'ячменное зерно', диалектное также 'жизнь', 'существование'.

§ 17. В индоевропейских языках отмечены этимологические связи между словами "зерно" и глаголом "есть", "жевать". Это, например, авест. ābū-, согд. (')δw(h) 'зерно', лат. ador 'полба' к и.-е. ed- 'есть' или осет. (ирон.) хог 'зерно' и хæгун 'есть' /Emmerick, 1969, с.201-202/. В этой связи заманчивым кажется сопоставление индоиранского уава- 'хлебный злак', 'зерно' с вос-

⁶ Нельзя не обратить внимание на явную связь слов для ячменя и пахоты в бурушаски: верш. har- 'пахать', harúm 'пашня', harç, haç 'пахотное орудие', hárki 'пахота' и верш. haré, бур. heri 'ячмень'.

становливаемым для ряда иранских и индоарийских языков глагольным корнем *yav-* 'есть', 'жевать'. Имеется в виду, в первую очередь, *вах. yav-* : *yit-* 'есть', для которого следует реконструировать др.-ир. *yav(a)-* : **yauta-*, **yūta-*, ср. также форму 3-го лица ед.ч. *yit* 'ест' < **yāvati* (через этап **yauti*). Напрашивается сближение ваханских форм с соответствующим глаголом в кафирских и дардских языках: амкун, кати *yū*, вайгали *yā*, прасун *oyu-*, дамели *ḡu-*, павай, калаша, гавар *ḡu-* 'есть' < др.-инд. *yuvate*, *кхов. ḡib-* < **yuvvati* (с экспрессивным удвоением?) /CDIAL, № I0507; Fussman, 1972, t.2, с.222-224/, также *кхов. (praes.) ḡibo* < **yu-yau-* /Morgenstierne, 1973a, с.272/ и др. Для всех этих форм реконструируется и.-е. *ḡeu-* 'мешать в пищу' /IEW, с.507/, идентичное и.-е. *ḡeḡo-* 'зерно', 'ячмень' /IEW, с.512/, ср. также др.-греч. *ζυθος* 'ячменный напиток (род египетского пива)' /IEW, с.507/. Взаимосвязь этих основ может, следовательно, относиться еще к доарийскому периоду⁷.

Др.-ир. *yav-* (и.-е. *ḡeu-*) 'жевать', 'есть', как кажется, уместно сопоставить с созвучными формами глагола "жевать", реконструируемого на основании данных других иранских языков. Восстановление общей исходной формы при этом затруднительно, по-видимому, потому, что глагол носит в общем экспрессивный характер (в пехлеви относится к так называемым "дэвовским" словам /MacKenzie, 1971, с.47/, и в его основе могли произойти нерегулярные фонетические изменения, свойственные "дефектным"⁸ словам. Имеются в виду следующие глаголы: пехл. *ḡōu-*, *ḡūdan* (*ywtñ* /*yūḡān*/ - корень *yū?* /Salemann, 1901, с.301/), перс. *ḡāvidan*, *ḡāvidān*, хот. *hamjv-* < **ḡyav-* (и.-е. *gḡeu-* /Emmerick, 1968, с.139/), вандж. *ḡovidan* 'жевать', 'грызть' (русск. жевать и др. /IEW, с.400; Hübschmann, 1895, с.49/), афг. *ḡowal* /EVP, с.106/,

⁷ Из индоевропейского (или индоиранского) слово для зерна было заимствовано в финно-угорские: удмуртское *yū*, финское *jūva* 'хлеб в зерне', эстонское *iva* 'зерно' /KEWA, Bd 3, с.10/.

⁸ Волею за Р.Л.Тёрнером под "дефектными" (англ. *defective* /CDIAL, с.Х; Katre, 1968, с.60/) подразумеваются слова, которые обозначают преимущественно разные недостатки (телесные, душевные и др.) и, в силу своего экспрессивного употребления, подвергнутся нерегулярным фонетическим изменениям и деформациям в составе рифмующихся композитов, звукоподражательных сочетаний. Такого рода слова составляют значительную часть лексики индоиранских языков, связанной с фоносемантикой.

ягн. *ḫav-* : *ḫāfta* 'пить', 'есть (жидкую пищу)', 'хлебать', бел. *ḫāyag*, курд. *ḫūn* 'жевать' < др.-ир. *ḫav-* /Цаболов, 1976, с. 40/ и др.; ср. также руш., хуф., барт. *ḫiḫaw-* 'грызть', 'глодать', сар. *ḫiḫēw-* 'жевать' < ⁹*gḫav-*, *ḫav-*(?), согд. *ḫa-* 'кусать' /EVSh, с. 36a/, инд. *ḫa-* 'жевать'. Этот список сходных по внешнему облику глаголов можно продолжить.

§ 18. В Припамирье широко употребляют в пищу толокно — муку из поджаренных ячменных зерен. Это толокно называется в памирских языках древним исконным словом: вах. *rəst*, инк. *ryt*, сангл. *rut*, шугн.-руш. *riḫt* (в сложениях *-biḫt*) и др. Этим словом обозначается мука из поджаренных зерен пшеницы, гороха или чины, а также мука из сушеного тута и яблок: шугн.-руш. *riḫt* 'тутовая мука', язг. *minbaḫt* 'блюдо из толченных сушеных яблок' (§ 92), инд. *ruḫṣ* 'мука из сушеных яблок', мдж. *tūi-ruḫk* 'мука из сушеного тута' /IIFL, vol.2, с. 255b/, вандж. *tutruḫt* 'тутовое толокно'. Вместе с пехл., перс. *rist* 'мука из поджаренного зерна', пар. *riḫt* 'тутовая мука' все эти слова закономерно восходят к др.-ир. *riṣta*⁹, ср. др.-инд. *riṣta-* 'мука', букв. 'молотое', 'толченное' (также ниже, § 68), к и.-е. *reis-* 'толочь в ступе зерно', русск. пшено, пест и др. /IEW, с. 796/, авест. *riṣtra-* 'ушиб', *riṣant-* 'дробящий'. Для получения толокна поджаренные ячменные зерна или сушеный тут в Припамирье толкли в каменных ступах — *ḫuwoz*; главное назначение толокна — путевой запас пищи /ТДХ, 1958, с. 238-239, 394; ЯВГ, 1976, с. 188/.

По заключению Н.И.Вавилова, в горных районах ячмень заменяет пшеницу, а ячменный хлеб — пшеничный /Вавилов — Букинич, 1929, с. 295/. Исключительное значение ячменя (голового четырехрядного или "гималайского жита"), составлявшего главное питание горных народностей, отмечалось в литературе /ТДХ, 1958, с. 25/. В условиях высокогорья пшеница не всегда успевает вызревать, а ячмень в некоторых местах, в особенности на солнечных склонах, растет и на высоте в 4 тыс. м /Земл. ГБАО, 1964, с. 87/.

Проведенный анализ названий ячменя в иранских языках показывает, что, несмотря на древность и важность (или, может быть, именно из-за этой древности и важности?) культуры ячменя у при-

⁹ Сар. *raḫt* 'мука высшего помола' восходит к др.-ир. *riṣtā-* /Соколова, 1967, с. 45; EVSh, с. 64b/.

памирских народностей, общего исконного слова для ячменя (др.-ир. *yawa-*) в памирских языках не сохранилось.

§ 19. Сорта ячменя. Названий сортов ячменя в памирских по сравнению с названиями сортов пшеницы (§ 13), известно меньше.

М.С.Андреев сообщает, что в Хуфе возделывают только голый ячмень (гималайское жито) двух сортов: *xing-čušč* букв. 'зеленый ячмень' и *sařida-čušč* 'белый ячмень' /ТДХ, 1958, с.25/. В обоих случаях - сложение хуф. *čušč* 'ячмень' (§ 14) с заимствованием из тадж., перс. (из вост.-ир.) *xing* 'светло-серый' ('серо-зеленый', 'темный', собственно "не-светлый", в конечном итоге, к др.-ир. *a-xšaina-*, авест. *aχšaēna-* 'темный', хот. *āsseina-* 'голубой', шугн.-руш. *šīn* 'сизый', 'серый', 'синий', язг. *šin*, осет. *æxšin* 'темный', 'серый' и др.) и заимствованием из тадж., перс. *sařida* 'белый', 'белок' (ср. аналогичные сложения с эпитетом 'белый' в § 13). Название желтозерного ячменя - вах. *ruħn-yirk* /Земл.ГБАО, 1964, с.86/, букв. 'белый ячмень' - явная калька с таджикского. 'Белый ячмень' (тадж. *jav-i safedak*) известен и в Северном Таджикистане /Ершов, 1960, с.133/. Такое же сложение *safed-(w)urwvs* 'белый ячмень' зафиксировано в ишкашимском /Мухиддинов, 1975а, с.67/.

В ишк. *kabut-(w)urwvs* /Мухиддинов, 1975а, с. 67/ сложение ишк. *urwvs* 'ячмень' (§ 14) с заимствованием из тадж. *kabud* - букв. 'темно-зеленый ячмень', ср. дарв. *kabud-řav* /Баранов-Райкова, 1928, с.41; Рахимов, 1957, с.50/. Приводимое И.Мухиддиновым вах."хычис" 'пленчатый ячмень' /Мухиддинов, 1975а, с. 67/ - это вах. *ħačiš* букв. 'хлеба' (мн.ч. от *ħač* 'хлеб', 'лепешка', 'пицца', 'еда') и может относиться к любым хлебным злакам: вах. *ħačiš řatatk* 'хлеба созрели'. Это же слово неточно зафиксировано Т.Н.Пахалиной в значении 'рожь' (*ħačiš*) /Пахалина, 1975а, с.293б/.

Пленчатый ячмень (тадж. *ruřida-řav* букв. 'покрытый ячмень' /ТДХ, 1958, с.25/) известен, в основном, по названию /Земл.ГБАО, 1964, с.86; Мухиддинов, 1975а, с.67/. Тадж., перс. *kal-řav* 'голый ячмень' /Вавилов - Букинич, 1929, с.302, 510/, *řav-i kalak*, *řav-i liřak* /Рахимов, 1957, с.50/ букв. 'лысый, плешивый ячмень' употребительно в Дарвазе (дарв. *kalřač* '...сорт ячменя'), где оно противопоставляется дарв. *kəřinřač*, очевидно, 'пленчатый ячмень', букв. 'лохматый ячмень', ср. бад.-тадж. *kəřin* 'растрепанный', 'лохматый', ишк. (из тадж.) *kəřin* 'пушистый', 'густой', вах. (из тадж.) *kəřn* 'волосатый', 'ветвистый'. В Ягнобе также разли-

чают ячмень двух сортов: *pustaki* 'имеющий оболочку' и *lučšak* 'голенький' /Андреев, 1970, с.48/.

Вопреки утверждению М.Р.Рахимова /Рахимов, 1957, с. 50/ и согласно сообщениям большинства авторов /Баранов - Райкова, 1928, с.41; Вавилов - Букинич, 1929, с.302; Андреев, 1970, с.48, 49/, голозерные ячмени ("гималайское жито") были исключительно поливной культурой и возделывались только на поливных землях.

Язг. *nimræv*, *nimræviğ* 'ячмень с мелкими колосками', очевидно, просто к язг. *nimræv* 'метелочка...', ср. также язг. *nimræv* 'бородач (*Andropogon ischaemum*)', 'вейник (*Calamagrostis dubia*)', язг. *nimræv-weř* 'мятлик луковичный (*Poa bulbosa*)'.

Рожь

§ 20. Селекционеры пришли к выводу, что памирская рожь (*Secale cereale*) - "самая урожайная, самая ценная рожь во всем мире" /Баранов - Райкова, 1935, с.296; Земл. ГБАО, 1964, с.88/. В отличие от менее высокогорных районов, в частности Дарваза, где рожь встречается только как сорняк ячменя и пшеницы /Баранов - Райкова, 1928, с.41/, культура ржи занимает на Западном Памире значительное место. По словам Н.И.Вавилова, в Бадахшане удастся проследить все этапы происхождения ржи от вечного спутника и сорняка пшеницы до культурного растения /Вавилов - Букинич, 1929, с. 286-287/. Генезис культурной ржи тесно связан с происхождением пшеницы, которая "как бы вывела рожь в культуру" /Вавилов, 1960, с.61/. В силу своей ооильшей стойкости, рожь вытесняет пшеницу в более суровых климатических условиях и на более бедных почвах, т.е. по мере перехода к северу или из низин в горы /Вавилов - Букинич, 1929, с.287, 289/. Согласно заключению Н.И.Вавилова, "...Рошан и Шугнан, на запад от Памира, и некоторые районы Малой Азии..., где рожь возделывается с давних времен, может быть, как раз и представляют вместе с прилегающими к ним местностями очаги первоначальной культуры ржи..." /Вавилов, 1962, с.463/.

Интересно отметить факты использования сорной ржи. Так, по наблюдениям Н.Н.Ершова, в Северном Таджикистане сорная рожь употреблялась во время жатвы для обвязки снопов пшеницы /Ершов, 1960, с.132/.

§ 21. Таким образом, культурная рожь возникла из сорной, засорявшей посевы древнейших культурных злаков - пшеницы и ячменя.

В работе "О происхождении культурной ржи", написанной в 1917 г., Н.И.Вавилов помещает особый раздел "Название ржи на восточных языках и его филологическое значение" /Вавилов, 1962, с. 454/. Здесь рассматриваются иранские названия ржи - перс. *gandum-dar* и *jav-dar* (или *jav-dār*, тадж. *javdor* /Андреев, 1927, с. 25/). Первое объясняется как означающее букв. 'терзающий пшеницу' или 'находящийся в пшенице', второе - 'содержащийся в ячмене' /Вавилов, 1962, с. 454; Вавилов - Букинич, 1929, с. 284; Вавилов, 1959, с. 243; 1960, с. 227; Баранов - Райкова, 1928, с. 42/. Как уже отмечалось /Григорьев, 1932, с. 15/, перс. *jav-dār* с формальной точки зрения должно означать скорее 'содержащий ячмень', но вообще деление обсуждаемых слов на две значащие части кажется народной этимологией. Народно-этимологическим осмыслением, возможно, объяснено возникновение вариантов с *-dār* (тадж. *-dor*) 'имеющий', 'содержащий'.

Перс. *javdar(a)* 'рожь' следует считать восходящим к древнеиранскому образованию с суффиксом подобия ^х*-tara-*, т.е. к др.-ир. *yava-tara-* (также для *gandumdar*, может быть, ^х*gantuma-tara-*) 'похожий на *yava* ('ячмень')', но отличающийся от него'. Этот суффикс, указывающий на различие, представлен и в других индоевропейских языках (лат. *mātertera* 'тетка со стороны матери', 'сестра матери'), в иранских он встречается в словах: перс. *astar* 'мул', 'лошак' < ^х*asa-tara-*, *aspa-tara-* /Hübischmann, 1895, с. 123/, др.-инд. *aśva-tara-* 'лошак'; согд. *yrtr'k* 'мул' < ^х*xara-tara-* /Henning, 1946, с. 723/, хот. *khadara-* 'мул'¹⁰. Суффикс используется также для образования степеней сравнения прилагательных.

Название ржи, восходящее к др.-ир. *yava-tara* 'похожее на злак', 'отличное от ячменя' (*yava-* 'основной злак', 'ячмень' - § 15, 16), тем не менее, так же, как и не принятые выше толкования, подтверждает высказывание Н.И.Вавилова о том, что "...и в отдаленном прошлом земледелец Востока знал рожь как сорняк в пшенице и ячмене, а не как культурное растение..." /Вавилов, 1962,

¹⁰ Из иранских языков слово было заимствовано в турк. *qayātīr*, *qatīr* /ДТС, 1969, с. 4050, 4350/ (вряд ли к турк. *kat-* 'смешивать' /Шербак, 1961, с. 95/), а затем обратно проникло в ряд восточноиранских (формы с *q-*, ср. /Doerfer, Bd 3, с. 391-392; Bailey, 1979, с. 70-71/): тадж. *hašīr*, перс. *qatīr*, шугн., руш., хуф. *qašīr*, сар., язг. *hašīr*, мдж. *hašūra*, ягн. *hašīr*, афг. *hašar*, *qašar(a)*, верш., кхов. *hašīr*, кирг. *kašīr*, осет. *qadyr* и др. 'мул', 'лошак'.

с.460/. Рожь перешла в культуру по мере продвижения посевов в горы и к северу /Вавилов, 1962, с.466/.

§ 22. В Припамирье названия ржи типа *javdar* неизвестны /Баранов - Райкова, 1928, с.42/. Почти повсеместно в Бадахшане употребляется слово (бад.-тадж.) *lošak*, *lašak* 'рожь' /Вавилов - Букиннич, 1929, с.II4; Земл. ГБАО, 1964, с.20, 89/.

Ишк. *lašyk* /Мухиддинов, 1975, с.66, вах.*lašək*, шугн., руш., хуф. *lašak*, *lašuk* /EVSh, с.42b/, бад.-тадж. *lašuk* 'рожь' может быть ведет свое происхождение от слова, обозначавшего первоначально 'ость': тадж. (диал.) *loš* 'ость' (§ 13), афг. *laša*, *lašəka* 'ость', *lašəkí* 'остистый'. Г.Моргенстиерне предполагал, что афг. *laša* 'жало', 'ость' заимствовано из индоарийских и приходил в подтверждение этого предположения кашм. *liš* 'small bit', *tiny spike*... /EVP, с.39/, однако, согласно Р.Л.Тёрнеру, кашм. *liš* объединяется с группой индоарийских слов, обозначающих не "остриё или ость", а просто незначительный размер или малое количество /CDIAL, N IIII7/.

Памирское, таджикское *laš-*, *loš-* в названиях ржи (предположительно 'ость'), в свою очередь, может восходить к восточно-иранским (в связи с развитием $l < *d$) формам древнеиранского слова для ости злака: др.-ир. $*dāsa-$, $*dāsa-$ 'ость'. Последнее реконструируется на основании таких свидетельств, как перс. *dāsa* 'ость (на колосьях злаков)', талыш. *dos(t)* 'ость (колоса)'; в памирских языках с этой основой связано и название самого вредного сорняка бадахшанских полей - овсега /Земл. ГБАО, 1964, с.187, 193/: вах. *dosn*, ишк. *dəsin*, шугн. *ḡesak*, хуф. *ḡesak*, язг. *dis*, мдж. *lésa* ($< *dasya-$ /EVSh, с.32a/) 'дикий овес', 'овсег'. Из памирских языков слово проникло в местные таджикские говоры: бад.-тадж. *dosing*, *dəsin*, дарв., вандж. *dis* 'овсец' и др.

Связь названий овсега, овса и ржи находит параллель в афг. *jamdar* 'овсег', афг. *javdar* 'овсег', 'сорнополевая рожь' (из перс. *javdar* 'рожь', § 21) и в осет. (ирон.) *zul* 'рожь', тюрк. *sula*, *suli* 'овёс' /Абаев, 1979, с.194-195/^{II}.

В целом, название *lašak* 'рожь' в памирских языках и местных таджикских диалектах может быть старым наследием из восточно-

^{II} Не исключено, что с этой группой слов (название злака, обычно овса, но на Кавказе также ржи, в тюркских, финно-угорских, кавказских, монгольском) связано обозначение ости в таджикских говорах: бад.-тадж. *sil(1)a*, *suluk* 'ость'.

иранского языка с развитием $l <^{\text{ж}} d$ (типа бактрийского, мунджанского, пашто).

§ 23. Для обозначения ржи в некоторых местах Бартанга/Земл. ГБАО, 1964, с.89/ и в язгулямском зафиксировано слово *kalp*; язг. *kalp* употребляется также как название сорта ячменя (*Hordeum Bogdanii*). Это же слово отмечено и в Дарвазе: дарв. *kalp* 'рожь'/Баранов - Райкова, 1928, с.41/.

По-видимому, это какая-то разновидность преимущественно сорной ржи. Напрашивается сопоставление с вандж. *kalp* 'пустой или полупустой колос' (к тадж., перс. *kal* 'лысый', 'плешивый'?; также перс. *kalaš* 'высохшие колосья и стебли зерновых, оставшиеся после жатвы на поле'). Как известно, особенностью диких сорных злаков, в отличие от культурных, является легкая осыпаемость колосьев при созревании, столь необходимая для саморассеивания, например, овсюг, отличается этим от культурного овса /Вавилов, 1962, с.468-470/. Колосья сорнополевой ржи также могут распадаться во время созревания и осыпаться на землю, на поле остаются среди созревших колосьев ячменя или пшеницы пустые колосья сорной ржи /Вавилов, 1962, с.468/. Такие колосья, возможно, и называются словом *kalp* 'рожь'.

Упоминаемое Н.И.Вавиловым памирское "кальк" 'солома ржи'/Земл. ГБАО, 1964, с.20/, очевидно, не имеет отношения к рассмотренному выше дарв. *kalp* 'рожь', а является адаптацией тадж., перс. *kilk* 'камыш', 'тростник', ср. вах. (из тадж.) *kēlk*, ишк., шугн. (из тадж.) *kilk* 'id.'

Просо

§ 24. В Памиро-Гиндукушском регионе возделываются два вида проса: обыкновенное метельчатое просо (*Panicum miliaceum*) и итальянское (*Setaria italica*, *Panicum italicum*), так называемое (в Средней Азии) "кунах". Как уже упоминалось выше (§ 16), культура проса связана с кочевым хозяйством, распространение его происходило вместе с постоянными передвижениями народов из Центральной Азии на запад. Дикие формы проса обнаружены в Монголии, они характеризуются самоосыпаемостью колосьев при созревании (подобно овсюгу и другим "дикарям", § 23) /Вавилов, 1960, с.248/. В силу своей невзыскательности, возможности позднего посева и высокой урожайности просо издавна было спутником кочевников /Вави-

лов - Букинич, 1929, с.315/. За эти же качества просо высоко ценится и населением припамирских областей /Земл. ГБАО, 1964, с.90; Мухиддинов, 1975а, с.68/. Лепешки из просяной муки долго не черствеют и пекутся без дрожжевой закваски. Просо было в прошлом основной культурой соседнего Кафиристана, где пшеничный хлеб считался роскошью и готовился только для гостей и торжественных угощений /Robertson, 1896, с.546/. Выше (§ 16) уже упоминалось о главенствующей роли проса у предков осетин - оно было "главным хлебным продуктом" многих народов Северного Кавказа /Калоев, 1981, с.92-94/.

В языках шугнано-рушанской группы обыкновенное просо называется: шугн., руш., хуф., барт., рош. *pīnǰ* (f.), сар. *penǰ* 'просо'. Сюда же относится и старовандж. *ruñǰev* 'просо' (по-видимому, форма мн.ч., ср. суффиксы мн.ч. сар. -ef, рош. -if /Курбанов, 1978, с.51; Пахалина, 1966, с.20/). Очевидно, это слова культурного круга, которые сближаются со словами, обозначающими просо (и метельчатое, и итальянское) в индоарийских (в частности, в дардских) языках: кашм. *pinga* (f.) '*Panicum miliaceum*', '*P. italicum*', шина *ciñ* (*ciñ*) 'просо' (<**prīng* /CDIAL, № 14708/), сингальское *piyaṅgu*, праkrit *piṁgu-*, др.-инд. *priyāṅgu-* 'просо' /CDIAL 8976/. В индийских языках это название проса считается неисконным и ему, вместе с бирманским *proñ* 'род проса', приписывается восточноазиатское происхождение /КЕҢА, Вып. 2, с.378/, что согласуется с точкой зрения Н.И.Вавилова: "...родину культуры проса, на основании ботанического состава возделываемых сортов в разных странах, а также исторических данных, приходится искать в Центральной и Юго-Западной Азии..." /Вавилов, 1960, с.248/. По заключению Н.И.Вавилова, просо (и метельчатое, и итальянское) происходит из "китайского очага" /Вавилов, 1960, с.34/. Не исключено, что в памирские языки это название проса проникло с юга через дардские /EVSh, с.57а/.

§ 25. Другое название проса в памирских языках: шугн. *biǰarǰ* или *biǰarǰ-binǰ* (букв. 'просо *biǰarǰ*'), по описанию И.И.Зарубина, "род проса (чернее обыкновенного, выносящий суровый климат)" /Зарубин, 1960, с.112а/, также хуф. *piǰarǰ* 'сорт проса' /ТДХ, 1958, с.25/. можно думать, что это та же разновидность проса с серо-зелеными, почти черными зернами, которая получает иногда в Шугнанае и Рушанае название *tēr-pinǰ*, в Вахане - *šiw-yirzn* /Земл. ГБАО, 1964, с.91/, букв. 'черное просо'.

Г.Моргенстиерне считает возможным возвести шугн. *biĵarĥ* 'род проса' к др.-ир. **arī-*, **ura-karšā-* 'низший сорт возделываемой культуры (?)' /EVSh, с.19b/.

Хуф. *ĵawows* 'просо' /ТДХ, 1958, с.25/ относится, по-видимому, к итальянскому просу, так как это слово явно сближается с названиями итальянского проса. Г.Моргенстиерне восстанавливает для хуфского слова (также для зафиксированных Х.Шельдом /Sköld, 1936, с.156/ руш. *ĵawaus*, рош. *ĵawāwsk*, бадж. *ĵuwoĥc*) др.-ир. *gavarsa-* /EVSh, с.39b/¹² и сопоставляет с йид. *ḡavarso* '*Panicum italicum*', перс. *gāvras*, *gāwars(a)*, курд. *gārīs*, пар. *gāš* (**gār-šā-* /IIFL, vol.1, с.254b; vol.2, с.214a/). Перс. (дари) *gāl* 'венгерское просо', 'итальянское просо' /Андреев, 1927, с.26; Вавилов - Букинич, 1929, с.316/ (**garza-*?), афг. *yošt* 'гоми', 'итальянское просо' (**gršta-* /EVP, с.10/), по предположению Г.Моргенстиерне, могут быть родственными названиями с различными суффиксами. В связи с этим не исключено родство с невыясненным названием авестийского злака (упоминающимся в Нейрангистане и обозначающим, согласно пехлевийскому комментарию, то же, что и авест. *уава*): авест. *gavana* название зерна /AIW, с.510/.

Г.В.Бэйли сопоставляет с некоторыми из приводимых здесь слов для проса хот. *gaušā* 'итальянское просо', которое он возводит к и.-е. *g(h)euēr-* /Bailey, 1979, с.91a/.

Распространение двух рассмотренных слов для обозначения проса ограничивается, насколько известно, иранскими языками.

§ 26. В некоторых памирских языках представлен более широко известный термин культурного круга, который для древнеиранского реконструируется в виде **h(ā)arzana-*, др.-перс. **h(a)rdana-* /Morgenstierne, 1932d, с.53; 1973a, с.164/: ишк. *ūžān*, сангл. *wiž-dān*, вах. *(y)irzn*, *irz(n)*, мдж. *yūrzen*, йид. *yūrzon* 'просо', '*Panicum miliaceum*' < **h(ā)arzana-* /IIFL, vol.2, с.273a, 421a/. Древность этого слова в памирских языках не подлежит сомнению, о ней свидетельствуют фонетические изменения в приведенных названиях проса, характерные в основном для исконной лексики¹³. В других

¹² Объединение этих шугнано-рушанских названий проса с иранскими словами, восходящими к др.-ир. *уава* - 'ячмень', осет. *ĵaw* 'просо' /Абаев, 1958, с.564/ необоснованно (§ 15).

¹³ В качестве параллели историко-фонетического развития древнеиранской группы *-rz-* (> ишк. *-žd-*, вах. *-rz-*) можно привести такой бесспорный пример, как ишк. *vžāuk*, вах. *verz* 'длинный' и др. /IIFL, vol.2, с.320, 474/.

иранских языках к др.-ир. (h)aršana- восходят: хот. eysā, āysam /Bailey, 1932, с.122; 1979, с.20b, 45a/, согд. 'rān 'просо' /Боголюбов - Смирнова, 1963, с.35, II5/, афг. ẓān < *aršana- /EVP, с.106/, ванец. ēẓān /Elfenbein, 1965, с.589/, пар. ārsen, орм. aṣan, пехл., перс., тадж. arzan ("северо-западная" форма), но бахт. halum 'просо' с "персидским" l < др.-перс. -rd- /Morgenstierne, 1973a, с.164/; ср. также курд. herzin 'просо' /Курдоев, 1960, с.3136/.

Родственное название проса, возможно, представлено и в кафирских языках: ашкун aṣū, вайгали anjū, anzū, прасун iṣū 'просо' < *arjana- /CDIAL, № 636/; также кхов. olīn, калаша arīn и др. 'просо'? /CDIAL, N 195/.

Вне индоиранских языков связи этого безусловно древнего слова достоверно не установлены, хотя созвучие с др.-греч. ἄλυσος 'просо' /IIFL, vol.2, с.273a/, возможно, не случайно. Т.Н.Пахалина сопоставляет также с араб. aruzzun 'рис' /Пахалина, 1975a, с.301a/, словом принадлежащим, по-видимому, к другой группе культурных слов, названий риса - греч. ῥυζα, афг. wrīṣi, тадж., перс. birinj, др.-инд. vrīhi- и др. 'рис' /KEWA, Bd 3, с.282; Laufer, 1919, с.373/. Иранские названия риса могут, по предположению И.Гершевича, восходить к др.-ир. vrīz-na-, откуда мидийское *vrīnza-, др.-перс. *vrīžna- > *vrīnža > перс. birinj 'рис' /Gershevitch, 1979, с.149/.

Приводимую М.Р.Рахимовым дарвазскую легенду, объясняющую происхождение тадж. arzan 'просо' от тадж. arzon 'дешевый' /Рахимов, 1957, с.48, примеч.1/ следует отнести к народным этимологиям (согласно этой легенде, пророк Мухаммед превратил мешки, набитые дешевым песком, в мешки с просом).

§ 27. К числу слов более позднего происхождения в памирских языках относится название итальянского проса, употребляемое иногда и для кукурузы ¹⁴: вах. qənoq, сар. кынок/q 'кукуруза', шугн. qənoq, qənoq-bīnj 'кунак', 'род проса'. Ваханское и шугнанское слово относится к *Panicum italicum* /Земл. ГБАО, 1964, с.90/, ср. дарв. qənoq 'кунак', '*Panicum italicum*' /Баранов - Райкова, 1928, с.43/, в этом же значении слово употребительно в Герате

¹⁴ Имеются сведения о том, что кукуруза выращивалась в Рушане еще в XIX в. /Земл. ГБАО, 1964, с.91/; цитируемые ниже ваханские и сарыкольские слова в значении 'кукуруза' (Indian-corn) приводит уже Р.Б.Шоу /Shaw, 1876, с.205/.

/Вавилов - Букинич, 1929, с.316/. В памирские языки и таджикско-персидские диалекты это название, по всей видимости, вошло из турецких; уйг. qonaq 'маис', 'кукуруза' /Jarring, 1964, с. 251/, узб. qūnoq, кирг. konok 'могар', 'итальянское просо', 'гоми', 'кунак' и др. В турецких языках слово засвидетельствовано довольно давно, в форме qojaq 'вид проса' приводится уже в Словаре Махмуда Кашгарского (XI в.), также встречается слово qonaq - вид проса - в древнеуйгурском тексте /ДТС, 1969, с. 453а, 455б/. В турецких языках название проса связывается с корнем kōn- 'сажать что-либо в землю' /Clauson, 1972, с.637а/.

К этой группе турецких по происхождению названий проса, возможно, относится вах. kōnww 'стебель проса'.

В язгулямском и в старованджском зафиксировано слово харбан 'просо', '*Panicum miliaceum*'¹⁵, которое, по-видимому, можно сопоставить с названиями ячменя типа узб., кирг. агра, афг. orbēši и др. (§ 14).

§ 28. Из названий отдельных сортов проса засвидетельствованы:

хуф. ruš-binj /ТДХ, 1958, с.25/, руш. roš-pinj, вах. sēkr-yirzn букв. 'красное просо' - разновидность метельчатого проса с серо-желтыми или коричневыми семенами /Земл. ГБАО, 1964, с. 90/;

шугн. safēd-pinj, вах. guxn-yirzn букв. 'белое просо' - разновидность метельчатого проса с белыми семенами /Земл. ГБАО, 1964, с.90/;

упоминавшееся выше (§ 25) шугн. tēr-pinj, вах. ʔnw-yirzn букв. 'черное просо' - разновидность раскидистой формы метельчатого проса с серо-зелеными, почти черными семенами /Земл. ГБАО, 1964, с.90-91/.

Эти описательные наименования, весьма вероятно, должны иметь соответствующие аналоги в бадахшано-таджикских говорах (типа arzan-i surx, arzan-i safed и т.п.). Язг. pāʔūg 'сорт проса с одним колоском' и шугн. piʔēk 'отбросы проса...' нуждаются в более точном определении.

Таким образом, как показывает проведенный анализ, несмотря на древность культуры, общего для всех памирских языков названия

¹⁵ По Г.Моргенстиерне, '*Panicum italicum*' /EVSh, с. 98а/, именно итальянское просо чаще всего ассоциируется с кукурузой, ср. в этой связи приводимое Д.И.Эдельман язг. ʔāri xarban 'кукуруза' /Эдельман, 1971, с.306/, букв. 'городское просо', калька шугн. ʔār(i)binj 'кукуруза' (шугн. pīnj 'просо').

проса нет. Возможно, это объясняется разнообразием возделываемых сортов проса.

Не имеет хорошей этимологии общее для некоторых памирских языков название хлеба (лепешки) из просяной муки: вах. *kəlosək*, руш., хуф. *kilawsək* /ТДХ, 1958, с.236/, шугн. *k(i)lōḥsək* 'лепешки из проса' (<^{***}*kulars-* /EVSh, с.40b/) – скорее всего общее заимствование, связанное, быть может, с целым рядом названий хлебных изделий с *kul-* "круглый (?)", ср. тадж. *kulča*, перс. *ku-līča*, пехл. *kulāčag* 'маленькая круглая лепешка' и др. В типологическом плане сопоставимо с шугн., руш., барт. *garbā*, ишк. *gola*, *gola*, ягн. *gīrda* 'лепешка', 'хлеб' – старое заимствование из перс. *garda* 'круг', 'круглый хлеб', 'лепешка' /ТДХ, 1958, с.236; ЯТ, с.255a/.

Горох

§ 29. Известно, что зерновые бобовые растения получают большое распространение там, где население испытывает недостаток в животных белках /Вавилов, 1960, с.283/. В недалеком прошлом бобовые культуры, в особенности горох, бобы и чина, служили основным продуктом питания припамирских народностей. Из муки бобовых растений готовилось прежде ежедневное кушанье припамирских горцев похлебка-лапша, заправленная молочными продуктами, так называемый "ош" /Пещерева, 1927, с.5; ТДХ, 1958, с.236/. С приготовлением и употреблением оша связан ряд старых обычаев и поверий /Стеблин-Каменский, 1975, с.200; ЯВГ, 1976, с.185, 193/, существует даже специальная исмаилитская молитва, читаемая после такой похлебки (на "межпамирском фарси"): *oṣ-ī gārm-i qabul-ul-lo, radkunanda-yi balo, fauz az nabī, kaḡam az xudo. ullo-akbar!* – 'Горячая похлебка, угодная Аллаху, отстраняющая несчастья, милость пророка, благодать господа. Аллах велик!'

Само слово *oṣ* (бад.-тадж.) 'похлебка-лапша из бобовой муки' (также гороховой, муки чины) в памирских языках представлено следующим образом: вах., ишк., шугн., руш., хуф., барт., рош. *oṣ*, сар. *uṣ*, язг. *iṣt* 'лапша', 'похлебка-лапша'. По-видимому, это все разновременные заимствования из таджикского и персидского: тадж. *oṣ*, перс. *āṣ* 'вареная пища', 'кушанье', 'горячая еда' – в таджикском *oṣ* обычно 'плов'. В язгулямском, в частности, засви-

детельствована и более ранняя заимствованная форма (išt 'лапша'), и более поздняя (oš 'плов').

Это слово имеет очень широкое распространение: ягн. oš, oš 'пища', 'плов', афг. āš 'клетка', 'еда', 'суп', 'каша', талыш. аш, oš 'суп', 'каша', уйг. аш, āш 'пища', 'плов' и др. В тюркских языках слово считается заимствованием из иранских /Севортян, 1974, с.211/, в свою очередь, ир. āш в значении 'плов', видимо, усвоено позднее из тюркских /Doerfer, Bd 2, № 481; Doerfer, 1967, № 219/. Есть основания видеть в тюрк. аш 'зерно', 'пища' исконную основу, имеющую соответствия в алтайских (и шире — в ностратических) языках /Дмитриева, 1979, с.179; Иллич-Свитыч, 1971, с.259-260/. Для пехл. āш Г.С.Нюберг предполагает происхождение из др.-ир. ā-yiša-, авест. yah- 'кипеть' /Nyberg, 1974, с.33-34/; ср. также осет. (ирон.) bas 'суп', 'похлебка' < *ura-āva-, др.-ир. av-, др.-инд. aś- 'кушать' /Абаев, 1973, с.120/; в персидском также ожидалось бы *āv /Hubschmann, 1895, с.7; Horn, 1893, с.8/. В целом происхождение этих слов остается неясным. В кафирских и дардских языках можно сопоставить с ашкун уш, пашан išō, шумашти iše 'похлебка' и др. к др.-инд. yūsa- /CDIAL, № 10521/, ном. yūh 'похлебка', лат. jūs, русск. юха, юшка, юха, лит. jūšė 'рыбный суп' и др. /KEWA, Bd 3, с.26/. Заслуживает внимания и сравнение с вандж. hoš 'похлебка для собаки', Иид.(h)oš, кхов. hōš 'растопленный жир' /IIFL, vol.2, с.214a/; также в язгулямском и в шугнанском, по сведениям А.З.Розенфельд /Розенфельд, 1964а, с.96б/; ср. выше ягн. oš, oš 'пища', 'плов'. В памирских языках oš 'похлебка-лапша (из муки бобовых)' должно быть, во всяком случае, старым заимствованием из таджикско-персидских диалектов.

§ 30. В Припамирье возделываются, главным образом, три вида зернобобовых: горох, конские бобы и чина. В некоторых районах сеят в меньшем количестве нут, маш и чечевицу. В последние годы площади, занятые бобовыми культурами, сильно сократились, поскольку они были признаны "наследием нищенского прошлого" /Земл. ГБАО, 1964, с.100/. Бобовые часто высевались в смеси с другими культурами. Так, самая распространенная в прошлом бобовая культура Припамирья — горох (*Pisum sativum badakhschanicum*), высевалась вместе с ячменем. Совместные посевы ячменя и гороха поднимались здесь до крайних высотных пределов земледелия /Вавилов — Букинич, 1929, с.323; Земл. ГБАО, 1964, с.100, 102/.

Общего слова для обозначения гороха в памирских языках нет. В шугнано-рушанской группе и в язгулямском зафиксировано общее название для гороха и бобов, по-видимому, перешедшее на горох с маша (*Phaseolus aureus*, Ph. *mungo*), который попадал в Бадахшан из Индии и Афганистана /Земл. ГБАО, 1964, с.105/. Шугн., руш., хуф., барт., рош., сар., язг. *maḥ* 'горох', 'бобы', 'маш' связано по происхождению с тадж., перс. *māš* 'маш', 'род чечевицы', пехл. *māš* 'горошек', 'бобовые'. Язг. *miḥ* 'маш', 'фасоль' следует считать аналогичной адаптацией, относящейся, возможно, к еще более раннему периоду (ср. бесспорные старне заимствования с передачей тадж., перс. а → язг. ū: язг. *šurx* 'прялка', *šur* 'грудь', *šurg* 'смерть' и т.п.).

По весьма вероятному предположению Г.Моргенстиерне /EVSh, с.46а/, с этими же словами связаны и другие названия бобовых культур (преимущественно гороха) с элементами *maš/ḥ-*, *miš-*, но отличающиеся по словообразованию. Шугн. *maḥorj* 'горох' связано с сар. *maḥorj* 'коралл' (т.е. 'коралловая бусина?'), сар. *maḥak* 'брошь', сар. *maḥawar* 'град' /EVSh, с.46а/¹⁶.

В других иранских языках сюда, возможно, относятся ягн. *mišk*, согд.-будд. *mwš'kk* 'горох' /ЯТ, с.288б/, ягн., тадж. (диал.), афг. *mišung* 'горох', афг. *m(a)šénga* 'чина', дарв. *mišung* 'чина' /ТКД, 1966, с.III/ и др. Вместе с перс. *māš* 'маш' эти слова могут быть обязаны своим происхождением древнейшему названию бобовой культуры, упоминаемому еще в Ригведе, др.-инд. *māsa-* 'бобы' /Horn, 1893, с.214/. Древнеиндийское слово относят к так называемым бродячим словам культурного круга, видимо, оно заимствовано из дравидских или языков мунда /KEWA, Bd 2, с.630; Bock, с.371б/.

§ 31. Спорным кажется вопрос о связи рассмотренных названий гороха с названием собственно маша (*Phaseolus mungo*) в древнеиндийском (др.-инд. *mudgá-*) и словами для гороха в памирских и других иранских языках с корневыми *-š-*, *-γ-*. Общее происхождение др.-инд. *mudgá-* 'маш' и *māsa-* 'бобы' считается возможным в слу-

¹⁶ Ср. ниже (§ 32) вах. *šaḥ* 'горох', *šaḥek* 'град'. Вах. *mišek* 'град', записанное Г.Моргенстиерне /IIFL, vol.2, с.530б/, в действительности к бад.-тадж. *mežek* 'горох' (§ 31), метафорически также 'град', 'бусы' и т.п.; ср. шугн. *maḥak* 'град', 'женские бусы', язг. *maḥak* 'резная металлическая бусина'.

чае старого заимствования их из неарийского источника /KEWA, Bd 2, с.630, 653/.

Мдх. *mīṭa*, (верхн.) *mūga* 'мушенг (*Pisum sativum*)', Иид.*mīyo* 'бобы' может быть заимствованием из индоарийского (из пракритского *mugga*- '*Phaseolus mungo*'? /IIFL, vol.2, с.226b/, ср. даме-ли *mung* 'бобовые', пхалупа *mung* 'горох', шина *mūn* 'чечевица', камм. *mong* 'маш', хинди *mūg* и др. < скр. *mudga*- 'разновидность бобовых' /CDIAL, № IOI98/). Слово было заимствовано также в перс. *mung* /Laufer, 1919, с.308/.

В таджикско-персидских диалектах Бадахшана горох носит название *mīḡik*, *mēḡek*, гор., вах.-тадж. также *mēḡek*, *mēḡek* 'горох', мадаглаштское *mīḡik* 'род бобов' /Lorimer, 1922, с. 204/. Этим словом, по-видимому, родственным только что приведенным индоарийским (старая адаптация в связи с палатализацией *g → ḡ/ḡ?), называется горох в ишкашимском языке: ишк. *mēḡik*, сангл. *mīḡik* 'горох'. Сюда же могут быть отнесены такие названия как руш., хуф., барт. *mīḡag* 'пашенник (*Lepyrodiclis holosteoides*)', язг. *mīḡag* 'ясменник (*Asperula aparine*)'¹⁷, перс. *maḡak*, *mīḡū*, пехл. *mīḡūg* 'чечевица' /EVSh, с.46b/ (см. также выше примеч.16 и § II8).

Неясно, следует ли связывать с др.-инд. *mudgá*- 'маш' дарвазские слова для чечевицы /ТКД, 1966, с.III/ и гороха /Баранов - Райкова, 1928, с.44/: дарв. *mulk*, *mulkak*, *milk* '*Pisum sativum*', ягн. (из тадж.?) *mulk* 'бобы'. Это название отмечено и в других языках. Абу Райхан Беруни приводит "древнесиджистанское" (т.е. систанское) название мальвы и джута - *mulkak*, *mulk*, последнее употребляется и в качестве персидского названия чины (*Lathyrus sativus*, § 64); там же приводится арабский вариант *maḡḡ* 'горох', 'маш' /Беруни, 1974, с.354, 822/. В Таджикистане употребляются также названия разных сорняков типа *munḡ* 'вика (*Vicia*)', *mīḡung-i gowak* букв. 'коровий горошек', *mēḡak* '*Lathyrus tuberosus*' /СРТ, 1953, с.39-40/. М.Р.Рахимов приводит для чины (§ 34) названия дарв. *mēḡak*, *mēḡang* /Рахимов, 1957, с.48/.

В общем, можно предполагать, что приведенные названия гороха в памирских языках, так же, как и в таджикских и персидских

¹⁷ Плоды ясенника употребляются в качестве бус /Эдельман, 1971, с.161/, ср. выше (§ 30) сар. *maḡorḡ* 'коралл' ('коралловая бусина', 'горошина').

диалектах, усвоены из индийских языков вместе с разновидностями маша, культурой, "пришлой из Индии" /Вавилов - Букинич, 1929, с.346/.

Инд. *khīṃśuṃ*, мдж. *kurdiko* 'горох' (или 'чина?'), согласно объяснению Г.Моргенштерне /IIFL, vol.2, с.268а/, связано с заимствованием из перс. *xurd* 'маленький' (в йидга букв. 'маленький горох').

§ 32. Особняком среди всех названий бобовых растений в памирских языках стоит название гороха (или нута, § 40): шугн. *ri-vand*, барт., руш., рош. *ravand* 'род гороха' /Зарубин, 1930, с. 536/, 'нут' /Зарубин, 1960, с.2196; Баранов - Райкова, 1928, с. 47, примеч.2/, язг. *ravan* 'горох' (*rævəndin* 'гороховый')¹⁸. Значение 'бараний горох', 'нут' (*Cicer arietinum*) /Земл.ГБАО, 1964, с.104/ подтверждает и название вида дикого нута руш. *ravandak-woḥ* '*Cicer songoricum*' /ТДХ, 1958, с.110, № 13/¹⁹. По-видимому, в памирских языках это все же заимствование. По сообщению Абу Райхана Беруни, черная разновидность дикого нута на бухарском диалекте называется *raband* (?) /Беруни, 1974, с.396-397/. В памирских это чаще также, очевидно, не горох, а нут (§ 40).

По-вахански горох называется словом, сближающимся с названием бобов в других памирских языках, по-видимому, так же как и названия маша, относящимся к кругу культурных: вах. *ṣaḥ* 'горох' (*Fisum sativum*), руш., хуф., барт. *ḥaṣ* 'боб(ы)', язг. *ḥaḥ* 'бобы', 'крупный горох' (в переносном значении рош. *ḥaṣ* 'яичко человека и лошади').

Вах. *ṣaḥ* 'горох', разумеется, не имеет ничего общего с тадж., перс. (диал.) *ṣak* 'роса', 'иней', которое, по мнению Т.Н.Пахалиной, в ваханском обозначает также 'град', 'горох' /Па-

¹⁸ Созвучие с перс. *ri-vand* 'ревень' (§ 110), наверно, случайность.

¹⁹ Там же приводится название цицера джунгарского (род дикого нута?) шугн. *ḥew-maḥorjak* букв. 'горох дива', ср. аналогичные по строению вах. *liw-ṣaḥ*, вах.-тадж. *meḥek-i diw* 'пахитник (*Trigonella* sp.)', букв. также 'горох дива': Первая часть упоминаемого там же язг. *menji-wiḥ* '*Cicer songoricum*' /ТДХ, 1958, с.110, № 13/, *menj-weḥ* '*Geranium collinum*' /Эдельман, 1971, с.158/ может быть связана со словами для гороха, сближающимися с др.-инд. *mudga-* (§ 31); во второй - язг. *weḥ* 'трава'.

халина, 1975а, с.2676/²⁰. Скорее можно предполагать, что вах. *šax*, шугн.-руш. *šāš* 'горох', 'бобы' как-то связаны с кхов. *šax* 'овощи', 'зелень' (из др.-инд. *śāka* - /Morgenstierne, 1973а, с. 271; CDIAL, N 12370/) (§ 84, 109).

Проведенный анализ показывает, что общих для памирских языков достаточно древних или исконно иранских названий гороха, как кажется, не существует, несмотря на то, что центр происхождения азиатских форм культурного гороха находится, по заключению Н.И.Вавилова, совсем неподалеку от области распространения памирских языков — в восточной части Афганистана и примыкающих районах Северо-Западной Индии /Вавилов — Букинич, 1929, с.327/. По всей видимости, это, так же, как и в других аналогичных случаях, следствие большого разнообразия возделываемых видов бобовых культур и их внешнего сходства, в результате чего названия маша, гороха, бобов, нута, чины и чечевицы часто объединяются в одинаковых по происхождению словах в разных языках.

Бобы

§ 33. Второе место среди бобовых культур принадлежит в Припамирье так называемым "конским бобам" (*Vicia faba*) /Земл. ГБАО, 1964, с.102/; бобы эти идут здесь исключительно в пищу людям и название "конские" для них неприемлемо /Вавилов — Букинич, 1929, с.333/; определение это относится, очевидно, к их величине (ср. "конский щавель").

В шугнанском языке бобы называются словом *maš*, рассмотренным выше (§ 30). По-рушански, хуфски, бартангски бобы называют-

²⁰ Т.Н.Пахалина смешивает здесь два совершенно разных по происхождению слова: вах. *šax* 'горох', *šaxək* 'град' (букв. 'горошек', см. выше примеч.16) и вах. (из тадж.) *šak* 'роса', 'иней' (очевидно, окказионально также 'град') — широко распространенное слово (возможно, восточноиранское, в таджикских диалектах из др.-ир. *sraska-*): тадж. (матч., кул.) *šak* 'роса', 'иней', из тадж.-перс. → ишк. *šak*, сангл. *šak*, шугн. *šak*, сар. *šok* 'роса', 'иней', язг. *šak* 'влага', 'сырость', мдж. *šak* 'иней' и др. /IIFL, vol.2, с.251а; EVSh, с.101b/, кирг. *šak* 'роса'. Исконные отражения др.-ир. *sraska-*, авест. *sraska-* 'слеза' представлены в вах. *šəšk* 'капли масла, выступающие на стенках сосуда при нагревании', язг. *šəšk*, ягн. *šəšk* 'роса'; ср. согд. *šyškuu* 'капля' /ЯТ, с.3256/, перс., тадж. *sirišk* 'слеза', 'капля'.

ся *ḫāḫ*, по-язгулямски — *ḫāx* — словом, сближающимся с ваханским названием гороха (§ 32). Во всех остальных памирских языках и в местных таджикско-персидских диалектах употребляется широко распространенный заимствованный термин, известный во многих соседних языках: бад.-тадж. *boq(ə)lo*, вах. *boqla*, *boqla*, ишк. *boq(ʔ)la*, сангл. *bāl̥ē*, *bāqilā*, сар. *baqli*, мдж. *boqla* 'бобы' (*Vicia faba*)'. В других языках: тадж. *boqilo*, перс. *bāq(i)lā*, афг. *bāṭ(u)-li*, араб. *bāqilā*, уйг. *baqla*, непальское *bakullā*, хинди *baqla* /Turner, 1931, с. 413/, курд. *bakla* /Бакаев, 1957, с. 38а/, ягн. *bókila*, бел. *bāŭklifŭk* /Geiger, 1891, с. 50/ и др. 'бобы'.

Проникновение этого явно чужеродного названия в области, считающиеся "основным центром происхождения бобов" (Восточный Афганистан и примыкающие к нему пригималайские районы) /Вавилов — Букиннич, 1929, с. 337/, связано, очевидно, с распространением определенных культурных сортов, названия которых становились общими для всего вида.

Чина

§ 34. Чина возделывалась в Припамирье в смешанных посевах с ячменем или пшеницей, реже с рожью и бобами /Земл. ГБАО, 1964, с. 103/. Из муки чины (*Lathyrus sativus*) прежде также готовили похлебку-лапшу "ош" (§ 29), но ценили чину гораздо меньше других хлебных и бобовых зерновых культур. Повсеместно в Припамирье рассказывают, что если поест горячей похлебки из чины и поспать в теплом месте (например, на очаге традиционного памирского дома), то можно охрометь /Кушкеки, 1926, с. 157/. Согласно другим сведениям, хромота происходит, если после чины спать в прохладном месте или сидеть на земле /Баранов — Райкова, 1928, с. 47/. М. Г. Асланов пишет, что афг. *mastak* 'чина' вызывает латиризм (поражение центральной нервной системы) у людей /Асланов, 1966, с. 822а/²¹. В ядовитости чины сомневался Н. И. Вавилов /Вавилов, 1960,

²¹ Афг. *mastak* также 'плевел', очевидно по его ядовитым свойствам (*Lolium temulentum* — 'плевел опьяняющий', ср. афг., перс. *mast* 'пьяный'). Более обычное название чины в Афганистане: афг. *kulul*, *kalol* 'чина' /Вавилов — Букиннич, 1929, с. 337; Асланов, 1966, с. 687а/. Н. И. Вавилов приводит там же название чины в районе Герата — "лянгаш" — к перс. *lang* 'хромой'? Афг. *mot* '*Lathyrus sativus*' /Volk — Schapka, 1972, с. 15, № 155/, афг. *mot* '*Phaseolus aconitifolius*', возможно, адаптации перс. *mast(ak)*.

с.290/. В настоящее время чина идет больше на корм скоту, в особенности птицам, разведение которых началось сравнительно недавно /ТДХ, 1958, с.146 и сл./. В ваханском селении Птых (Ртнх) в Сархадде (3.300 м над уровнем моря), которое детально обследовала австрийская экспедиция 1975 г., чина занимала 4,4% всех возделываемых площадей. По сообщению участника экспедиции В.Раунига, чина вызывает поражение центральной нервной системы (латиризм) при обильном употреблении ее в сыром виде /Grosser Pamir, 1978, с.185ab, 277b/. Чина содержит химические элементы, способные вызвать паралич; способы предотвращения паралича (вымачивание чины в воде, добавление древесного угля) известны с глубокой древности /Kullo - Hubbard, 1981, с.97/. Согласно медицинским исследованиям, чина вызывает особую форму паралича (латиризм), если доля пищи из чины (также и из других бобовых) в ежедневном рационе человека превышает 25% всей еды /Бахтеев, 1960, с.179/.

Русское слово чина '*Lathyrus sativus*', '*L. tuberosus*' может быть обязано своим появлением санскритскому *cīnaka-*, *cīna-*, *cīna-* '*Panicum miliaceum*', 'метельчатое просо', букв. 'китайское' /Laufer, 1919, с.595/ от *cīnā* — Китай (по имени династии Ts'in 246-207 до н.э. /KEWA, Bd I, с.392/). Как установлено Н.И.Вавиловым, просо (в трех видах: метельчатое, итальянское и пайдза) относится к важнейшим эндемам умеренной зоны китайского очага происхождения культурных растений /Вавилов, 1960, с.29, 34/. Более близким источником русского слова чина следует считать индийские названия: хинди *cīnā*, *cenā*, синдхи *cīno*, лахнда *cīnā* 'просо' и др. к др.-инд. *cīna-*, *cinna-* /CDIAL, N 4842/; хинди *cana* 'нут (*Cicer arietinum*)', 'мелкий горошек' /Platts, 1930, с.442b/, *cīna*, *cenā* 'просо' /Platts, 1930, с. 471b/, по сведениям Абу Райхана Беруни, "на индийском языке" так называется и сорго (перс. *juvārī*, *arzan-i hindī* букв. 'индийское просо') /Беруни, 1974, с.465/. Из индоарийских языков заимствовано афг. *čana* 'нут (*Cicer arietinum*)'; реконструируется хот. **cīnaka* 'просо' — заимствование из санскрита /Bailey, 1979, с.102a/. Неясно, можно ли связать с этими названиями слова для колоса в дравидийских языках: курух *canu*, колами *cen* и др. /DED, № 2300/. Перс., тадж. *čina* 'птичий корм', 'зерна', 'зерновой корм для птиц' не связано с названиями проса, нута или иных зерновых культур, а образовано от перс., тадж. *čīn-*: *čīd-* 'клевать выбирая (о птицах)', 'собирать' и т.п.

О восточном (азиатском) происхождении русского слова чина может свидетельствовать и то, что в славянских и европейских языках оно стоит особняком (см. например, названия посевной и луговой чины /Словарь полезных растений, 1970, с. II7, № 253, 254/); насколько известно, русское чина считалось словом с неясной этимологией /Фасмер, т.4, с.365/. Существует объяснение русского слова чина, как возникшего на украинской почве из *черна - от глагола со значением 'зацепляться' /Меркулова, 1965, с.84; 1967, с.86/. Для названия культурного растения заимствование более вероятно. В настоящее время чина известна, преимущественно, как культурное растение; о наличии внешне сходных форм чины и нута могут свидетельствовать такие ее виды, как *Lathyrus cicera*.

§ 35. В памирских языках чину называют по-разному.

изг. *sadark* 'чина луговая (*Lathyrus pratensis*)', руш. *sa-dārg*, барг., рош. *sadārk* 'бобовое растение' /Зарубин, 1937, с. 636/ 'чина' /Земл. ГБАО, 1964, с.103/ должно быть заимствовано /EVSh, с.72a/, ср. дарв. *saderk* 'чина' /Баранов.-Райкова, 1928, с.46/, тадж. *sidirk* 'чина'. Слово может быть тюркским по происхождению, ср. тюрк. *sīdir* - 'сдирать', 'облупливать' /ДТС, 1969, с.5026/, кирг. *sīdir* - 'срывать горстью ягоды с ветвей', узб. *si-dir* - 'соскребать', 'сдирать (листву)' и др. (в типологическом плане можно сравнить с предполагаемым родством др.-инд. *ghars* - 'тереть', *ghrsta* - 'тертый', русск. горох, лат. *furfur* 'кожура стручка' и др. /КЕWA, Bd I, с.358; EBP, с.10/.

Шугн. *xiziv* 'чина' по чисто фонетическим соображениям возводится Г.Моргенстиерне к гипотетическому др.-ир. **hvačaba* - '?' /EVSh, с.97b/. Происхождение этого названия чины неизвестно. Возможно, к шугн. *xin* 'синий' - у чины ярко-синие цветы (см. ниже, примеч.22), но тогда ожидалось бы начальное *xi*- (неточная запись или фонетический вариант?).

§ 36. В ваханском и ишканимском языках для обозначения чины употребляется слово культурного круга, сближающееся с названиями некоторых зерновых растений в языках и диалектах к югу от главного хребта Восточного Гиндукуша: вах. *kroṣ*, ишк. *kaṛoṣ*, *ka-ṛāṣ* 'чина'. Оно было сопоставлено И.И.Зарубиным с верш. *ṛarāṣ* 'бобовое растение' /Зарубин, 1927a, с.3346/, сходное название есть в бурушаски, соседних дардских и кафирских языках: верш. *ṛaras*, бур. *ṛerāṣ*, шина *gerāṣ*, кхов. *keṛāṣ* 'род бобовых' /Lori-

mer, 1938, с.180а/²², шина *ṡerāṣ*, кхов. *kherāṣ* /Lorimer, 1938, с.405b/, пхалура *kāraṣ* /Buddruss, 1967, с.108/, *kāri*, дамели *kāraṣ*, шумашти *kaṡāṣ*, кхов. *graṣ*, *gras*, шина *garas* 'просо' /CDIAL, № 14384, 14462/, калаша *karesh* (?), *karas* 'просо' и др. — связь всех этих названий с др.-инд. *kāśa*- 'трава...', *grāśa*- 'глоток' /CDIAL, № 3112, 4379/ очень сомнительна /IIFL, vol.4, с. 115b/. Скорее, следует считать эти названия проса и чины старыми культурными словами и сопоставлять со славянскими названиями чины и гороха: чешское, словацкое *hrách*, *hrachor* 'Lathyrus' /Machek, 1971, с.182/, русск. горох и др. (сближаемое с др.-инд. *ghars*- 'тереть', см. выше § 35). В любом случае, в ваханский и ишкашимский языки это название чины проникло, очевидно, из вершиковского или кховар.

Аналогичным образом йидга *k¹ṣṡr*, *kṣṡr* 'Lathyrus sativus' должно быть заимствованием из индоарийских: бенгали, ория, непали *khesāri*, хинди *khesārī*, *kisārī* 'чина' /Turner, 1931, с. 128; CDIAL, № 3925/.

Отношение к рассмотренным названиям чины афг. *kərṡṡu* 'бобовое растение, идущее на корм', афг. *kwerṡá* 'бамия', 'фасоль' — неясно.

§ 37. В мунджанском и сангличском (отчасти и в ишкашимском) употребляется название чины, известное в бадахшано-таджикских говорах, также и в других персидско-таджикских говорах соседних районов: ишк. *patak* /Земл. ГБАО, 1964, с.103-104/, *patṡk* /Муриддинов, 1975а, с.66/, сангл. *patək*, мдж. *pātəka*, *pāteka*, вах.-тадж. *patak*, бад.-тадж. *patuk*, *patūk* /Lorimer, 1922, с. 182/, панджширское *patak* /Андреев, 1927, с.25/ 'чина'.

Это широко распространенное слово заслуживает того, чтобы рассмотреть его более пристально, так как именно в нем отразилось, возможно, старое индоиранское обозначение чины. В таджикско-персидских говорах Бадахшана *patak*, *patək* 'чина' определенно ассоциируется с названием обряда обсыпания мукой и самой муки, используемой для этого обряда, известного у многих народностей Памиро-Гиндукушского региона: вах. *p(ə)tyk*, верш. *phatak*, барт., руш., *retūk* /Зарубин, 1937, с.596/ и др. 'обрядовое обсыпание

²² Судя по описанию, приводимому Д.Л.Р.Лоримером ("синие цветы") /Lorimer, 1938, с.405b/, имеется в виду именно чина, представленная в Бадахшане разновидностью с синими цветами /Земл. ГБАО, 1964, с.103/.

мукой', 'мука для обсыпания'. Мукой посыпают определенные части дома и домашнего очага во время празднования Нового года (дня весеннего равноденствия), при возвращении домой и отъезде, по случаю сватовства и свадьбы, подъема на летовку и в других случаях. Мукой посыпают животных (волов во время первой запашки) и людей. Людям, как правило, посыпают мукой правое плечо; по словам М.С.Андреева, - "приветствие доброму ангелу, сидящему на правом плече каждого человека" /ТДХ, 1953, с.123, примеч.1/. Об обрядовом посыпании мукой в Припамирье сообщают многие авторы /Biddulph, 1880, с.78 и сл.; Бобринской, 1908, с.93, 108; Андреев - Половцов, 1911, с.29; Lorimer, 1935, с.299; Мухиддинов, 1975а, с.95; ЯВГ, 1976, с.249-250; Muller-Stellrecht, 1979, с.382б/. Никто, однако, не пишет, какой именно мукой совершается обрядовое обсыпание, возможно, потому, что на таджикско-персидских диалектах Бадахшана (служащих посредником при записи этнографической информации) любая мука называется *ord*, а обряд обсыпания - *ord zadan*. По нашим наблюдениям, в Вахане и Гороне для обрядового посыпания используется только мука бобовых растений, преимущественно мука чины, как менее ценная и наименее пригодная в пищу. В каждой ваханской семье есть целый мешок муки из бобовых, предназначенной только для ритуальных целей посыпания, и использовать ее в пищу можно лишь в крайнем случае²³. По словам информантов, это объясняется тем, что мука бобовых хорошо прилипает к тому месту, на которое ее посыпают, в то время как мука злаковых (пшеницы, ячменя) легко осыпается. Есть все основания полагать, что бобовая мука и, в частности мука чины, используется для ритуального обсыпания и в других областях Памиро-Гиндукушского региона.

§ 38. Руш., рош. *rutūke* 'мука и масло, входящие в состав приданого невесты' /Зарубин, 1930, с.51б/, барт., руш. *petūk* 'обрядовое обсыпание мукой в знак почета при входе или выходе' /Зарубин, 1937, с.59б/, вах. *р(е)тык* 'мука для посыпания', 'обрядовое посыпание' сопоставляется с верш. *phatak*, кхов. *pathak* 'обсыпание мукой' /EVSh, с.63а/. Г.Моргенштиерне выводит вах. *ptyk* 'мука' непосредственно из др.-ир. *pištāka* - /Morgenstierne, 1960a,

²³ В таких случаях говорят: вах. *се ptyk yumj-en oš goj* 'приготовь ош (похлебку-лапшу, § 29) из муки-птык' /Стеблин-Каменский, 1975, с.193/, т.е. из бобовой муки для обряда посыпания (исторически букв. 'муки чины', § 38).

с.152/, предполагая заимствование из ваханского в ижовар /EVSh, с.63а/. Действительно, в ваханском есть три бесспорных примера отражения др.-ир. -št- > вах. t: вах. at 'восемь' (авест. ašta), вах. pərt 'спина' (авест. paršti-), вах. -it 'есть' (авест. as-ti). Более обычным является все же отражение др.-ир. št > вах. st, št, засвидетельствованное в частности и в вах. pəst 'толокно' < *pišta- (др.-инд. piṣṭá- 'мука', тадж., перс., пехл. pist, ишк. pýt, сангл. put, шугн.-руш. pišt и др., § 18).

В этой связи можно заключить, что название ритуала обсыпания бобовой мукой в памирских языках (типа вах. pətyk), а также и название бобовой культуры, из которой готовится мука для посыпания, в бадахшано-таджикских диалектах и памирских языках (типа бад.-тадж. pətek, мдж. pātēka 'чина') в конечном итоге восходит к индоиранскому pišta- 'молотое', 'толченное' (и.-е. re-is- 'толочь пестом'), но усвоено из индоарийских языков. Характерное для индоарийских языков развитие sṭ > t, th с последующей потерей аспирации и церебрализации в заимствовании подтверждается санглической формой: сангл. pətek 'чина'; ср. в индоарийских: вотапури pīt, непали piṭho 'мука', авадхи pīthā 'молотые бобовые', хинди pīthī 'намоченные в воде бобовые, затем очищенные и смолотые', гуджарати pīthī 'просяная мука', pīthī 'желтый порошок на телах жениха и невесты', синдхи pītho 'тесто из бобовой муки', панджаби pīthī 'бобовая мука' и др. из др.-инд. piṣṭá- 'молотое', 'мука' /CDIAL, N 8218/.

Таким образом, название ритуала обсыпания мукой, самой муки для обсыпания и чины в некоторых памирских языках²⁴ и местных таджикских диалектах следует считать индоарийским наследием или же общим заимствованием из языка типа ишкашимского, хотя последнее менее вероятно - ввиду малой социальной значимости ишкашимского и отсутствием надежных примеров заимствований из ишкашимского и санглического в другие памирские языки. В качестве аналогии перехода значения "мука" → "название растения" можно привести уже упоминавшиеся русские слова пшено, пшеница, восходящие к тому же и.-е. re-is- 'толочь (пестом в ступе)', 'молоть'.

²⁴ В шугнанском языке обряд обсыпания мукой называется bū(ν)n, хуф. būwn /ТДХ, 1953, с.133; 1958, с.86, примеч./ буквально также 'щепотка', 'горсть муки' /Зарубин, 1960, с.1176/, язг. būn 'некоторое количество муки для готовки...'; по сообщению Дж.Биддэल्фа, в Гильгите ритуальное посыпание мукой называется doobun /Biddulph, 1880, с.80/.

§ 39. В целом, наиболее вероятными представляются следующие пути распространения рассмотренных выше (§ 35-38) названий чины и муки для обрядового посыпания в памирских языках и местных таджикско-персидских диалектах. Согласно предположению Н.И. Вавилова, "не лишено вероятия происхождение чины из сорняков, засоряющих другие бобовые культуры"²⁵, причем, возможно, что введение ее в культуру произошло именно в Восточном Афганистане и примыкающих к нему районах Северо-Западной Индии /Вавилов - Букиннич, 1929, с. 337, 340; Бахтеев, 1960, с. 182/. Название чины типа бад.-тадж. *ratek*, восходящее в конечном итоге к индоиранскому *rišta* - 'молотое', происходит из индоарийских, дардских языков, откуда оно проникло в южнопамирские языки (мунджанский, ишканимский) и таджикско-персидские диалекты Бадахшана и Северного Афганистана. В некоторых памирских языках (ваханском, руманском) оно стало означать и обряд посыпания мукой, совершавшийся по большей части мукой чины, или, возможно, что название обряда посыпания мукой (кхов. *pathak*) также происходит из языков и диалектов, бытующих к югу от Восточного Гиндукуша. Из этого же источника в ваханский и ишканимский проникло название чины (типа вах. *кгоѝ*), связанное, может быть, с распространением нового сорта.

С другой стороны, с севера в памирские языки проникало слово, по всей видимости, тюркское по происхождению, источником его были дарвазские говоры: тадж. *sidirk* 'чина' (§ 35).

На примере названия чины особенно ясно прослеживаются два основных пути проникновения культурных слов и обозначаемых ими

²⁵ Использование сорного растения, вырастающего среди посевов ячменя и собираемого вместе с ним было принято в Ягнобе /Андреев, 1970, с. 48-49/. Ягнобцы даже пекли малосъедобные лепешки из муки сорняка, называвшегося *jil*, *jillak* - '*Lerugodictis holosteoides*' /ЯТ, с. 267а/, 'пашенник костенецovidный'. Это злостный сорняк зерновых культур в высокогорьях, называемый в других местах Таджикистана *namadak* букв. 'войлок', 'войлочек', так как подобно войлоку сплетает растения "своими выросшими стеблями в густую сеть" /СРТ, 1953, с. 25/. Ягн. *jil*, *jillak* 'пашенник', по-видимому, также связано со словом для войлока, кошмы и заимствовано из таджикского: тадж., перс. *jul* 'попона', вах. (из тадж.) *jul*, афг., перс. *jul* 'тонкая паласная ткань, которая идет на поппоны, подстилки и т.п.' /Кушкеки, 1926, с. 65/, мдж. (из перс.) *jil*, *jel* 'попона', верш., кхов. *jel* 'покрывало', 'одеяло' /Bergger, 1974, с. 155а/, кирг. (из ир.) *jul* 'ковровый', дари *jali* 'ткань' (из индийского *jālī* 'плетенье' /Андреев, 1927, с. 23/), хинди *jāl* 'сеть', 'паутина' и др.

реалий в Припамирье: с севера - из таджикских диалектов и с юга - из индийских языков. Только на стыке этих двух зон влияния с севера и с юга сохранилось не совсем ясное по происхождению шугнанское слово *xiziv* 'чина'.

Нут

§ 40. Нут или "бараний горох" (*Cicer arietinum*) мало распространен в Припамирье, в отличие от Северной Индии и Афганистана, где эта культура широко известна, а в Пенджабе занимает второе место после пшеницы /Вавилов - Букинич, 1929, с.341; Земл. ГБАО, 1964, с.104/. Нут не всегда отличается от разных сортов гороха и может называться теми же словами, что и горох, например, в Рушане - *ravand* 'род гороха', в Шугнанах - *rivand* 'бараний горох', 'нут' (§ 32).

Собственно названием нута в памирских языках следует считать заимствование из таджикского (персидского): шугн. *ноху* /Земл. ГБАО, 1964, с.104/, ишк. *nāxud*, сангл. *naḥəb* 'нут' из тадж. (дарв.) *noxut* 'нут' /Баранов - Райкова, 1928, с.47/, *naḥud*, перс. *nuxūd*, *naḥud* 'горох', афг. *nuxud* 'нут', хинди *nuxud* '*Cicer arietinum*' /Platts, 1930, с.1126b/.

Чечевица

§ 41. Чечевица встречается в настоящее время на полях Западного Памира еще реже, чем нут /Земл. ГБАО, 1964, с. 104/. В памирских языках есть несколько названий для чечевицы, которая представлена здесь двумя видами: обыкновенная (*Ervum lens*, *Lens culinaris*) и французская (*Ervum ervilia*, *Vicia ervilia*). Последняя, по свидетельству Н.И.Вавилова, особенно распространена в Бадахшане и Кафиристане /Вавилов - Букинич, 1929, с.328/.

Так же, как и в Дарвазе /Баранов - Райкова, 1928, с.48; Рахимов, 1957, с.48/, известно обычное в Афганистане и Таджикистане название чечевицы *nask* /Земл. ГБАО, 1964, с.104/, перс. *nask*, *naḥask* 'чечевица'.

Для обозначения французской чечевицы зафиксированы: вах. (вах.-тадж.) *Ҷош*, *Ҷош*, ишк. *Ҷош* ("гамук" /Муҳиддинов, 1975а, с.66/), мдж. *Ҷош* '*Ervum Ervilia*', йид. *ҷаш*, язг. *ҷош* - на-

звание растения. В памирские языки это название могло попасть из соседних таджикско-персидских говоров: дарв., кар. *җомук*, *җомек* 'мелкий горошек', 'кормовой горох' /Пещерева, 1959, с. II7; ТҚД, 1966, с. III/, 'гамук' /Рахимов, 1957, с. 48/, матч. *җомик*, *җомік* 'сорт гороха'²⁶.

Хотя промежуточных звеньев, как кажется, нет, это слово справедливо сближает с названием разновидности проса, возделываемого в Западной Грузии - "гоми": грузинское *җом*- 'гоми (*Setaria italica*)'²⁷, мегрельское *җиш*-, чанское *җом(u)*-, для которых реконструируется общекартвельское **җош*- 'гоми' /Климов, 1964, с. 205/. По всей видимости, перед нами и в иранских, и в картвельских языках - старое слово культурного круга. Созвучие с отражениями древнеиндийского *godhūma*- 'пшеница' (ср. в дардских: торвали *ghotū*, сави *ghuma*, пхалура *ghom*, кхов. *gom* и др. /CDIAL, № 4287/) следует считать случайным совпадением. Если смешение слов, обозначающих просо, чину, чечевицу и другие бобовые вполне возможно из-за внешнего сходства реалий и даже засвидетельствовано надежными примерами (§ 24, 25, 34), то смешение названий пшеницы и проса, а тем более чечевицы, трудно объяснить внешним сходством²⁸.

§ 42. В шугнанском зафиксировано название чечевицы *sirj*/Зарубин, 1960, с. 231а; Земл. ГБАО, 1964, с. 104/, которое родственно язг. *sarj* 'чечевица', но дальнейшие связи неясны /EVSh, с. 75b/. Вряд ли это название как-то связано с распространенным в Афганистане названием французской чечевицы *šaxal* /Вавилов - Бу-

²⁶ По замечанию М.С.Андреева, "гомук - бобовое растение, вроде гороха ... сеется только на корм скоту" /Андреев, 1924, с. 176/. Лишь в одном селении Матчи жители удаляют горечь из зерен этого растения вымачиванием в воде и мелют муку, называемую "толокном". Н.И.Вавилов специально отмечает, что "гому - *Ervum Ervilia*" едят в Мунджане не только животные, но и люди /Вавилов - Букинич, 1929, с. II4/. О том, что мука из французской чечевицы называлась толокном (перс. *talqān*), упоминает Г.Моргенштерне /IIFL, vol. 2, с. 212а/.

²⁷ По определению Н.И.Вавилова, "гоми" Закавказья - это итальянское просо (*Panicum italicum*) /Вавилов, 1960, с. 250/.

²⁸ Семантический переход "пшеница" → "чечевица" предполагает особую роль чечевицы и выдвижение ее на первое место среди хлебных культур, о чем для ареала дардских и кафирских языков никаких сведений нет; ср. выше (§ 16) об отражении др.-ир. *uava*- 'ячмень' как 'просо' в осетинском языке в связи с тем, что просо было главным хлебом предков осетин.

кинич, 1929, с.328/, афг., дари *šāxal* 'французская чечевица'/ДРС, 1978, с.470а/; ср. перс. *šāxīl* - вид зернового хлеба /ПРС, 1970, т.2, с.84а/.

Маш (*Phaseolus aureus*, Ph. *Mungo*) является теплолюбивой культурой, он встречается преимущественно вниз по Панджу от Рушана в низовьях Язгуляма, Ванджа и в Дарвазе /Баранов - Райкова, 1928, с.50-51; Земл. ГБАО, 1964, с.105/. Название маша (тадж., перс., афг. *māš*) перешло в памирских языках на бобы и горох (§ 30, 33).

Фасоль (*Phaseolus vulgaris*) мало известна на Западном Памире /Земл. ГБАО, 1964, с.105/, названий фасоли в памирских языках не записано; в дарвазских говорах фасоль и лобия (*Vigna sinensis*) называются одинаково - *lubiyo* /Баранов - Райкова, 1928, с.48, 49/. В мунджанском зафиксировано заимствование из перс.: мдж. *lobūyo*, *lobub* 'лобия' /Гринберг, 1972, с.319/. В Афганистане названия фасоли, лобии и чины могут совпадать: афг. *kalul* 'фасоль' /Вавилов - Букинич, 1929, с.348/, 'чина', афг. *lobyā* 'лобия', 'фасоль', 'бобы' и др. /Асланов, 1966, в.в./.

Хлопок

§ 43. Хлопчатник в прошлом возделывался во многих селениях по долине р.Пандж, расположенных на высоте около 2 тыс.м /Баранов - Райкова, 1928, с.51/, но в настоящее время хлопководство вместе с натуральным хозяйством отошло в прошлое /Земл., 1964, с.118/. Хлопок употреблялся не только для изготовления тканей. Хлопковая вата служила для скручивания фитилей, игравших важную роль во многих исмаилитских ритуалах²⁹.

Название хлопчатника (*Gossypium herbaceum*) употребляется в памирских языках и по отношению к вате: вах. *kebos*, шугн., руш. *širos*³⁰, язг. *Kebez* 'хлопок', 'вата'. Это слово представляет

²⁹ Фитиль из ваты (бад.-тадж. *pilta*) скручивают и зажигают при совершении обряда похорон в так называемую "ночь свечей" (тадж. *šab-i široy*) /ТДХ, 1953, с.195-196; ЯВГ, 1976, с.229 и сл./; небольшие фитильки зажигают на мазарах и могилах по вечерам в определенные дни /ЯВГ, 1976, с.248/. В Вахане фитили из ваты использовались прежде и просто для освещения /ТДХ, 1958, с.378/.

³⁰ Шугн. в сочетании *širos rūyan* 'хлопковое масло'; рушанское слово записано Х.Шельдом в форме *šeris* /EVSh, с.266/; ср. "чипоз" /Земл. ГБАО, 1964, с.118/.

большой интерес. Судя по фонетическому облику, оно было заимствовано "не позднее среднеиранского уровня, поскольку в нугтанском *к уже перешло в ѓ, а в язгуламском в к" /Эдельман, 1968, с.58/. Трудно сказать, из какого именно языка или языков название хлопка было заимствовано в памирские, по всей видимости, в качестве непосредственного следует предполагать какой-либо среднеиндийский источник, например, праkritское *karṣāsa-* /EVSh, с.26b/. Это культурное слово широко распространено в самых различных языках. Происхождение многих слов для обозначения хлопка от др.-инд. *karṣāsa-*, а этого последнего из восточноазиатских языков, является спорным /KEWA, Bd I, с.174-175/³¹. В отношении упомянутых памирских названий хлопка ясно однако, что оно не могло быть заимствовано из тюркских языков (в которых представлены формы со вторым а-кратким) и должно быть усвоено достаточно давно (в связи с палатализацией к → ѓ в нугн.-рун.), так что индоарийское происхождение самое вероятное, ср. др.-инд. *karṣāsa-*, пали, праkritское *karṣāsa-*, кашм. *karas*, непальское *karās*, *kabās*, хинди *karās*, верш. *uras*, бур. *guras*, тибетское (балти) *kurās*, уйг. *kebās*, кирг. *kebez* (тюрк. *kerās* 'хлопок' /ДТС, 1969, с.300/ из хот.?) и др. /CDIAL, № 2877; Bailey, 1966, с.42; KEWA, Bd I, с.174; Laufer, 1919, с.574; Pelliot, 1959, с.435/.

Зафиксированное Г.Белью сар. *kawas* 'хлопок', вопреки мнению Г.Моргенштерне, является не более поздним заимствованием /EVSh, с.26b/, а усвоено из уйгурского.

§ 44. Название хлопчатобумажной материи, связанное с тем же др.-инд. *karṣāsa-*, в памирских и других языках Памиро-Гиндукушского региона, по-видимому, действительно является недавним заимствованием (из перс., тадж.), хотя слово тоже распространено чрезвычайно широко: мдж. (из перс.) *karboe* /Зарубин, 1927б, с.149/, йид. (из кхов.) *karvasē*, кхов. (из перс.) *karvas* /IIFL, vol.2, с.219а/, верш. (из кхов.) *karwasī*, *karvāsī* /Berger, 1974, с.157а; Зарубин, 1927а, с.336б/, тадж. *karbos*, перс. *karbās* 'гру-

³¹ Согласно теории Н.И.Вавилова, очагом происхождения хлопчатника-гузы (*Gossypium herbaceum*) считается Средняя Азия /Вавилов, 1960, с.41/. В.Б.Хеннинг предлагал считать первоисточником др.-перс. **ktr-passa-* (W.B.Henning apud /Thieme, 1938, с.52; KEWA, Bd I, с.175/), т.е. др.-ир. *ktr-pāga-* букв. 'покров тела', 'телесный покров'.

бая бумажная ткань', 'карбас', 'мата' и др., ср.др.-греч. *κάρβασον* 'тонкая льняная ткань', лат. *carbasus* 'полотно', 'парусина' и т.д. Смещение названий для льна и хлопка (льняной и бумажной ткани) предполагают и в араб. *qutn* 'хлопок', араб. *kat-tān* 'лен' (откуда англ. *cotton* 'хлопок') - одним и тем же словом неясного происхождения /Pelliot, 1959, с.426; Hobson-Jobson, с. 158b, 265ab; Cardolle, 1883, с.323/ (§ 46).

В памирских языках известно и обычное для Средней Азии и Афганистана название хлопчатника: тадж., узб., афг. *рахта* 'хлопок': вах., шк., язг. *рахта*, шугн., руш., хуф., барт. *рахта*, сар. *рахто*, мдж. *rāhta* 'хлопок', 'вата'. Это заимствование из таджикско-персидского, связанное, видимо, с тадж., перс. *рахт* 'раздавленный' /Pelliot, 1959, с.443/, **rāxtan* 'давить', 'сжимать'. По мнению В.В.Бартольда, это слово для хлопка иранского происхождения, от иранцев Восточного Туркестана оно было заимствовано в тюркские и китайский языки /Бартольд, 1971, с.380/.

Следует отметить, что в памирские языки проникло и другое иранское слово для обозначения хлопка, более распространенное в Иране: перс. *рамба* 'хлопок', 'вата' (от которого происходит русское бумага). Слово это употребительно также в Северном Афганистане /Вавилов - Букинич, 1929, с.390/, ср.афг. *рамба*, *руб-ба* 'хлопок'. Имеется в виду вах. *рэмбек* 'плесень на хлебе' - исторически буквально, видимо, 'ватка' (*рамба* + уменьш.суфф. *-ек*). Шугн. *риманак* 'плесень (на хлебе)' связано, очевидно, с иной ассоциацией: шугн. *рӯм* 'пух', *риман* 'козий пух', 'подшерсток', ср. также бад.-тадж. *римак*, *рифанек*, ягн. *поранак*, тадж. *рӯранак* 'плесень' /Розенфельд, 1971, с.125/.

Таким образом, можно заключить, что слова, обозначающие хлопок, в памирских языках заимствованные и имеют длительную и сложную историю, характерную для названий этого важнейшего культурного растения и в других языках.

Лен

§ 45. Лен Припамирья (*Linum usitatissimum*), относящийся к промежуточному типу между долгунцом и кудряшом, возделывался прежде исключительно в качестве масличного растения, главным образом для освещения, как и в Афганистане /Вавилов - Букинич, 1929, с.368; Земл. ГБАО, 1964, с.117/. Для того, чтобы гнать

льняное масло, требовалось устройство специальных маслоек (Їшвоз), о существовании которых на Западном Памире сведений нет /ТДХ, 1958, с.92/. Так же, как и у прочих масличных растений, у льна в Припамирье использовалась растертая между камнями масса семян, которой облепляли прутья для изготовления так называемых свечей-лучин (бад.-тадж., вах., ишк. *џогоу*, шугн. *оигов*) /Баранов - Райкова, 1928, с.54-55; ТДХ, 1958, с.213 и сл.; Зарубин, 1917, 123; Вавилов - Букиннич, 1929, с.109/. Употребление льна для освещения было известно в глубокой древности, ср. упоминание в "Книге пророка Исаи": "Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит..." (Гл.42, стих 3).

Чистое льняное масло у припамирских народностей, очевидно, было привозным, и этим объясняется, по всей видимости, то, что в большинстве памирских языков лен обозначается обычным таджикско-персидским названием: шугн. *ziyêr* 'лен', 'конопля', руш. *zi-yir* /ТДХ, 1958, с.213, примеч./, сангл. *zəyêr* 'лен', сар. *шыыр*, *ziyir* 'сезам', 'лен', язг. *zeŷira* 'лен'. В памирских языках это, безусловно, заимствование из перс., тадж. *zaŷir*, ср. афг., узб. *ziyir* 'лен'.

Происхождение этого слова, распространенного на востоке ираноязычного мира³², неясно. В персидском языке более употребительным названием для льна служит известное культурное слово: перс. *katān* 'лен'.

§ 46. Вах. *ket(ə)nek*³³, ишк. *katonьk*, сангл. *katānek* 'лен' принадлежат к тому же кругу названий льна, полотна, что и перс. *katān*, тадж. *katon* 'лен', 'льняная ткань', 'полотно': тибетское *ka-tan* /Das, 1902, с.4/, турк. *kātān*, *kātan*, арм. *ktan*, осет. *Ketaen* (ирон.), *geten* (диг.) 'холст' /Абаев, 1958, с. 594-595/, араб. *quṭn* 'хлопок', *kattān* 'лен' и др., вплоть до греч. *χιτών* и русск. *китель* /Hobson-Jobson, с.265ab; Pelliot, 1959, с.426/.

Эта группа культурных слов прослеживается до глубочайшей древности: шумерское *gada* 'полотно', ассирийское *kitinnā* 'полотно', *kitū* 'лен', древнееврейское *ketōnet* /Абаев, 1958, с. 594/, - однако происхождение и первоисточник слова не выяснен.

³² В Согде, Самарканде и Фергане эти /льняные семена/ называют *zeŷir* и *zeŷira*, а по-индийски *alsī* /Беруни, 1974, с. 743/.

³³ Т.Н.Пахалиной записан вариант нижнего говора ваханского языка *kədnək* 'лен' /Пахалина, 1975а, с.214б/.

Очевидно, в памирских языках ваханское и ишкашимское название льна могут быть старыми адаптациями из персидского.

§ 47. Другое чрезвычайно интересное слово для обозначения льна представлено в мунджанском языке: мдж. уймáуа, (верхн.) уймага, Инд. імоуѳ 'лен'⁸⁴.

Это название льна может быть сближено только с верш. һи-мáп, бур. һи́мáп 'льняное семя' (используемое для выжимки масла). Из числа более отдаленных сородичей следует привести др.-инд. шмá- и кшмá- 'лен', которые считаются словами иностранного происхождения, в качестве возможного источника заимствования указывается китайское һи-ша 'лен' /КЕВА, Ва I, с.108,292/. Кит. һи-ша 'лен', в свою очередь, тоже слово с неясной этимологией. Детальное рассмотрение этого китайского названия льна содержится в классическом труде Б.Лауфера "Sino-Iranica" /Laufer, 1919, с.288-296/. Б.Лауфер пришел к заключению, что достоверных сведений о том, что лен был ввезен в Китай из Ферганы во II в. до н.э., как считалось ранее, нет. Известно только то, что китайцы смешивали кунжут (*Sesamum indicum*) и лен (*Linum usitatissimum*) из-за сходства применения масла семян этих растений в медицине и называли их 'иранской коноплей' /Laufer, 1919, с. 289/. Нет сомнений в том, что кунжут и лен пришли в Китай из областей, населенных иранцами, но когда это произошло - неизвестно /Laufer, 1919, с.291/. Из китайского языка һи-ша было заимствовано в тюркские: қума 'льняное масло' /ДТС, 1969, с.465б/, монгольский: хума 'кунжут' и в японский, где гомо также означает только 'кунжут' (*Sesamum indicum*) /Laufer, 1919, с.295/.

По теории Н.И.Вавилова, в Афганистане и примыкающих к нему странах находится основной первичный очаг формообразования культурного льна /Вавилов - Букинич, 1929, с.371/. В этой связи не исключено, что мдж. уймáуа 'лен' является отражением исконного наименования льна в иранских языках. В этом случае мдж. уймáуа 'лен' может восходить к той же древнеиранской основе, что и мдж. уймапа 'хвойник (*Ephedra* sp.)' и мдж. уймáуика 'месяц', 'луна', т.е. происходить от др.-ир. һапта- 'опьяняющий напиток-

⁸⁴ Предположение Г.Моргенштерне о том, что это слово означает также сурепку (*Brassica campestris*) /IIFL, vol.2, с.190б/, по-видимому, лишено оснований. Сурепка по-мунджански называется персидским словом *šaršām* и также используется для освещения (§ 48).

хаома', букв. 'выжимаемое' от корня НУ 'выжимать (сок)' (подробнее, § 68).

Связь между мдж. уйша́а 'лен' и др.-ир. hauma- 'хаома' может объясняться двояко. Во-первых, на лен могло перейти название похожего растения конопли (*Cannabis sativa*, *C. indica*, § 51), употребление которого в качестве опьяняющего средства у скифов описано еще Геродотом (кн.4, 74-75; ниже § 51, 52). Несмотря на наличие типологических параллелей таких переходов³⁵, против этого соображения говорит тот факт, что названий конопли в иранских языках, восходящих к др.-ир. hauma- 'хаома', неизвестно.

Во-вторых, и это более вероятно, название льна, восходящее к др.-ир. hauma- букв. 'выжимаемое', исторически может быть связано с тем, что семена льна толкли (подобно хаоме) для получения из них масла или же (как это делалось еще совсем недавно во многих долинах Западного Памира) растирали на камне в клейкую массу при изготовлении свечей-лучин для освещения (§ 45).

С историко-фонетической стороны никаких препятствий для выведения мдж. уйша́а 'лен' из др.-ир. haumaka- нет³⁶. Однако нельзя не признать, что культурно-исторические основания для такой этимологии мунджанского слова очень ненадежны. По-видимому, мдж. уйша́а, верш. *hūshān*, скр. *umā-* и кит. *hu-sha* 'лен' — слова культурного круга. Странно все же, что из всех памирских и вообще из всех иранских языков, это слово представлено только в мунджанском. Присутствие этого слова и в диалекте йидга свидетельствует о том, что это во всяком случае не позднее заимствование, так как отделение йидга от мунджанского произошло не менее двухсот лет тому назад /Biddulph, 1880, с. 64; IIFL, vol. 2, с. I6-I7/.

³⁵ Например, предложенное В.И.Абаевым объяснение русского слова *хмель*, осет. *hūm-allæg* '*Humulus lupulus*' из др.-ир. *hauma-aryaka-* букв. 'арийская хаома' /Абаев, 1975, с. 2/; ср. турк. *qumlaq* 'хмель' /Henning, 1958, с. 85, Ann. I/.

³⁶ Достаточно привести такие надежные примеры на аналогичное развитие др.-ир. *hau-* в мунджанском: мдж. *убуа* 'голос' < **hauša(ka)-* /IIFL, vol. 2, с. 274b/, мдж. *уйсрэн* 'железо' < **haušrapa-* /Абаев, 1963, с. 205/, мдж. *уймана-* 'хвойник' < *hauma-(na)-* /Стеблин-Каменский, 1974в, с. 139/.

§ 48. Так же, как и лен, вернее льняные семена, для освещения используются и многие другие масличные растения, в том числе и дикорастущие. Наиболее распространена из масличных культур сурепка (сурепица, *Brassica campestris*) /Земл. ГБАО, 1964, с.117/. Ее разводили специально для изготовления свечей-лучин на Бартагге /Зарубин, 1917, с.123/, в Зебаке, Мунджане /Вавилов - Букинич, 1929, с.109, 114/, Хуфе /ТДХ, 1958, с.26, 86/.

В мунджанском языке сурепка называется распространенным в Восточном Афганистане словом *šaršām* 'сурепица (масличное растение)' /Вавилов - Букинич, 1929, с.358/. Объяснение этого слова как ассимилированное перс. *šar-šām*, букв. 'верхушка свечи', не более чем народная этимология. Мунджанское название сурепки условно из персидско-таджикских диалектов Афганистана и Северо-Западного Индостана: дари *šaršaf*, *šaršām* 'сурепка', 'горчица' /ДРС, 1978, с.4786/, афг. *šaršaf* 'сурепица'. Последнее слово М.Г.Асланов приводит с пометой ар. (арабское) /Асланов, 1966, с. 545а/, по-видимому, неточно, так как это название сурепки или горчицы, по справедливому заключению В.Б.Хеннинга, "вряд ли употребительно вне индийско-персидского и является недавним заимствованием из санскрита" /Hemming, 1965, с.35, п.3/. Скр. *śarṣapa-* 'горчица', 'горчичное зерно' вместе с парф. *šuršā'n*, согд. *šuršān*, *šaršāwām*, перс. *širandān*, др.-греч. *σίναλι* и др. 'горчица', '*Sinapis alba*', как показал В.Б.Хеннинг, восходит, по всей видимости, к культурному слову неиндоевропейского происхождения (²*s¹ens²ap*?), которое иранцы и индоарийцы независимо друг от друга заимствовали очень давно, еще во времена своих миграций, и по-разному адаптировали согласно фонетическому строю своих языков /Hemming, 1965, с.45/. В современных индоарийских языках к скр. *śarṣapa-* восходят синдхи *śarṣya* '*Sinapis glauca*', лахнда *śarheṭ*, *śarhō* 'масличное семя *Brassica campestris*', панджаби *śarhō* 'семя рапса (сурепицы)', непальское *śarsīṭ* 'масличное семя *Brassica nigra*', гуджарати *śarsav* 'семя рапса' и т.д. /CDIAL, № 13281/. Существуют и другие гипотезы о происхождении названия горчицы, но предположение В.Б.Хеннинга в свете всех имеющихся данных следует считать самым правдоподобным /KEWA, Bd 3, с.447-448/.

В смешении названий сурепки и горчицы ничего удивительного нет - оба растения очень похожи, к тому же оба являются

масличными. Согласно выводам Н.И.Вавилова, в Восточном Афганистане и примыкающих районах Северо-Западной Индии находится один из самостоятельных очагов культуры сурепки *Brassica campestris* /Вавилов - Букинич, 1929, с.362/. Культуру же горчицы *Sinapis arvensis*, *S. alba*) Афганистан, вероятно, заимствовал из Индии /Вавилов - Букинич, 1929, с.365/.

По сообщению М.С.Андреева, в Панджшире "сент растения «нар-ням» (сорт сурепицы, из крестоцветных), добываемое из него масло идет на освещение, горя в светильниках - «чираг»" /Андреев, 1927, с.26/. И в мунджанский, и в окрестные таджикско-персидские диалекты название этого растения пришло из Индии, ср. хиндустани *saṛṣaṭ*³⁷, скр. *saṛṣara* - 'горчичное зерно' /Platts, 1930, с. 654b/.

§ 49. В других памирских языках сурепка обозначается описательным названием, связанным со словом для лучины-свечи или светильника: бад.-тадж. *ḡaḡoṭ*, *ḡiḡoṭ*, вах. (из тадж.) *ḡeḡoṭ*, мик. (из тадж.) *ḡyḡoṭ*, шугн. *cirow*, руш., хуф. *ciṛūw*, барт., ром. *ciṛāw*, сар. *ciṛēw*, *ciṛaw*, язг. *o(ə)ḡeṭ* 'светильник (крученный фитиль в масле; тростинка, прутик, намазанный растертыми семенами масличных растений, или пропитанный маслом)', 'лампа (керосиновая)' (в шугн.-руш. старое заимствование /EVSh, с.24a/). Помимо сурепки, этим же названием могут обозначаться и другие масличные растения, в том числе и дикорастущие, используемые для приготовления светильников: вах. *ḡeḡoṭ*, *ḡiḡoṭ* 'рапс' /Пахалина, 1975а, с. 191а/, вах. *ḡeḡoṭ-wiḡ* 'сурепка (*Barbarea arcuata*)', 'крестовник (*Senecio krascheninnikowii*)', шугн. *cirowēj* 'дикорастущая трава, из семян которой готовится масса для обмазывания свечей', хуф. *ciṛawij*, язг. *cirow-wiḡ* 'Cruciferae гр. - крестоцветные' (подсушенные и раздробленные семена употребляются для облепливания свечей-лучин - *ciṛūw*) /ТДХ, 1958, с.86, II2, № 45/, барт. *ḡeṛāwij* 'рапс' (специально разводится для изготовления светильников /Зарубин, 1917, с.123/, барт., руш. *ceṛāwij* 'растение, из которого готовится масса для обмазывания лучин для освещения' /Зарубин, 1937, с.43а/. Аналогичное название есть и в бадахшано-таджикских говорах: вах.-тадж. *ḡeḡoṭ-ka* 'сурепка', букв.

³⁷ С обычным для иранских языков уподоблением *ṣ* - *ṣ̌* > *ṣ̌* - *ṣ̌̇*, ср. перс. *siriš*, тадж. *šireš* 'клей', вах. (из тадж.) *šerišta* 'подготовка', афг. *sangšoi* 'промывание риса', *šangšoya* 'очистка риса от мелких камней' и т.п.

'трава святильника'; ср. также яги. (из тадж.) *široyi* — название крестоцветного растения с мелкими желтыми цветами (маслянистыми семенами) растения облепляют сухие прутья, приготовляя подобие свечей) /ЯТ, с.2396/.

§ 50. Имеются сведения об употреблении в качестве масличных и для изготовления лучин-свечей еще нескольких растений, кроме льна и сурепки.

Сафлор (*Carthamus tinctorius*) в Рушане и Шугнане называют тем же словом *masfar* /ТДХ, 1958, с.213, примеч./, что и в Дарвазе /Земл. ГБАО, 1964, с.117/, ср. вандж. *masfar* 'сафлор (*Carthamus oxyacanthus*)' — растение, из которого добывают краску, из зерен дают масло /Розенфельд, 1964а, с.102а/. В Дарвазе сафлор культивируется для получения масла из семян и добывания краски из лепестков /Баранов — Райкова, 1928, с.57/. Сюда же афг. *maswar* 'сафлор' /Volk — Schapka, 1972, с.6, № 52/. Судя по форме, афг., дарв., бад.-тадж. *masfar* 'сафлор' восходит к арабскому масдару: араб. *'asfara* 'красить сафлором', *'usfur* 'сафлор красящий', 'желтаница' /Баранов, 1977, с.519а/.

Крайне редко встречался прежде на Западном Памире подсолнечник (*Helianthus annuus*), культивировавшийся так же, как в Афганистане /Вавилов — Букинч, 1929, с.380/ и в Дарвазе /Баранов — Райкова, 1928, с.58/ больше для украшения огорода: язг. *masfur*. В шугнанском для подсолнечника зафиксированы названия *misfār* и *têr-misfār* /Зарубин, 1960, с.178б, 244а/ букв. 'черный сафлор'. Употребляется в памирских языках, по-видимому, и обычное наименование подсолнечника тадж., перс. *āftāb-parast* /Земл.ГБАО, 1964, с.117/ букв. 'солнцепоклонник'.

Из дикорастущих масличных для изготовления лучин-свечей в Рушане используются высушенные плоды местного дикого винограда (§ 136) *Ampelopsis vitifolia* /Земл. ГБАО, 1964, с. 118/: руш., хуф. *gavarāz* 'виноградовник' /ТДХ, 1958, с. III, № 36, с. 213, примеч./, шугн. *gīrs-rīz(m)* 'горное растение, плоды которого употребляются для изготовления свечей' (букв. 'дисий-...?' /EVSh, с.68ab/). Растение с этим названием определяют также как *Cissus aegiorphylla* /Баранов — Райкова, 1928, с.55, примеч.1/.

В Дарвазе для изготовления свечей прежде употребляли еще такие растения, как облепиху (*Hipporhae rhamnoides*), индау (*Eruca sativa*), клещевину (*Ricinus communis*), кунжут (*Sesamum indicum*) и др. /Баранов-Райкова, 1928, с.54-55; Земл. ГБАО, 1964, с.13/.

Конопля

§ 51. В памирских языках есть несколько различных названий конопли, одно из них применяется по отношению к конопле, выращившейся для приготовления известного наркотика анаши (наши) или гашиша. Это древнее культурное слово, упоминавшееся уже в Авесте и, по всей видимости, попавшее в памирские из таджикско-персидских диалектов: вах., ишк., шугн., руш., язг., сар. *bang* 'конопля', 'анаша' '*Cannabis sativa*' /Земл. ГБАО, 1964, с.119/, ср. в соседних языках: верш. *boŋ*, бур. *bāŋ*, хов. *boŋ*, кашм. *ban-ga* 'конопля', 'банг' /CDIAL, # 9354/, узб., тадж. *bang* 'индийская конопля', афг., перс. *bang* 'индийская конопля', 'белена', 'банг', 'гашиш'³⁸.

Авест. *banha-*, *bangha-* упоминается в Видевдате среди названий растений, употребляющихся женщинами, чтобы выкинуть плод (Видевдат I5, I4). На основании переводов пехл. *bang*, *mang* 'смертельный яд', В.Б.Хеннинг считал, что первоначальным значением слова было 'белена', а значение 'конопля' (в частности, 'индийская конопля' как наркотик) пришло из Индии /Henning, 1951, с.33/. В этом отношении чрезвычайно важно следующее наблюдение Н.И.Вавилова в Бамиане (Афганистан): "Вместо конопляной анаши иногда идет в употребление анаша из сорно-полевой белены (*Hyoscyamus* sp.)" /Вавилов - Букинич, 1929, с.381/.

Встречающееся в фарвардин-яште мужское имя *rougu.bangha-* букв. 'полный банга', 'обладающий большим количеством банга', 'сеющий много банга' /Mayrhofer, 1977, с.71, # 262/ указывает, как будто бы, на культурное растение, т.е. на возделываемую коноплю, а не на дикорастущую коноплю или белену. В пользу этого предположения свидетельствуют аналогичные сложения со словом *rougu-* 'полный', типа 'обладающий большим количеством лошадей, коров, счастья и т.п.' /Duchesne-Guillemin, 1936, с.162/. Повидимому, авест. *banha-* так же, как и перс. *bang*, могло приме-

³⁸ Перс. *banj* 'белена (*Hyoscyamus*)' заимствовано из арабского, в котором оно в форме *banj* 'белена' /Беруни, 1974, с.296/ усвоено из персидского *bang*. Зафиксировано еще название растений тадж. *bang-i devona* 'дурман вонючий', вах., вах.-тадж. *bang-i devona* '*Arnebia thomsonii*' букв. 'гашиш сумасшедшего'. В Вахане и Язгуляме это растение используется как лекарство от зубной боли.

няться по отношению к любому наркотику и из конопли, и из белены, возможно, в связи со сходством их одуряющего действия.

§ 52. Авест. *barha-* вместе с др.-инд. *bhañga-* отождествляется обычно с коноплей и считается очень старым культурным словом неясного происхождения /КЕНА, Вд 2, с.461-462/. Употребление конопли в качестве наркотика у скифов описано Геродотом. Согласно описанию Геродота, скифы приводили себя в состояние экстаза, вдыхая пары семян конопли. При этом, по словам Геродота, "скифы... поднимают крик" (Her. IV, 75).

Если соцветия конопли используются как наркотик, то волокно ее издавна применялось для прядения. До недавнего времени, по сведениям Н.И.Вавилова, в Хорезме из конопли практиковалось "...изготовление веревок прямо из просушенных на солнце стеблей без всякой мочки. Таково, по-видимому, было начало использования конопли и льна на волокно..." /Вавилов, 1960, с.98/. Русское слово пенька 'прядильное волокно из конопли' является безусловным заимствованием, восходящим в конечном итоге к иранскому **banga-* 'конопля'. По остроумному замечанию В.Хена, автора классического труда о культурных растениях и домашних животных, Россия унаследовала свой экспорт пеньки от скифов, видимо, вместе со словом /Hehn, 1902, с.188, 589/.

По Н.И.Вавилову, родина индийской культурной конопли локализуется в Юго-Восточном Афганистане, дикая конопля Восточного Афганистана является звеном, связывающим индийскую коноплю с дикими формами /Вавилов - Букинич, 1929, с.382, 480/. Нельзя не обратить внимание на то, что в иранских языках название наркотика из конопли (или белены) *bang* явно ассоциируется с целым рядом звукоизобразительных слов: бад.-тадж., *вах. bangas(t)* 'треск (горящего дерева)', перс. *mang* 'ошалелый', 'обалдевший', 'одуревший'³⁹, перс. *banga* 'воплъ', 'рев'⁴⁰, афг. *bəng, bung* 'хужжание', 'бренчание', *gəng-bəng* 'опьяненный', *mung, mang* 'немой', 'онемевший', 'лишившийся дара речи'.

³⁹ Перс. *mang* - название разновидности индийской конопли. Перс. *sar-am mang ast* 'у меня голова идет кругом' /ПРС, 1970, т.2, с.571б/.

⁴⁰ Ср. возведение перс. *bāng* 'громкий крик', 'воплъ', 'зов' к др.-ир. *va-n-k* от корня *vak-* 'говорить' /Gershevitch, 1971, с.279 и сл./.

Разумеется, это отнюдь не означает, что название конопли является фоносимволическим по своему происхождению. Будучи названием распространенного наркотика, оно участвует в характерных для слов этого круга, смыкающихся с арготической лексикой, "играх" слов — всевозможных нерегулярных фонетических деформациях, парных и рифмованных сочетаниях. Также и предположение о связи индоиранского *bank/g- : *kanp/b- /КЕWA, Bd 2, с. 462/ (о *kanp- 'конопля' ниже, § 54) свидетельствует в пользу отнесения bang 'конопля' к разряду идеофонов⁴¹.

§ 53. Шугн. *ɟars* 'гашиш' (по пояснению И.И.Зарубина, то же, что и bang /Зарубин, 1960, с.122а/), по всей видимости, происходит из Афганистана. В Таджикистане это слово мало известно, но в афганском *ɟars* — это самое обычное название анаши, также перс. *ɟars* 'чарс (род гашиша — сгущенный и засушенный сок индийской конопли)'. Афг., перс. *ɟars*, в свою очередь, возможно, идет из Индии: непальское *saḡas*, ория, хинди, панджаби *saḡas*, синдхи *saḡasu*, гуджарати *saḡas*, маратхи *ṣaḡas* 'опьяняющее сырьё из конопли' /Turner, 1931, с.167/.

В других памирских это название анаши не засвидетельствовано.

§ 54. Другое, еще более широко известное, чем bang, культурное слово для конопли представлено в ваханском и ишкашимском: вах. *kəm*, ишк. *kəm* 'конопля'. Это слово должно было попасть в памирские языки достаточно давно. Оно не имеет близких аналогий ни среди других памирских, ни в таджикско-персидских диалектах. Ближайшими к нему по внешнему облику и по значению следует считать приводимые ниже осетинские слова и хот. *kamha-*, *kāmha-* 'конопля' /Bailey, 1952, с.63; 1966, с.42/. Хот. *kamha-* 'конопля', согласно историко-фонетическим доводам Г.В.Бэйли, имеет то же происхождение, что и хот. *kumbā* 'лен' (**kanbāka-*, **kanapa-* 'лен', 'конопля'⁴²) /Bailey, 1952, с.63; 1979, с. 51-52, 62а/, и, таким образом, объединяется с многочисленными на-

⁴¹ Ср. ниже аналогичное отношение перс. *šan* 'конопляное волокно': тадж. *paša* 'анаша' (§ 54).

⁴² О сходстве конопли и льна упоминал еще Геродот (Нер. IV, 74); о смешении названий льна и конопли см. /Laufer, 1919, с. 288; Henning, 1946, с.724; Bailey, 1952, с.63/ и ср. осет. *gaen* 'конопля', 'лен' /ОРС, 1970, с.194а/, шугн. *ziŷər* 'лен', 'конопля' (§ 45).

званиями конопли в других языках: согд. (будд.) *kuṇṇ*, хорезм. *knb-*, тадж., перс. *kanab*, *kanaf*, осет. *gæṇæ* (диг.), др.-греч. *κάνναβις*, русск. конопля и др. /Абаев, 1958, с. 513; Henning, 1946, с. 724/. Этимологически идентичными, но оформленными не по норме "centum", а по норме "satem" считаются др.-инд. *śāṇā-*, хот. *šāṇvā-*, перс. *šān* 'конопля'⁴³ и осет. *sæṇ* 'вино' /КЕМА, Bd 3, с. 292; Абаев, 1979, с. 67-68; Bailey, 1979, с. 52a/.

Шугн. *kanab* 'конопля' является недавним заимствованием из таджикского, а сар. 'kandir' 'конопля', 'лен' — из уйгурского (тюрк. *kendir* 'конопля' /ДТС, 1969, с. 298a/, уйг. *kendir* /Jarring, 1964, с. 166/.

В памирских языках представлена, как кажется, и "сатемная" форма названия конопли, но, в отличие от осетинского (осет. *gæṇ* 'конопля', *sæṇ* 'вино') это явное заимствование, причем довольно позднее: вах., ишк., сангл., язг. *son*, шугн. *šūn* 'плотная бумажная ткань', 'бязь'. Это слово усвоено из таджикско-персидских диалектов Афганистана, в которых оно — заимствование из индоарийских: дарм *śān* 'мадапалам', 'миткаль', 'бязь', кул. *son* 'белая фабричная ткань', *шхв.* *šān*, верш. *šān*, афг. *šān* 'миткаль'⁴⁴, непальское, хинди *śān* и др. — в индоарийских закономерно из др.-инд. *śāṇā-* 'конопля', *śāṇī-* 'ткань из конопли' /CDIAL, N 12272, 12384; EVSh, с. 73b/.

Вах. *keṇæ* 'белая домотканная бумажная ткань' (то же, что и тадж. *karboe*, § 44) может быть также обзано своим происхождением др.-ир. *kan(a)-* 'конопля', 'лен' и этимологически ближе всего к осет. *gæṇ* (ирон.), *gæṇæ* (диг.) 'конопля' /Абаев, 1958, с. 513/. Не исключено однако, что вах. *keṇæ* является более старой адаптацией названия льна: вах. *ket(ə)nek*, *kednek* 'лен' (§ 46) с ассимиляцией *dn* → *n*.

⁴³ По-видимому, отсюда же и перс., тадж., узб. *naṣa* 'индийская конопля', ставшее источником русского слова *анаша* /Шипова, 1976, с. 33/. В среднеазиатском арго курильщики *анаша* она называется то *бапа*, то *паза* (записи 60-х годов). Возможно, здесь сыграла роль и контаминация с араб., перс. *naṣwat* 'опьянение', перс. (из араб.) *naṣ'a* 'опьянение', 'хмель', 'наслаждение', тадж. *naṣ'a* 'легкое опьянение', 'удовольствие'.

⁴⁴ Орфографически *šān* (есть и вариант *šān*), видимо, арабизированное заимствование с ложноэтимологическим *ḥā* на месте долготы.

§ 55. Есть сообщения о том, что в качестве прядильных в Припамирье использовались некоторые дикорастущие растения, в частности кеңдырь (*Arosimum scabrum*) и алтея (*Aloea nudiflora*) /Земл. ГБАО, 1964, с. 119/. К сожалению, местных названий этих растений не зафиксировано.

Поскольку речь зашла о наркотиках из конопли (§ 51-53), можно упомянуть, что другой известный наркотик — опиум, добывавшийся из опийного мака (*Papaver somniferum*), по свидетельству И.С.Андреева, распространен в Припамирье только во второй половине XIX в. В короткое время его употребление стало "величайшим бедствием верхнепанджских стран" /ТДХ, 1958, с. 241/. О недавнем проникновении сюда опийного мака свидетельствует и вся терминология, связанная с опиумом, по большей части чисто таджикско-персидская /Olufsen, 1904, с. 120; Гринберг, 1972, с. 187-188/.

Шугн., руш., хуф. *afūn*, язг. *afūn* 'опий' из перс., тадж. *afūn* 'опий' от араб. *afūn* из греч. *βίον* /Hobson-Jobson, с. 640-642/.

Вах. *təryok*, ишк. *təryoq*, мх. *təryok*, шугн. *təryok* 'опиум', 'терьяк' из тадж., перс. *təryāk* 'опиум' в конечном итоге к др.-греч. *ἐπρίακᾱ* (pl.) 'противоядия', 'средства от укусов ядовитых животных' (греч. *ἐπρίον* 'дикое животное'), в состав которых мог входить и опий /Беруни, 1974, с. 312/. Аналогичным образом заимствование из перс., тадж. *dogi* 'лекарство', 'лечебное средство', 'порошок', 'порох' получает в памирских языках и значение 'опиум'.

Менее употребительно в памирских другое заимствование из таджикско-персидских говоров: вах., ишк. *kūknor*, шугн. *kūknor*, язг. *k'ek(ə)nor* 'опийный мак', 'опиум' из тадж., перс. *kūknār* 'головка, коробочка опиумного мака'.

Люцерна

§ 56. Люцерна и персики — две культуры, разведением которых мы обязаны иранцам, как о том говорят и их названия: др.-греч. *κρία* *Μηδική* 'мидийская трава', 'люцерна', лат. *medica* 'мидийский клевер', '*Medicago sativa*', лат. *Persica* (arbor) 'персиковое дерево' (хотя родиной персика считается Северный и Центральный Китай /Бахтеев, 1970, с. 79; Bock, 377a/, вторичный

очаг культуры - в Фергане). Распространение люцерны и введение ее в культуру⁴⁵ было связано с разведением коней, которыми славились Мидия. Мидийское название люцерны, восходящее к др.-ир. *asp(a)-asti- букв. 'лошадиная еда', еще в III в. до н.э. зафиксировано в описи растений из садов вавилонского царя в форме asrastu, asrastī /Laufer, 1919, с.208 и сл.; Дьяконов, 1956, с. 151-152, примеч.1/. К др.-ир. *asp(a)-ast(i) восходят перс. asrast, asrast, афг. āpēsta 'люцерна' /EVP, с.75-76/; хот. aspara 'люцерна' восходит к *asāsa-para- к основе par- 'кормить' /Bailey, 1979, с.12a/. Араб. fisfisat 'люцерна' усвоено из иранских; из иранских же языков, очевидно, заимствованы: шина iṣpīt, верш. iṣpīt, бур. ṣipīt 'люцерна'. Зафиксировано также перс. dīw surušt 'клевер' /Vullers, t.I, с. 958b, 960b/, букв. 'дивовская люцерна'.

В памирских языках исконных отражений этого древнеиранского слова для люцерны неизвестно. Только в таджикском говоре Вахана зафиксировано одно из названий пажитника (*Trigonella pamirica*): вах.-тадж. gandaspes, видимо, сложение из gand(a) 'вонючий', 'плохой' и aspis(t) 'люцерна' - букв. 'плохая люцерна'. Это растение называется по-таджикски также riška-yi xar букв. 'ослиная люцерна', а по-вахански selv (идентифицируется не только как 'пажитник', но и как 'донник' - *Melilotus officinalis*). По определению Т.Н.Пахалиной, вах. selv - это 'клевер' /Пахалина, 1975а, с.260а/, а по Д.Л.Р.Лоримеру, 'люцерна с желтыми цветами' - верш., бур. bisas 'id.' /Lorimer, 1958, vol.2, -214/. Пажитник с желтыми цветами, действительно, очень распространен в горных районах. Донник (*Melilotus officinalis*, *M. albus*) считается самой лучшей дикой кормовой травой Дарваза, называется он gow-rəṣqa (букв. 'коровья люцерна') /Баранов - Райкова, 1928, с.53/. Желтый донник распространен на Западном Памире повсеместно, а белый - особенно в Рушане /Земл.ГБАО, 1964, с.134/.

Вах. selv 'пажитник', 'донник', по-видимому, связано с перс. salv(i) 'шалфей (*Salvia*)'.

⁴⁵ Основным очагом культуры люцерны считается Иран /Вавилев - Букинич, 1929, с.355/, точнее древняя территория Мидии, "в стыке Зап. Персии, Армении и Малой Азии" /Баранов - Райкова, 1928, с.54/.

§ 57. Люцерна (*Medicago sativa*) в недавнем прошлом была единственной кормовой культурой на Западном Памире, причем росла она преимущественно как сорное растение /Земл. ГБАО, 1964, с.131-133/. Предполагается, что в горных районах люцерна многократно переходила из культурного состояния в дикое и обратно. То же явление наблюдается и в Бадахшане, который относится к одному из центров формообразования синей люцерны /Земл. ГБАО, 1964, с.133/.

В отношении памирских названий люцерны полной ясности нет. По всей видимости, одно из них обязано своим происхождением давней адаптации какого-то культурного слова, возможно, через тюркские языки. Это название синей посевной люцерны: вах. *weʃerk*, *wuʃ/ʃerk* '*Medicago sativa*', которое может быть сближено с тадж. (из тюрк.) *aʃiriq* 'свиной', узб. *aʃiriq*, кирг. *aʃiriq* 'пальчатка' - видимо, тюркское, ср. чагатайское *aʃiriq* 'клевер', тюрк. *aʃiriq*, *ajriq* 'пырей' /ДТС, 1969, с.156, 306; Doerfer, Bd 2, с.13, № 424; Doerfer, 1967, с.12, № 33/. Для вах. *weʃerk* 'люцерна' можно предполагать восстановление более старой формы ^{*}(w)uʃ(a)raḱa- и в связи с этой реконструкцией родство с другими памирскими словами для люцерны: ишк. *ʏʁik*, сангл. *yurūk*, шугн. *ʏörʃ*, руш., хуф., барт., рош. *ʏārʃ*, язг. *ʏʔerag*, мдх. *uerg-yaʔa*, йид. *irʏóʔo* 'клевер', 'люцерна' (в язг. также 'донник' - *Melilotus albus*). Г.Моргенштиерне считает возможным восстановление для этих названий люцерны праформы ^{*}uʃaraḱa- (?) /IIFL, vol.2, с.191b; EVSh, с.37a/. Объединение всех этих памирских слов для обозначения люцерны было предложено И.И.Зарубиным /Зарубин, 1927б, с.148/, в других соседних языках ничего похожего, как кажется, нет.

Для белуджского *guʒg*, брауи (из бел.) *guʒy* 'корень люцерны' Г.Моргенштиерне предложил происхождение из др.-ир. ^{*}vʔzaḱa- 'волокно', афг. *wuʒay* 'сухожилие', 'жила' < ^{*}vʔzi-? /Morgenstierne, 1932с, с.46; 1973а, с.157; EVF, с.95/. В типологическом плане это сомнительно, тем более что и тадж. *riška*, *riš-qa* 'люцерна' никак не связано с тадж. *reša* 'корень', 'корешок', а является одним из многочисленных вариантов заимствованного из тюркских названия люцерны: *uonuşqa*, *uonuşqa*, *uonuşqa* и др. /Doerfer, 1967, с.22, № 159; Laufer, 1919, с.214/. Тадж. *riška* 'люцерна' в последнее время распространяется и в памирских языках /Земл. ГБАО, 1964, с.132/. Это тюркское слово проникло и в

пнорусские говоры: донское яморка и др. 'люцерна' /Меркулова, 1967, с.87/.

§ 58. В сарыкольском языке люцерна называется заимствованным, по справедливому мнению Р.Б.Шоу, из тюркских словом *beda* 'люцерна (с желтыми, белыми и голубыми цветами, как в Яркенде)' /Shaw, 1876, с.221/. По мнению Г.Ярринга, уйг. *bede* 'люцерна' происходит, в свою очередь, из иранского /Jarring, 1964, с.52/, такой же точки зрения придерживались В.Томашек и Б.Лауфер /Tomasek, 1880, с.792; Laufer, 1919, с.214/.

Это слово обозначает, как правило, высушенную (и размельченную) люцерну или клевер⁴⁶ и распространено, насколько известно, только в Средней Азии и Восточном Туркестане: тадж. *beda* 'сено', 'сухой клевер', узб. *beda* 'люцерна', 'клевер', афг. *beda* 'высушенный зеленый фураж в пучках', 'сено', кирг. *bede* 'клевер', 'люцерна'⁴⁷. Иранское происхождение этого слова очень проблематично, во всяком случае в сарыкольском это заимствование из уйгурского.

Неясно происхождение иид. *pitio* 'свежая или намоченная *riška* (род корма для лошадей)' (индо-ар.? /IIFL, vol.2, с.242a/).

В ваханском отмечено специальное слово для обозначения семян, зерен люцерны: вах. *qeqqerək* букв. 'барашек' (очевидно, по внешнему облику) от заимствованного таджикского диалектного (из тюрк.) *qişqor*, *qičqor* 'баран', 'баран-производитель' /Щербак, 1961, с.III; Doerfer, 1967, с.49, № 496; Doerfer, Bd 3, с. 540, № 1551/, шугн. (из тадж., тюрк.) *qişqor* 'баран-самец'. В типологическом плане можно привести бад.-тадж. *qeqqorak* 'консоль подбалки', букв. также 'барашек' (выступы на балках напоминают бараньи лбы или рога барана), и весьма обычный элемент в орнаменте среднеазиатских народностей "рога барана" - руш. *qičqorak*, кирг. *kičkuruk* /Андреев, 1928, с.23, 29/.

§ 59. Клевер появился в Припамирье в качестве культурного растения совсем недавно, о чем свидетельствуют и его названия,

⁴⁶ "Люцерновое сено - «беда» перед дачей его скоту измельчалось..." /Ершов, 1960, с.149/. Употребление люцерны в припамирских областях, по-видимому, такое же: "...приносят люцерну и измельчают ее сечками" /Грюнберг, 1972, с.164, 392, с.в. *uqruya*; ср. ТДХ, 1958, с.118/.

⁴⁷ К.К.Юлакин приводит с пометой «ир. (иранское)» /Юлакин, 1965, с.122a/.

О г о р о д н ы е к у л ь т у р ы

§ 60. В прошлом огородные растения были у припамирских народов распространены мало, в пищу употреблялись дикie съедобные растения. Широкое возделывание овощей на Западном Памире началось совсем недавно. Так, картофель, ставший теперь важнейшей пищевой культурой, впервые появился лишь в 20-х годах нашего века /Земл. ГБАО, 1964, с.106; Баранов - Райкова, 1928, с. 59 и сл./. О недавнем проникновении огородных культур в горные долины Припамирья свидетельствуют и названия этих растений, в подавляющем большинстве не отличающиеся от общеизвестных таджикско-персидских.

Морковь: мдж. *zārdāk*, вах., сангл. *zardək*, ишк. *zardək*, шугн., сар., язг. *zardak* - тадж., перс. *zardak* - 'морковь' от *zard* 'желтый'⁴⁸ (потому что в Средней Азии и в Афганистане больше известны формы моркови с желтым корнем /Laufer, 1919, с. 454; Вавилов - Букинич, 1929, с.430/, ср. афг. (из перс.) *zardəka*, *zardak* 'морковь' (но афг. *zyar* < ^z*zarita*- 'желтый'). В афганском употребительно и заимствование из индоарийских афг. *gāzəga* 'морковь' - хинди *gājar*, синдхи *gājīro*, панджаби *gājjar* к неясному др.-инд. *gārjara*- 'морковь' /CDIAL, № 4140/. Не выяснено отношение этого слова к словам в кати *gažgūm*, кхов. *hažgūm* 'морковь', безусловно, родственного верш. *γasγūnc* 'морковь', которое заимствовано в говор ваханцев Хунзы: вах. *γarḡun* 'морковь' /Lorimer, 1958, vol.2, с.73/.

Свекла: вах., ишк. *lablabu*, сангл. *lablabū*, мдж. *lāblābū*, шугн. *lablabūn*, *lablabūn*, язг. *lablabən* - перс., тадж., афг. *lablabu*, перс. *labū*, дарв. *lablabū(n)* /Баранов - Райкова, 1928, с.61/ 'свекла', 'вареная свекла', ср. язг. *lablabun* 'лебеда', верш. *lablabu* 'репа', ('сахарная свекла?').

Картофель: вах., ишк., сар. *kartuška*, руш., хуф., шугн. *kartuškā*, язг. *karteška* - из русского картошка проникло, очевидно, так же, как и в Дарваз, из Ферганы. Персидское название картофеля (*sīb-i zamīnī*), калькирующее франц. *potte de terre* 'земляное яблоко', на Западном Памире неизвестно /Баранов - Райкова, 1928, с.60 /.

⁴⁸ Исконные отражения др.-ир. *zarita*- 'желтый' в памирских: вах. *zart*, сангл. *zāl*, ишк. *zord*, шугн. *zīrd*, сар. *zīrd*, язг. *zard*, мдж. *zit* 'желтый'.

Огурец: ишк. bodrang, шугн., барт. bodirīng, вах., язг. bodring, мдж. bodrang - из тадж. bodiring, bodrang, перс. bād-rang 'огурец', ср. аналогичные заимств. из перс.: верш. badraṇ, афг. bādrang, bādrēng, панджаби, хинди bādrang /Platts, 1930, с. II9a/ 'огурец'.

Такие огородные растения, как капуста, помидоры, редиска, редька и др., были еще большей редкостью, а в расположенных на большей высоте долинах (Бартанг, Шахдара, Вахан) они и теперь встречаются крайне редко и выращиваются только из завозных семян /Баранов - Райкова, 1928, с. 62; Земл. ГБАО, 1964, с. 125-126/. Называются они общераспространенными таджикскими или русскими по происхождению названиями и в словарях памирских языков не засвидетельствованы (за исключением мдж. kāgām 'капуста' из перс.)⁴⁹.

Лук

§ 61. Согласно сведениям, сообщаемым самими памирцами, более древними огородными культурами, возделывание которых относится к незапамятным временам, могут считаться только репа, лук, возможно, также перец и тыква /Земл. ГБАО, 1964, с. 126/. Некоторые названия этих растений подтверждают древность названных культур в Припамирье.

Для обыкновенного, репчатого лука (*Allium* сера) в памирских языках зафиксированы следующие слова: вах. riyoṣ, ишк. ri(y)oz, сангл. rīāz, шугн., руш. riyoṣ, барт., рош. ri^ooz, сар. riyoṣ, язг. riyeḡ, мдж. riyoṣ, йид. rīy 'лук'. Во всех памирских языках, кроме двух, расположенных на северной (язгулям-

⁴⁹ Приводимое И. И. Зарубиным шугн. kiryorč 'помидор' /Зарубин, 1960, с. 165a/, в действительности, название дикорастущего паслена, напоминающего помидоры. Это слово известно и в других памирских (плоды паслена широко применяются в народной косметике): вах. kryočč 'паслен (*Solanum* sp.)', хуф. kiryorč 'растение, соком которого женщины мажут лицо' /ТДХ, 1958, с. 254/, язг. k^oəryeḡ - название невысокой травы с широкими листьями (употребляется как краска для щек); ср. в таджикских говорах: вандж. kəryek 'паслен - *Solanum dulcamara*' (его зерна женщины наклепывают на лицо для смягчения кожи), дарв. kiryik 'Solanum miniatum' (спелыми плодами женщины намазывают лицо) /Баранов - Райкова, 1928, с. 59/, ɣuraɣi kiryok 'ягоды паслена' /ТД, 1970, с. 267/.

ский) и южной (Индга) периферии памирской языковой области, название лука совпадает с обычным таджикско-персидским и является заимствованием из тадж. *piuoz*, перс. *piuāz* 'репчатый лук'. Как это иногда бывает, более архаичное слово сохраняется не в центре, а на окраинах языкового ареала.

Язг. *piueg*, Инд. *pi* 'лук' достаточно уверенно возводится к др.-ир. **piuāka-* вместе с согд. *pu'kh*, перс. *piuāz* (**piuācā-*) /Bailey, 1957, с. 58/. Для персидского слова реконструируется иногда и диалектный вариант с интервокальными **-t-*, **-d-* (**pi-tāka-?*) /Noga, 1893, с.77; IIFL, vol.2, с.236a/. В подтверждение реконструкции праформы с **-y-* привлекается зафиксированное Д.Л.Р. Лоримером в значении 'лук' ваханское слово *piūk* /IIFL, vol.2, с.533b/. Нашим информантам в правобережном Вахане это слово было неизвестно. Записано только вах. *piuuk* 'корень гулявника'⁵⁰, связь которого со словами для лука не очевидна. Во всяком случае, удвоение начального слога нуждается в разъяснении. Г.В.Бэйли возводит хот. *rai* 'лук' к др.-ир. *piuāva-* и, вместе с приведенными выше иранскими словами для лука, к корню *rai-* : *ri-*, и.-е. *reiR-* 'писать', 'царапать', др.-греч. *λεῖρος* 'острый', 'горький', 'едкий' и др. /Bailey, 1979, с. 250b; IEW, с.794-795/.

§ 62. Высокогорье Памира в древности называлось в китайских источниках "Луковые горы" (Цун-лин), потому что "на вершинах их повсюду растет лук..." /Бичурин, 1950, т.2, с.169, примеч.2; 1953, с.185a/. Об обильном произрастании различных видов *Allium* (дикого лука и чеснока) в горах Памира писали многие путешественники. Предполагается, что здесь и локализуется очаг первичного формообразования культурных форм лука и чеснока /Вавилов - Букинич, 1929, с.443-444; Земл. ГБАО, 1964, с.116/. К сожалению, названия многочисленных разновидностей дикого лука и чеснока, широко употребляемых в пищу (и в свежем, и в сушеном виде) местным населением, в памирских языках пока что зафиксированы не достаточно полно.

Ниже приводятся некоторые памирские названия дикого лука и чеснока.

⁵⁰ Корень употребляется в пищу. Гулявник (*Sisymbrium irio*) по-вахански называется *kəbit-wiŋ* букв. 'голубиная трава', также *kəəkrič*, *kəŋkerič*, *kričk*, ср. бад.-тадж. *kričk*, *kəŋkirič* 'вид сурепки'.

Вах. *kačk, kačkač* (название неопределенной разновидности горного лука) может быть связано с вах. *kačk* 'веретено' – "стрелки" горного лука напоминают веретенца?

Фонетически близкие к ваханскому слову мдж. *kūḷya*, йид. *kulṷo* 'горный лук' возводятся Г.Моргенштиерне к др.-ир. **kau-dakā-* (?) и сопоставляются с калаша *kōla* 'род дикого лука' /IIFL, vol.2, с.216b-217a/. Калаша *kola* 'съедобный лук с толстыми стеблями, в изобилии растущий в высоких долинах под перевалами' /IIFL, vol.4, с.II3a/ вместе со словом в кати *kū*, даме-ли *kuwréi*, *kuwéfi* 'чеснок' может восходить к др.-инд. **kōta-* 'чеснок' /CDIAL, № 3509/. Близкую по внешнему облику праформу можно предполагать и для ягн. *katk* 'горный лук' /Benveniste, 1955, с.161/. С другой стороны, наличие шугн. *kulkí* 'семенной лук' позволяет предположить заимствование шугнанского и мунд-жанского слов из общего источника. Не исключено, что источник заимствования следует искать не в кафирских или индоарийских языках, а в персидском (например, перс., тадж. *kilk* 'тростник?').

Другое название дикого лука в ваханском языке *lōnderk* '*Allium carolinianum*', '*A. polyphyllum*' Т.Н.Пахалина сопоставляет с сар. *ladarč* /Пахалина, 1975a, с. 219a/. В таджикском говоре Вахана это растение называется *landruk*. По-видимому, сюда же относятся кхов. *latruk*, йид. *latrek* – название разновидности дикого чеснока.

Язг. *gamč* 'дикий лук без луковицы' должно быть родственно названию лука в таджикских говорах: дарв. *kamč* '*Allium rubiginosum*' /Мухитдинов, 1963, с.421/.

Название неопределенного рода дикого лука или чеснока вах. *kaukənr*, вероятнее всего, является адаптацией заимствованного тадж. *kah-i qisir* букв. 'яловая трава'. Согласно бытующему в Вахане поверью, скот, поевший этой травы, становится бесплодным.

Вах. *šəʔšəʔ* '*Allium tianschanicum*' может быть связано с таджикским диалектным (бад.-тадж., вандж.) *šəʔ*, *šir* 'лоза', 'прут' (ср. также тюрк. *soyun* 'лук' /Дмитриева, 1979, с. 166/).

В языках шугнано-рушанской группы название дикого лука связывается с его вкусом: шугн. *ciḥ* (f. *cāḥ*), руш., хуф. *soḥ* 'горький'; шугн. *ciḥ*, хуф., руш., барт. *cāḥ* '*Allium* sp.' /ТДХ, 1958, с.II2, № 44/; ср. также язг. *šūš* 'горький' и *šūšweḥ* 'ло-монос (*Clematis songarica*)', букв. 'горькая трава'.

Шугн. *narakí* 'семенной лук', 'лук, оставленный на семена' заимствовано из тадж., перс. *nar(r)akí* 'имеющий наросты и без-

вкусный (о плодах, овощах)' и др., к тадж., перс. нар. 'самец', 'относящийся к мужскому полу'.

§ 63. Для чеснока (*Allium sativum*), который чрезвычайно ценится и считается целительным средством от многих болезней и от усталости, но посевы которого были крайне редкими /Земл. ГБАО, 1964, с.116/, употребляется заимствование из таджикско-персидских говоров: вах., ишк., мдж., язг. *sir*, сангл., шугн. *sir* 'чеснок'. Тадж., перс. *sir* 'чеснок' восходит к др.-ир. **sigra-*, ср. др.-перс. **šigrašīš* '/месяц/ сбора чеснока' /Hinz, 1973, с. 25, 66/, др.-инд. *śigru-* '*Moringa pterygosperma*' ('древовидный хрен') /КЕА, Bd 3, с.334/.

Только в сарыкольском языке представлено заимствование из тюркских, очевидно, из уйгурского: сар. *saḡmısq* 'чеснок' - узб. *saḡmısq*, кирг. *saḡmısq*, *saḡmısq* 'чеснок' (главным образом, дикий) и другие тюркские слова, солидаемые с русским названием дикого чеснока (*Allium ursinum*) черемша, черемича /Шипова, 1976, с.387/. Близкие слова отмечаются и в других индоевропейских языках /Меркулова, 1967, с.132; Friedrich, 1970, с.118/.

Перец

§ 64. По имеющимся свидетельствам, перец (*Capricum annuum*) возделывается в припамирских долинах очень давно /Земл. ГБАО, 1964, с.126/, тем не менее, все названия перца в памирских языках практически идентичны: вах. *mirč*, *mirč*, ишк. *mirč*, шугн. *mirč*, барт., руш. *mirč*, ром. *mirč*, сар. *mirč*, *mirč*, язг. *mirč* 'перец'. Это чрезвычайно широко распространенное культурное слово, по всей вероятности, попало в памирские через персидско-таджикское посредство. Оно известно во многих языках, соседящих с памирскими как с севера, так и с юга: тадж., узб., дари *mirč*, афг. *mirč*, *mirč*, верм. *mirč*, *mirč*, кхов. *mirč*, шина *mirč*, хинди *mirč* /CDIAL, № 9875/, кирг. *mirč*, тюрк. *mirč*, *mirč* /ДТС, с. 346а, 351б/ и др. Источником тюркских слов, возможно, был осетинский (ирон. *butc*) и другие языки Кавказа /Абаев, 1958, с. 281-282/. Культура перца распространялась, по-видимому, через Индию из Юго-Восточной Азии, откуда заимствовано и др.-инд. *maṭṭha-* 'перец' /Laufer, 1919, с.375; КЕА, Bd 2, с.588/. Слово может быть дравидийским по происхождению /DED, № 3986/.

§ 65. Названия других пряных растений в памирских языках также, как правило, не отличаются от обычных персидско-таджикских, характерных для Средней Азии и Афганистана.

Вах. *gaḡniz* /Пахалина, 1975а, с.203б/, ишк. *gaḡniz* 'хормандр' (*Coriandrum sativum*) из тадж., перс. *gaḡniz* 'хормандр', 'хминец', происхождению которого посвящена статья В.Б.Хеннинга "Хормандр" /Henning, 1963а; 1977, vol.2, с.583-587/. Д.И.Эдельман сомневается в том, является ли язг. *gaḡniz* названием хормандра /Эдельман, 1971, с.95/. Имеются сведения о том, что в Язгуляме хормандр называется *lan(g)* /Баранов - Райкова, 1928, с. 62, примеч.2; Земл. ГБАО, 1964, с.119/. Однако, по сообщению Д.И.Эдельмана, язг. *lang* '*Bunium persicum*' /Эдельман, 1971, с. 145/, т.е., очевидно, 'зира (буниум)' /Сахобиддинов, 1948, с.135, № 262/, ср. мдж. (из перс., тадж.) *zira* 'тмин'.

Зирой (перс., тадж., узб. *zira*) в Средней Азии и Афганистане называют также местные разновидности дикорастущего тмина *Carum carvi* /Сахобиддинов, 1948, с.135, № 263; Вавилов - Бухинич, 1929, с.385/ и другое зонтичное пряное растение *Sumitum sumitum* /Вавилов - Бухинич, 1929, с.386; Laufer, 1919, с. 383/. Это название было заимствовано из иранских и индийских языков, по-видимому, довольно давно: скр. *jīraka-*, синдхи *jīro*, непальское *jīro*, хинди *jīrā* 'тмин' /КЕА, Bd 1, с.438; CDIAL 5234/.

Укроп (*Anethum graveolens*) в памирских языках называется, по всей видимости, заимствованным тадж. *šibit* 'укроп'; язг. *šib* 'укроп', 'петрушка' тоже может быть адаптацией тадж., перс. *šibīd* 'укроп'.

Помимо перечисленных, других названий пряных культурных растений в памирских языках не засвидетельствовано. В качестве приправ к пище используются многочисленные дикорастущие травы, такие как мята, пахитник, каперсы и мн.др. (§ 72, II3).

Репка

§ 66. Старой огородной культурой, по существующей традиции, считается и репа (*Brassica rapa*), которую иногда определяют как брукву (*Brassica parva*) /Баранов - Райкова, 1935, с.297; Земл. ГБАО, 1964, с.111, 126/. Репка, как известно, играла во многих областях Евразии ту роль, которую сейчас занял вывезенный из Америки картофель. У населения припамирских областей су-

ществовали особые навыки выращивания репы на месте старого голозерного ячменя /Земл. ГБАО, 1964, с. III-II2/, свидетельствующие о древности культуры в этом регионе. Заслуживает упоминания тот факт, что в Хуфе после распространения овощей и фруктов совершенно перестали быть единственный овощ — репу. В качестве одной из причин прекращения посевов репы хуфцы ссылались на незащищенность репы от воровства, они жаловались М.С. Андрееву: "...посеешь, а у тебя вырастут — сам и не поешь" /ТДХ, 1958, с. 26/.

Согласно выводам Н.И. Вавилова, примыкающие к Афганистану районы "принимают ближайшее участие ... в формообразовании культурных реп" /Вавилов — Букиннич, 1929, с. 439/, в Средней Азии же локализуется и очаг происхождения азиатских сортов репы /Вавилов, 1960, с. 41/.

О древности культуры репы в Памиро-Гиндукушском регионе говорят ее названия в памирских языках. Это заимствования, но прошедшие в памирских языках длительную адаптацию и претерпевшие значительные фонетические изменения: вах. *šolm*, сар. *šom* 'репа', 'редиска' (по мнению Т.Н. Пахалиной, 'редька' /Пахалина, 1971, с. 211/); также кхов. *šalma* /Lorimer, 1958, vol. 2, с. 232/. Менее давними заимствованиями следует, видимо, считать хуф. *šiyam* 'репа' /ТДХ, 1958, с. 26/, барт. "шахарм" /Земл. ГБАО, 1964, с. II2/ и, особенно, вах. *šalyam*, сангл. *šalyām*, ишк. *šalyam* 'репа', 'редис(ка)', 'турнепс'; ср. также в индоарийских: непальское *salgam*, хинди *šalgam* /Turner, 1931, с. 292/. К этой же группе слов должно принадлежать и шугн. *sārḅ* 'репа'; несмотря на отличие во внешнем облике, оно объединяется с перечисленными названиями репы начальным сибилантом, конечным губно-губным согласным и сонорным *r/l* в инлауте.

Приведенные названия репы, по всей видимости, имеют тот же источник, что и перс., тадж. *šalyam*⁵¹ 'репа' — название обычное в Афганистане, Малой Азии и во всей Средней Азии /Вавилов — Букиннич, 1929, с. 437/. В персидском слово засвидетельствовано в нескольких вариантах: перс. *šalyam*, *šalam*, *saljam*, *šaljam* 'репа', 'брюква', 'рапс' — последние два — арабизированные формы персидского слова /Беруни, 1974, с. 541, 789/. Персидское слово

⁵¹ Близкие по фонетической форме ваханские и ишкашимские слова заимствованы из таджикского языка.

проникло в афганский, в арабский и в другие семитские, а также во многие тюркские языки /Doerfer, Bd 3, с. 326, N 1329/.

Предположение о том, что рассмотренные названия репы в конечном итоге родственны названию других растений вида *Brassica*, нуждается в дополнительных обоснованиях. Имеются в виду названия сурепки (*Brassica campestris*), связанные с скр. *sarḡara* 'горчица', возможно, происходящие из неиндоевропейского субстрата (§ 48), и, может быть, капусты (типа перс., тадж. *kalām*, *kaḡam* '*Brassica oleracea*'). Для всех этих названий можно восстановить общий исходный прототип с близкими по артикуляции звуками, которые могли быть по-разному адаптированы в индоиранских языках; ср., возможно, хот. *kalagbā*, др.-инд. *kalabhi* — 'род овощей' /Bailey, 1979, с. 55b/, др.-греч. *κράβη* 'капуста', 'редька', 'брюква'.

Необходимо отметить, что тадж., перс. *šalyam* 'репа' употребляется в памирских языках, в частности, в ваханском, по отношению не только к брюкке, репе, но и к капусте и даже свекле (ср. верх. *qalam*, *kalām* 'огородный овощ вида *Brassica*' /Lorimer, 1962, с. 150a/). Известно, что капуста-кольраби возделывалась в Дарвазе издавна /ТДХ, 1966, с. II2/.

В ваханском зафиксировано слово *аму-šolm* 'козелец', 'чернокорень' (*Scorzonera gracilis*) букв. 'заячья репа', сложение вах. *аму* 'заяц' и *šolm* 'репа'.

Изредка репа употреблялась и как масличное растение для изготовления свечей-лучин (§ 45, 50).

Табак

§ 67. "Неизбежную принадлежность каждого двора, — писал Н.И. Вавилов, — составляет табак... На Памире возделывается только махорка *Nicotiana rustica* L." /Земл. ГБАО, 1964, с. 13/. В Дарвазе тоже настоящий табак (*Nicotiana tabacum*) был прежде неизвестен /Баранов — Райкова, 1928, с. 67/.

Названия табака в памирских языках заимствованы через таджикско-персидское посредство; шугн. *tamokī*, барт. *tamokū*, рус. *tamokī*, *tamokū* /Зарубин, 1937, с. 66a/, язг. *tamoke*, *tamoku*, сар. *tamūqī*, *tamūqč*, вах. *temokiw*, *tamoku*, инд. *tamākū* 'табак' — ср. тадж., узб., ягн. *tamoku*, перс., афг. *tamākū*, бур. *tamāku*, непальское, хинди *tamākhu*, верх. *tamaku*, осет. (диг.) *tamaku* и

др. 'табак' /Абаев, 1979, с.227-228/. Слово это, как известно, проникло в XVI в. через Европу из языка американских индейцев.

В настоящее время табак выращивается на Западном Памире почти исключительно для приготовления так называемого "наса" (вид жевательного табака, закладываемого под язык⁵²), широко употребляемого в Средней Азии. В прошлом был более распространен нюхательный табак, который приготавливался в смеси с красным перцем, нашатырем и золой растения *kiznāš* /ТДХ, 1958, с. 396/ 'цикорий' - *Cichorium intybus* /ТДХ, 1958, с.110, № 22/⁵³.

§ 68. При изготовлении наса к растертому табаку может добавляться зола различных растений /ТДХ, 1958, с.397/, у памирцев преимущественно зола зеленых побегов хвойника (*Ephedra* sp.). Названия хвойника в памирских языках безупречно восходят к др.-ир. *hauma-*, авест. *haoma-*, др.-инд. *soma-* 'опьяняющий напиток', 'священное растение (хаома)' (§ 47): вах. (y)imšy, шугн., руш., хуф. *amojak*, мдх. *yūmana*, Инд. *yūmenā* 'хвойник', 'эфедра' из др.-ир. **haumāka-*, **haumāna-* /Стеблин-Каменский, 1974в, с.138-139/. Аналогичного происхождения должно быть и афганское название хвойника (w)imān. Многие разновидности хвойника богаты алкалоидом эфедрином, оказывавшим возбуждающее действие. Что бы ни было первоначальным источником приготовления сомы (согласно остроумной гипотезе Р.Г.Уоссона, возможно, и мухомор), можно считать достаточно вероятным, что древние иранцы готовили свой, соответствую-

щий ведической some культовый напиток, уже из хвойника. В пользу этого предположения свидетельствуют и названия хвойника в памирских языках, восходящие к производным от др.-ир. *hauma-* 'хаома'. Судя по описанию в Авесте, хаома была скорее возбуждающим, а не опьяняющим средством; в Хом-яште указывается, что после принятия хаомы не бывает вредных последствий, хаома делает человека более подвижным. Заратустра был зачат своими родителями после того, как они приняли хаому.

Заслуживает упоминания, что названия хвойника в бадахшано-таджикских диалектах *modiray* /ТДХ, 1958, с.109, № 1/, вах.-тадж. *modray*, также ишк. *modray*, кхов. *medrāx* /IIFL, vol.2, с. 272b/ 'Ephedra' созвучны скр. *mudrā*, одному из пяти М (panca-makha) тантристских ритуалов, которое, согласно заключению Дж.Туччи, первоначально обозначало неизвестное одурманивающее растение /Tucci, 1978, с.33/. Более обычно, однако, толкование тантристского *mudrā* как 'символические жесты рук' (ср. скр. *mudrā* 'печать', 'знак', видимо, заимствование из иранского /КЕМА, Bd 2, с.654/). Во всяком случае, в ишканинском языке и бадахшано-таджикских диалектах не исключено заимствование указанных названий хвойника из индоарийских, поскольку собственное восточно-иранское слово для хвойника связано с отражениями др.-ир. *hauma-*.

Арбуз и дыня

§ 69. Из бахчевых культур в Припамирье были известны арбуз, дыня и тыква, которые в питании не играли в прошлом сколько-нибудь заметной роли, в отличие от менее высокогорных районов /Земл. ГЕАО, 1964, с.120; Баранов - Райкова, 1928, с. 64/, например, Афганистана, где "...хлеб и дыня - обычное питание земледельческого населения ... в летнее время..." /Вавилов - Букиннич, 1929, с.408/.

Названия арбуза и дыни в памирских языках, по всей видимости, недавние таджикско-персидские заимствования и представляют мало интереса для иранской этимологии и истории памирской лексики.

Арбуз: вах. *tarbuz*, *tarbuz*, ишк. *tarbuz*, сангл. *tarbez*, шугн., руш., хуф. *tarbuz*, сар. *tarbuz*, *tarbūz*, мдх. *tārbuz* 'арбуз' - перс., тадж. *tarbuz* 'Citrullus vulgaris'. Зафиксирован-

⁵² Шугн. *nas(i)wor*, ишк. *noswor*, вах. *noswo*, язг. *naswor*, сар. *naswu*, *naswu* 'нас', по всей видимости, пришло в Припамирье с пра-, ср. тадж., перс. *nās* 'нюхательный табак', 'нас', но афг., дари *naswār* 'насвар', 'нас' /ДРС, 1978, с. 698б/, верш., кхов., миша *naswar* (из панджаби /Berger, 1974, с. 167a/), паш. *naswār* и проч. Это оформленное суфф. -wor (перс., тадж. суфф. подобия, также этнической и языковой принадлежности) название табака, первоначально относившееся, очевидно, только к нюхательному и связанное с обозначениями носа в индоарийских: непальское *nas*, кашм. *nās* 'нюхательный табак', гуджарати *nās* 'вдыхание дыма через нос' к др.-инд. *nāsā-* 'нос' /Оранский, 1977а, с. 373а; Turner, 1931, с.337; CDIAL, № 7093/; ср. хуф. *nās*-*naswor* 'нюхательный табак' /ТДХ, 1958, с.396/ от хуф. *nās* 'нос'.

⁵³ Шугн., хуф. *kiznāš* 'цикорий' может быть связано с перс. *kāsnī* 'цикорий', афг. *kāsnī* 'эндизий (вид цикория)', перс. *kāsnī*, *kāsnī* 'цикорий' (*Cichorium endivia*, *C. intybus*) /Vullers, t.2, с.769а, 835а; Беруни, 1974, с.871-872/, *kosani* 'дикий цикорий' /Сахобиддинов, 1948, с.154, № 305/. Ср. ванда. *koñiś*, язг. *kosniś*, *kosneś* 'Cichorium intybus'. Дарв. *koñiś*, кар. *kosni* 'дикий цикорий' - популярное средство в народной медицине /ТДХ, 1970, с.262/.

ные названия сортов арбузов в долинах Западного Памира являются описательными, это сложения с определениями цвета корки или косточек. Названия эти либо таджикские по происхождению, либо калькируют таджикские: руш. *tār-tarbuз* 'темный арбуз', *ẖīn-tarbuз* 'зеленый арбуз', *tarbuз-širindon* 'арбуз со сладкими семечками', *tarbuз-siyodona* 'арбуз с черными семечками' и др. /Земл. ГБАО, 1964, с.124/.

Язг. *enderwana* 'арбуз' усвоено из тадж. *hinduvona*, перс. *hindivāna* 'арбуз', букв. 'индийский /плод/'.
 Дыня: вах. *harbēza*, хәрбѣза, сангл. *harbez*, ишк. *harbēza*, шугн., руш., хуф., барт. *harbuзā*, мдж. *hārbuза*, йид. *harbēza* 'дыня' - перс., тадж. *harbuза* '*Cucumis melo*', Второй компонент *буза* в тадж., перс. *harbuза* 'дыня' восходит, по предположению М.Н.Боголюбова, к неиранскому по происхождению **būš-īn* 'огурец', хорошо засвидетельствованному в семитских языках; *har-* в данной композите имеет значение 'большой'⁵⁴. Возможно, тадж., перс. *tarbuз* 'арбуз' содержит во второй части тот же компонент; тогда в первой части тадж., перс. *tar(r)a* 'зелень', *tar* 'мокрый', 'свежий', ср. пехл. *tarrag* 'овощ', хот. *ttaga-* 'трава' /MacKenzie, 1971, с.82; Bailey, 1979, с.123а/. Неясно по происхождению скр. *trapusa-*, *trapuза-* 'огурец', 'колоквинт' /IIFL, vol.1, с.279ab; KEWA, Bd I, с.531/.

§ 70: В сарыкольском языке для обозначения дыни используется тюркское слово: сар. *quyn*, *quyn* 'дыня' из уйг. *qoʻyon*, *qoʻyn* /Jarring, 1964, с.250/, кирг. *kōn* (*koon*) 'дыня'.

В йидга, помимо слова *harbēza*, представлено также заимствование из кховар: йид. *lāḡū* (по мнению Г.Моргенштиерне, кхов. /IIFL, vol.2, с.224b/).

Из зарегистрированных в Рушане 16 сортов дынь /Земл. ГБАО, 1964, с.122/ почти все имеют таджикские названия или обозначаются кальками с таджикского: 1. "амери" (тадж. *amirī* 'эмирский' - название сорта дыни⁵⁵); 2. "хандаляки" (тадж. *handalak* 'сорт ранней дыни небольшого размера'); 3. "друхбуст" (руш., шугн.

⁵⁴ Аналогично персидским сложениям типа *har-sang* 'скала' ('большой камень'), *har-rušta* 'большой холм', *har-mūš* 'большая крыса', *har-magas* 'слепень', 'овод' и др. /Боголюбов, 1969, с.91/.

⁵⁵ Это название сорта дынь распространено очень широко, оно известно в Хивинском оазисе /Баранов - Райкова, 1928, с.66, примеч.2; Вавилов, 1960, с.103-104/.

*diruht-būst букв. 'грубо-кожий'); 4. "совзак" (тадж. sabz, руш. sāvз 'зеленый' - название сорта светло-зеленых дынь); 5. "достамбуи" (тадж. dastambū 'сорт душистой несъедобной дыни', шугн. dastam-būy, руш., барт. dastambū, язг. dastambi⁵⁶; 6. "кукча" (к тадж., узб. kūk 'синий', 'зеленый'⁵⁷); 7. "гандум-дона" (тадж. букв. 'семя пшеницы'); 8. "зерматык" ('?'); 9. "тер-моя" (руш. *tēr-моуа 'с темной сердцевинкой'); 10. "чуов" ('?'); 11. "сорнок" (к тадж., перс. sār 'голова', 'скворец?'); 12. "сио-харбуза" (тадж., букв. 'черная дыня' - сорт темно-зеленой окраски); 13. "софид-харбуза" (тадж., букв. 'белая дыня' - сорт светло-зеленой или белой окраски); 14. "хин-харбуза" (руш. xīn-xarbuza букв. 'сизая дыня' - сорт светло-серого оттенка); 15. "кубуча" (тадж. kabudča 'голубоватый', 'зеленоватый'); 16. "ширим-биша" (тадж., узб. širin 'сладкий' и узб. bešak - название сорта скороспелой дыни; ср: у А.Вамбери: "шёрин-петшек". /Вамбери, 1868, с.225/ - название сорта хивинской необыкновенно мягкой и сладкой дыни круглой формы).

Название сорта дыни handalak широко известно в Средней Азии /Вавилов - Букинич, 1929, с.416/, ср. узб. handalak - название сорта скороспелой дыни, имеющей круглую форму. Это название может быть связано со словом, обозначающим колоквиит: перс., афг., араб. hanzal 'Citrullus colocynthis'.

В памирских языках названия арбуза и дыни, а также различных сортов дыни, вне всякого сомнения, относятся к поздним заимствованиям. Характерно, что в сарыкольском и йидга дыня называется словами, пришедшими соответственно из уйгурского и кховар, т.е. из языков, с которыми сарыкольский и йидга вступили в контакт в исторически не столь отдаленное время.

⁵⁶ Эти маленькие пахучие дыни или тыковки носят в карманах и за пазухой в качестве своеобразных духов, они упоминаются в памирской поэзии как символ приятного запаха и аромата (например, в одном из ваханских трехстиший-бульбуликов /Кушкеки, 1926, с.170; ИВГ, 1976, с.36, № 34/. По объяснению Н.И.Вавилова, "достамбу" значит "духи в руках" /Вавилов, 1960, с.106/, что приблизительно верно.

⁵⁷ Один из сортов хивинских дынь носит название "гокче", "...внешне он зелено-желтого цвета" /Вавилов, 1960, с.103/; ср. сорт летней дыни в ливе "кёктше", упоминаемый еще А.Вамбери /Вамбери, 1868, с.225/.

§ 71. В Припамирье довольно широко разводится обыкновенная тыква (*Cucurbita pepo*), которая ценится за то, что долго может храниться в свежем виде (в Дарвазе ее хранили всю зиму) /Баранов - Райкова, 1928, с.65; Земл. ГБАО, 1964, с.124-125/. Названия тыквы в памирских языках, в отличие от арбуза и дыни, представляют определенный интерес. Для обычной тыквы зафиксированы следующие названия: вах. *kadu*, *kəduw*, ишк. *kadu*, сангл. *kaḍū*, шугн., руш., хуф. *kilō*, сар. *kaḍa*, мдж. *kaḍū* 'тыква'.

Ваханское, ишкашимское и мунджанское названия тыквы идентичны известным таджикским и персидским обозначениям и, бесспорно, заимствованы из таджикско-персидских диалектов: тадж. *kadu* 'тыква', перс. *kaḍū* 'тыква', 'кабачок', 'сосуд из тыквы', ср. также хиндустани *kaḍū*, *kaddū* 'тыква-горлянка', 'сосуд из тыквы' /Turner, 1931, с.821a/, непальское (из хинди) *kaddu* 'тыква' /Turner, 1931, с.72/, узб. *kadu* 'тыква', 'тыквянка', афг. *kaḍu*, *kaḍu* 'тыква'.

Шугнано-рушанское слово для тыквы, очевидно, является более старым заимствованием и усвоено из диалекта, характеризовавшегося развитием $l < *d$ /EVSh, с.40b/. Во всяком случае, адаптация этого слова должна была произойти достаточно давно, что кажется несколько странным, так как, насколько известно, родной съедобной тыквы многие исследователи склонны признать Америке, и определенных сведений о культуре тыквы *Cucurbita pepo* в Старом Свете до XVI в. нет /Вавилов, 1960, с.322-323/. Остается предположить, что название типа перс. *kaḍū* 'тыква' первоначально относилось только к так называемым "посудным" тыквам или тыквам-горлянкам (род *Lagenaria*), которые выращивались для изготовления посуды со времен античности, и в диком виде встречались в Индостане /Вавилов, 1960, с.323/.

В этом отношении показательно афг. *kaḍu*, *kaḍu*, применяемое и к тыкве, и к тыкве-горлянке /Вавилов - Букенич, 1929, с.423/. Вполне возможно, что горлянка (*Lagenaria vulgaris*) происходит из Индии, а название ее из индийских языков (в пользу чего свидетельствует и афганский вариант с -d-), причем в последнее время употребление этого сорта тыкв особенно увеличилось в связи с изготовлением из нее сосудов для табака-наса (§ 67), название которого также пришло из Индии. Дж.Платтс предполагал

родство слова для тыквы (и тыквы-горлянки) с скр. *kaṭu-* 'горький' /Platts, 1931, с.821a/, ср. синдхи *kaṭo*, *kaṭo*, маратхи *kaṭū*, сингальское *kula* 'горький', 'едкий' (на вкус) и др. /CDIAL, N 2641/.

Таким образом, перс., тадж. *kaṭu* 'тыква', по-видимому, является старым культурным словом, относившимся первоначально только к горлянке, и происходит из индийских языков. В некоторые памирские языки (в частности, языки шугнано-рушанской группы) это название могло проникнуть не из таджикско-персидских диалектов, а из какого-либо восточноиранского языка (с развитием $l < *d$) или из индоарийских (с адаптацией церебрального звука как l независимо от персидского).

Таково же должно быть и происхождение ваханского *kilōk* 'тыква', 'сосуд из тыквы', зафиксированного Д.Л.Р.Лоримером в говоре ваханцев Хунзы /Lorimer, 1958, vol.2; с.97/, неизвестного в правобережном Вахане. Название тыквы в бурушаски: бур. *bū-ruṣ*, верш. *būrus*, *hōsar*.

Неизвестно происхождение стоящего особняком руш., хуф. *wi-ḫīn* 'сорт тыквы', язг. *waḫīn* 'тыква' ($-ḫ-$ $< *sr-?$ /EVSh, с.95a/), к тому же - неясно, какая именно тыква имеется в виду.

По сообщению А.К.Писарчик, тыква "...очень почитается таджиками Кулябской группы районов и Каратегина" /ТДХ, 1958, с.393, примеч./.

§ 72. Что касается собственно тыквы-горлянки (*Lagenaria vulgaris*), из которой делают сосуды, то для ее обозначения в памирских языках употребляется другое слово. Это шугн. *карпур* 'тыква поделочная', руш. *карог*, барт. *карōr* 'сорт тыквы', 'сосуд из тыквы', рош. *кариг* 'тыквенная табакерка...', язг. *кару/ūr* 'сосуд из продолговатой тыквы'. Непосредственным источником этих названий следует считать дарвазские говоры таджикского языка: дарв., вандж. *караг* 'несъедобная тыква-горлянка' /Баранов - Райкова, 1928, с.65/. С другой стороны, это слово примыкает к известному обозначению каперсов, очевидно, благодаря некоторому внешнему сходству и горькому вкусу мякоти горлянки и каперсов: тадж. *kavar*, перс. *kabar*, дарв. *караг*, *kavar* 'Capparis' /ТКД, 1970, с.262/, вах. *карг*, язг. *Кабар* 'каперсы (*Capparis spinosa*)', 'виноградовник (*Ampelopsis vitifolia*)', афг. *k(ə)war* '(дикий) виноград', афг. *kbāra* 'каперсы', матч. *kevrak* 'вид съедобной травы', сист. *kavarg* 'пустынный кустарник' /Weryho, 1962, с.305/, верш. *ópur*, бур. *čopuri*, кирг. *kööl*, узб. *kavar*, *kavil*,

араб. kavar, греч. κάππαρις, арм. kapar 'каперсы', хот.khavara- название растения и др. /Berger, 1956, с.13-15; Bailey, 1979, с.73a/. Кхов., шина kawir 'каперсы' также, наверно, слово культурного круга, вряд ли восходит непосредственно к древнеиндийскому названию ('барбарис?'), kapita- /CDIAL, № 2752, 14354, 14359/. Каперсы повсеместно охотно применяются в народной медицине /ЯВГ, 1976, с.271; ТКД, 1970, с.262; Сахобиддинов, 1948, с.114, № 224; Беруни, 1974, с.207, 740, № 877/, они издавна считались укрепляющим и возбуждающим средством /Березкин, 1914, с.39/⁵⁸.

В целом, разные названия для съедобной и посудной тыквы в памирских языках свидетельствуют о одновременном появлении этих видов тыквы в Припамирье и различных путях их проникновения.

П л о д о в ы е к у л ь т у р ы

§ 73. Разведение плодовых деревьев в Памиро-Гиндукушском регионе имело в прошлом большое значение. На Западном Памире важнейшей из плодовых культур был тут (шелковица), из ягод которого делалась мука, в ряде высокогорных долин она заменяла собой хлеб. По заключению Д.Д.Букинича, "...значительную часть жителей Кухистана и Бадахшана можно назвать тутоедами..." /Вавилов - Букинич, 1929, с.207/. Велика была также роль абрикоса, аблони, грецкого ореха и некоторых других плодовых деревьев (ниже, § 77 и сл.).

Менее распространены были такие теплолюбивые фруктовые деревья как инжир, персик, гранат и другие, многие из них для населения верховий боковых притоков Пянджа в прошлом были известны только по сказкам и песням. Последнее касается, в частности, хурмы, упоминающейся в памирских волшебных сказках, очевидно, в смысле финиковой пальмы, финика (Phoenix dactylifera), обычном в Иране и Афганистане /Вавилов - Букинич, 1929, с.463/: вах. (из тадж., перс.) хегмо, хурмо, язг. xirмо 'хурма (?)', 'финик' -

⁵⁸ Осыпавшийся каперс, как символ упадка сил в старости, упоминается в "Книге Экклесиаста" (гл. 12, 5): "... и осыплется каперс желанья - ибо уходит человек в свой вечный дом..." /Дьяконов, 1973, с.652/.

тадж., перс. *xurmā* 'финик', перс. *xurmālū* 'хурма'. Собственно хурма (*Diospyros lotos*) встречается только до Калаи-Хумба в Дарвазе /Земл. ГБАО, 1964, с.163/, а ближайшие финиковые пальмы плодоносят в Южном Афганистане /Вавилов - Букинич, 1929, с.463/.

Ниже приводятся с краткими комментариями зафиксированные названия плодовых культур, малораспространенных в Припамирье и несущественных в прошлом для хозяйства памирских народностей. Все эти культуры объединены понятием "плодовые" потому, что называть их "садовыми" не всегда верно. Так же, как и в Дарвазе /Баранов - Райкова, 1928, с.67/, такие культуры как тут, грецкий орех, джида (лох), реже яблоня, груша и другие, растут не только в садах, но и между пашнями, по обочинам дорог, на каменистых склонах, вдоль оросительных каналов.

§ 74. Гранат и инжир культивировались в нескольких селениях долины р. Пяндж ниже Калаи-Хумба /Земл. ГБАО, 1964, с.162/. Шугн. *anor*, мдж. *ānor* 'гранат' заимствовано из тадж., перс. *anār*, *nār* '*Punica granatum*' (к реконструируемому Р.Готье др.-ир. ³*anā-gāka-* /Laufer, 1919, с.285/). В йидга засвидетельствовано *alāno* 'гранат', которое Г.Моргенштиерне считает возможным возводить к др.-ир. ³*ā-dānā-* или ³*na-dānā-* (к др.-ир. *dāna-* 'косточка, зерно'?) и сопоставляет с афг. *anang* 'гранат' /IIFL, vol. 2, с. 190a/. Более вероятным кажется, однако, происхождение афг. *anang* 'гранат' из того же др.-ир. *anāgaka-* (ср. согд.-будд. *n'r'k* /*nāre*/ 'гранат') с ассимиляцией из ³*anala-* (аналогично и слово для граната в йидга).

Дикий гранатник, встречающийся и в Дарвазе /Баранов - Райкова, 1928, с.97/, считался важнейшим, наряду с лохом (§ 105), плодовым деревом Кафиристана /Вавилов - Букинич, 1929, с. 458/. В кафирских и дардских языках известны различные слова для обозначения граната, в основном, восходящие к др.-инд. *dādima-* 'гранат' и, видимо, *āṣṭa-* 'манго'; обзор форм и этимологии их приводятся Ж.Фуссманом /Fussman, 1972, t.2, с.182-164/. В иранских языках близкое название есть в хотанском: хот. *drāmma* 'гранат' < ³*darma-*?, ср. др.-инд. *dādima-*, *dālima-* < ³*dālma-* /Bailey, 1979, с.167b/.

Шугн. *anjīr* 'инжир' заимствовано из тадж., перс. *anjīr* '*Ficus carica*', Иранское слово считается источником скр. *āñjīra-*, хинди *anjīr* и др. 'инжир', 'фига' /KEWA, Bd I, с.24-25; CDIAL, № 174; Laufer, 1919, с.411/. Афг. *inzar* 'фига', 'вишневая ягода', 'смоковница', возможно, старое заимствование из персидского /EVP, с.11/.

Сообщается, что дикорастущий инжир встречается в низовьях р. Язгулам, где его будто бы называют хѣхек /Баранов - Райкова, с.97, примеч.1/. В язгуламском словаре Д.И.Эдельман, содержащем точные ботанические определения большого числа растений /Эдельман, 1971/, соответствия этому слову найти не удалось. Возможно, это название не собственно дикого инжира, а места его зарослей по берегам речки Хехек или Хехак (букв. 'водичка', 'речушка') - притока р. Пяндж возле Язгулама (любезно указано Д.И. Эдельман).

Инд. kōwito 'фига' так же, как и верш. kuit 'id.', вопреки утверждению Г.Бергера, не имеет отношения к диалектному русск. квит 'айва' /Berger, 1974, с.157b/, а, по справедливому замечанию Г.Буддруса /Buddruss, 1975, с.155/, заимствовано, несомненно, из кхов. ko(w)it 'фига', 'инжир' /IIFL, vol.2, с.220b/, которое восходит к др.-инд. kapittha- 'плодовое дерево Feronia elephantum', 'древесное яблоко' /CDIAL, № 2749; Fussman, 1972, с.163-164/.

§ 75. Черешня растет в долинах р. Ванч, а вишня в Шугнани и Рушани /Баранов - Райкова, 1928, с.92, 95/. Вах. olbolu, шугн., руш., хуф. ol(i)boli, язг. ol(i)boli, albolu, мдж. olbolū 'вишня' усвоено из перс., тадж. ol(u)bolu 'Cerasus vulgaris'.

Сар. gilos 'вишня', видимо, точнее 'черешня' - аналогично язг. gelos 'черешня', кхов., верш. gilās, gilās 'id.' из тадж., перс. gīlās 'Cerasus avium'. Отдельные деревья черешни встречаются в Ишкашиме /Земл. ГБАО, 1964, с.172/.

Мдж. ālū, Инд. ālū 'слива' заимствовано из перс. ālū 'Prunus domestica',

Шугн. olūča, ишк. oluča 'алича' заимствовано из перс., тадж. oluča 'Prunus divaricata'. Заросли дикорастущей алычи доходят на Западном Памире до высоты 2 тыс.м /Земл. ГБАО, 1964, с.158-159/.

Мдж. šaftolū, вах., ишк. šaftolu, сангл. šaftōlū, сар. šaftuli, шугн., руш., хуф. šaftoli 'персик' заимствовано из тадж., перс. šaftālū 'Prunus persica'. Перс. šaft- в этом сложении исторически означает 'сладкий', первоначально - 'молочный' (перс. šīr 'молоко', šīrīn 'сладкий') к авест. xšvīptavant- 'молочный', хот. svīda-, хорезм. xwpc, согд.-будд. 'γšyft, ман. xšyft, парф. šyft, ягн. xšift, афг. šode, шугн., руш., хуф., барт. šuvd, сар. ševd, язг. š'ovd 'молоко' /EVSh, с.104a; EVP, с.72-73; Bailey, 1967a, с.349; 1979, с.415-416/, но мдж. x^ušūvdō, xšīvdō 'слад-

кий' /IIFL, vol.2, с.270а/. Большие персиковые сады были на южных склонах около Хорога /Земл. ГБАО, 1964, с.171/.

§ 76. Культурный сладкий миндаль на Западном Памире встречается редко, но имеются сведения о существовании в прошлом естественных зарослей дикого бухарского миндаля, вырубленных на топливо /Земл. ГБАО, 1964, с.162; Вавилов - Букинич, 1929, с.457/. Эти сведения подтверждаются топонимическими данными.

Инд. *bādām*, мдж. *bōdōm*, язг. *bodom*, сангл. *bābām*, инк. *bodom*, шугн. *bodūm* 'миндаль' заимствовано из тадж., перс. *bādām* 'Amygdalus'.

Более старая адаптация представлена в топониме *Bodum-dəga* — название ущелья и летовки у сел. Даршай в правобережном Вахане — из перс., тадж. *bodom-dəga* букв. 'миндальное ущелье'. Употребительно и усеченное название для летовки *Bodun*, *Bodum*.

Аналогичное топонимическое название зафиксировано и для ареала шугнано-рушанских языков: *baḍūmāgā* /Додыхудоев, 1975, с.108а/, — к сожалению, точное местонахождение и языковая принадлежность не указаны. Это название в целом следует считать таджикско-персидским по происхождению, так как в памирских языках перс., тадж. *dəga* 'ущелье' закономерно соответствует вах. *ḍur*, сар. *ḍer*, язг. *ḍur* 'ущелье' /EVSh, с.31b/. Встречающееся на картах название Бадхам-дара — небольшой левый приток Шах-дары — очевидно, то же Бодом-дара 'миндальное ущелье'.

Тут

§ 77. Важнейшей плодовой культурой, бесспорно, считался тут (§ 73). Мука из сушеных плодов туты употреблялась в пищу во многих долинах Припамирья. Исследователи отмечают исключительную сохранность тутовой муки, слипшиеся куски которой лежали без порчи годами /Вавилов - Букинич, 1929, с.450/. Тутовая мука заменяла собой хлеб и называлась тем же словом, что и толокно (мука из поджаренных зерен ячменя или пшеницы): шугн., руш. *pišt*, мдж. *(tūi-)pišk*^У и др. (§ 18, 38). Особенно распространено было употребление туты в пищу в Шугане, Рушане, Вандже. Жителями Вахана тут употреблялся в пищу в гораздо меньшей степени, чем остальными, по выражению Д.Д.Букинича, "тутоедами" Бадахшана. Согласно сообщению А.К.Писарчик, в Хуфе тут очень почитался и считался "райским плодом" (бад.-тадж. *meva-yi baišt*), тутом даже клялись /ТДХ, 1958, с.393/.

В последние годы в Румане и Шугане тут потерял свое пищевое значение, его стали выращивать преимущественно для разведения шелкопряда. Обрезание ветвей и листьев для кормления шелкопряда затрудняет созревание плодов. Получает распространение разведение сортов приземистых низкокронных шелковиц, дающих много кормового листа, но мало плодов. Шелководство в Припамирье получило развитие в самые последние годы, а прежде, как и в Дарвазе, было малоизвестно /Баранов - Райкова, 1928, с. 77/. Терминология шелководства в шугнанском языке таджикского происхождения (шугн. pīlā 'кокон', тадж. pilla и др.).

Для получения тутовой муки или толокна из сушеных плодов тут их толкут в каменных ступках или мелют на водяных мельницах. Тутовое толокно (шугн., руш. pīxt, в сложениях -bixt, §48, 68) употребляли в пищу с водой, кислым молоком, сливками /ТДХ, 1958, с.394; Баранов - Райкова, 1928, с.71, 77/. Изысканным блюдом считалась тутовая мука, затертая маслом: хуф. kibač/ʃ /ТДХ, 1958, с.394/. Это название родственно вах. kərač 'кушанье из толокна с маслом' /ЯВГ, 1976, с.188/. По всей видимости, и в ваханском, и в хуфском - это общее заимствование (к тадж. kūb- 'толокно'?).

§ 78. Специалисты считают, что культура тут в Бадахшане существует с глубочайшей древности. Здесь есть много эндемичных "плодовых" сортов тут, а "...для распространения иноземного растения и особенно для создания местных его сортов нужно значительное время, исчисляемое не сотнями, а тысячами лет" /Земляков, 1964, с.64/. Родиной же двух видов тут - белого (*Morus alba*) и черного (*Morus nigra*) считается предположительно соответственно Восточный Китай и Передняя Азия /Вавилов - Букинич, 1929, с.451-452; Бахтеев, 1970, с.226/.

Об исключительной древности культуры тут в Припамирье свидетельствуют и его названия в памирских языках: вах. t t, tñb, tut, сангл. tūt, ишк. tut, мдж. tūy, шугн., руш. tñb, хуф., руш., барт. tūd (в сложениях d*), язг. tēd, сар. tñb, tñb 'тутовник', 'шелковица'. По мнению Г.Моргенштерна, шугнано-руманские слова в связи с -d- могут быть "довольно ранним заимствованием из персидского" /EVSh, с.80a/: перс., афг. tūt, тадж., узб. tut 'тут'. Мунджанское же слово, вместе с персидским, может непосредственно продолжать др.-ир. tūta- /Gauthiot, 1915, с. 153/, очевидно, старое слово культурного круга, о происхождении которого из иранских, семитских языков или китайского ведутся спо-

ры /Laufer, 1919, с.582; Schrader apud Hehn, 1902, с. 386; CDIAL, № 5900/. К числу старых заимствований следует отнести и формы *tūwa*, *tewa* в афганском диалекте ванечи /Elfenbein, 1965, с.598/, также пар. *tī* 'шелковица'.

Слово это известно и в индоарийских языках, куда оно, по всей видимости, пришло из иранских, в том числе и в скр. *tūta-*, *tūda-*, *tūla*, камм. *tūl*, *təl*, панджаби *tūl*, лахнда, маратхи *tūt* и др. 'тут'; также бесспорные недавние заимствования из перс., афг., приводимые Ж.Фуссманом /CDIAL, № 5900; Fussman, 1972, t. 2, с.232-233/.

§ 79. В ваханском говоре Хунзы тутовник называется *birānĵ* /Lorimer, 1958, vol.2, с.21/. Созвучие со словом для риса (перс., тадж., шугн. *birinĵ*, язг. *beranĵ*, вах., мдж. *berenĵ* 'рис'), очевидно, является случайным, хотя в говоре ваханцев Хунзы, так же, как и в сарыкольском языке, рис (в отличие от тута) обозначается словом с начальным *g-*, характерным и для некоторых периферийных таджикских говоров, кховар и узбекского: вах. (Хунза) *grānĵ*, кхов. *grīnĵ* /Lorimer, 1958, vol. 2, с. 66/, верш. *grinč*, сар. *g(i)rinĵ*, тадж. (обл.) *gurunĵ*, севернотаджикское *gurunĵ*, *gūrūnĵ* /Расторгуева, 1963, с.74/, узб. *guruč* 'рис (очищенный)'. Йид. *gērīnĵ* 'очищенный рис' должно быть заимствованием из кховар /IIFL, vol.2, с.210b-211a; Fussman, 1972, t.2, с.320/. Решение проблемы происхождения этих различных вариантов слов для риса (возможно, среднеиранских) нуждается в специальном исследовании, выходящем за рамки настоящей работы - рис на Западном Памире не растет, и в памирские языки название риса проникло из таджикско-персидских диалектов (в йидга из кховар) в недавнее время.

Возвращаясь к вах. (Хунза) *birānĵ* 'тут', следует сблизить его с названиями тутовника в других соседних языках: верш. *branc*, бур. *biranč*, шина *marōč*, кхов. *mrač* /Buddruss, 1975, с. 155/, пхалура *maharoč*, дамели *mṛāč* и др. 'тут' /CDIAL, № 9796; Fussman, 1972, t.2, с.233/. Йид. *mērāč* 'тут' должно быть заимствованием из кховар /IIFL, vol.2, с.228b/. Предполагается, что первоисточником этих слов является др.-инд. ^х*mādhura-vṛkṣa-* букв. 'сладкое дерево', 'дерево со сладкими плодами' /Morgenstierne, 1973a, с.266; CDIAL, № 9796/, хотя в фонетическом развитии дардских слов есть отклонения от закономерных отражений /Fussman, 1972, t.2, с.234/. Г.Бергер сопоставил гиндукушские слова с др.-греч. *μόρον*, лат. *morum*, *morus* 'тут', 'шелковица' /Berger, 1956, с.22-26/.

В любом случае, в говоре ваханцев Хунзы *birān* 'тут', условно, заимствование из вершикского, а в последнем, вероятно, из индоарийских.

§ 80. В сарыкольском языке, помимо названия тутовника, связанного с адаптациями тадж., перс. *tūt* (§ 78), представлено еще и сар. *нѣма*, *ѣѣма* 'тут', 'тутовое дерево', 'тутовая ягода'. Это слово стоит в памирских языках особняком и нет оснований связывать его с тюркскими названиями винограда, *изюма* (узб., уйг. *узум* и др. - 'виноград'), тем более, что в сарыкольском языке известно бесспорное заимствование из уйгурского: сар. *нзым*, *ѣѣм* 'виноград'.

Сар. *нѣма* 'тут' может восходить к др.-ир. **aizma-* 'дрова', 'топливо', авест. *aēzma-* 'дрова' (также авест. название горы *aēzahān-*, др.-инд. *idhmā-* 'дрова'), согд., хорезм. *'зм*, ягн. *iz(1)ш*, мдж. *izmo*, нкх. *уѣз*, пехл. *ēzm*, перс., тадж. *hezum* 'дрова', 'топливо'. В языках мугнано-руманской группы отражения этой древнеиранской основы до сих пор были неизвестны. Топливо, дрова обозначаются в них словами, восходящими к др.-ир. *gaza-* (мугн. *ѣиз*, рум., хуф. *ѣоз*, вах. *ѣиз* 'дрова' и др.), получившему в ряде иранских языков также значения 'тамариск' (перс., тадж., бел. *га*, афг. *ѣаз*), 'камыш', 'тростник' (осет. *qaez*, хот. *ggausimkuo* 'сделанный из тростника', ягн., матч. *ѣазак* 'камыш') и др. /EVSh, с.111b; Bailey, 1967a, с.66; Абаев, 1973, с.302/. Напротив, в ваханском др.-ир. **aizma-*, **aizya-* 'дрова', 'топливо' отразилось в вах. *іѣ*, *уіѣ* 'тамариск', 'мирикария' /Стеблин-Каменский, 1974в, с.140/.

Значение 'тутовник' (в отличие от значения 'тамариск') не могло быть исконно свойственно др.-ир. *aizma-* 'топливо'. По всей видимости, сар. *нѣма* означало первоначально просто 'дрова' (как и соответствующее мдж. *izmo*, *уѣзма*) и лишь относительно недавно перешло на тутовое дерево, возможно, употребительное древесное топливо в Сарыколе⁵⁹.

§ 81. В йидга засвидетельствовано название сушеного тута *kitorī*, которое, по мнению Г.Моргенштерне, заимствовано из кховар, но слово языка-источника не указано /IIFL, vol. 2, с.220b/.

⁵⁹ Ср. в сарыкольской сказке: "...прибежали они в одно место, а там стоит несколько тутовых деревьев" (*нѣма*) /Пахалина, 1966, с.95, IIО, абзац 37/.

Обозначение сушеного тута известно и в мугнанском и язгулямском языках. Это мугн. *mēwiz* 'сушеный тут', 'тут, высохший на ветвях (высший сорт)', язг. *mawiz* 'сушеная шелковица', усвоенные из перс., тадж. *mawiz* 'крупный черный изюм', 'изюм', тадж. *mawizak* 'фрукты, высохшие на дереве'. Перс., тадж. *mawiz* 'изюм' восходит к др.-ир. *maδvīš(a)-* (>^{*}*mauvīš*), авест. *maδu-* 'вино', др.-инд. *madhu-* 'сладость' и др., ср. курд. *mawīš*, бел. *mawīš* 'изюм' /КЕWA, Bd 2, с.572; Ногн, 1993, с.225, № 1003/. Неясно происхождение мугн. *morilif* 'первый тут', 'только что поспевшая тутовая ягода, впервые употребляемая в пищу'.

М.С.Андреев упоминает слово *tut-i del-mel* 'полусухой тут', который едят в Панджшире в течение трех осенних месяцев /Андреев, 1927, с.23/; ср. тадж. *dūlmīl* 'недозрелое зерно' /ФТ, 1969, т.1, с.398б/, нкх. (из тадж.) *dūlmīl* 'недозрелое зерно', матч. *dūmdul*, *dūlmīl* 'полусухой урожай', мдж. *dūlmīl* 'колос' /IIFL, vol. 2, с.206a/, кар. *dumbul* 'отвердение зерен' (стадия зрелости /ТКД, 1966, с.127/), а также название способа получения зерен путем опаливания колосьев в Средней Азии: кул. *dul-mul*, кар., дарв. *del-mel*, узб. *dum-bul* и др. /ТДХ, 1958, с.82-83/. В памирских языках для названий этого способа получения зерен зафиксированы вах. *ѣнir* (также название стадии зрелости: 'отвердение зерен'), хуф. *leѣak* /ТДХ, 1958, с.83/; в местных таджикских говорах: вах.-тадж. *delmel*, *kafki* - последнее, очевидно, к тадж. *kaf* 'ладонь', букв. 'ладонные' (опаленные колосья растут между ладонями).

§ 82. Существуют многочисленные названия сортов тута. По существу, тутовые деревья назывались в прошлом не просто 'тут', а по имени того или иного сорта - ягоды тутовника разных сортов значительно отличаются по вкусу. В Дарвазе, пишут П.А.Баранов и И.А.Райкова: "...тут - хлебное дерево дарвазца, ... его главное и основное питающее растение ... Для тута в Дарвазе нет общего названия..." /Баранов - Райкова, 1928, с.68/. По строению все эти названия описательные, в памирские языки они заимствованы из таджикско-персидских диалектов или скалькированы с таджикских названий.

Ниже приводятся названия мугнанских и руманских сортов тута, зафиксированные Х.Шѣльдом (H.Schöld) и цитируемые в работе о культурной растительности Дарваза /Баранов - Райкова, 1928, с.68-69/. Без ссылок даются также названия дарвазских сортов тута, взятые из этой работы и памирские названия, приводимые А.К.Писарчик /ТДХ, 1958, с.393-394/.

Шугн. *ḫā-dūδ*, дарв. *šo-tut*, вандж. *šāhtut* - самый урожайный сорт памирского тута с желтоватыми соплодиями /Земл. ГБАО, 1964, с. 167/ - тадж. *šāhtut*, перс. *šāhtūt* 'черный крупный тутовник', 'черная шелковица (*Morus nigra*)', афг. (из перс.) *šāhtut* 'черная шелковица' - букв. 'шахский тутовник'.

Шугн. *bēdūna*, рум. *bīdona*, вандж. *bedūna*, дарв. *bidona* - сорт тута с соплодиями, лишенными семян, весьма ценное качество для сушки /Земл. ГБАО, 1964, с. 167/ - тадж. букв. 'без косточек', ср. перс. *bīdona* 'бескосточковый' (название сорта винограда), тадж. *bedona* 'сорт изюма из бессемянного сорта винограда', 'кишмиш'. М.С.Андреев приводит названия двух сортов тута в Панджшире: *bedona-i kabut* 'серый, без косточек' и *bedona-i safet* 'белый, без косточек' /Андреев, 1927, с.23/.

Помимо этих двух сортов тута в старых садах распространен был также "хасак" /Земл. ГБАО, 1964, с. 168/, известный и в Панджшире - *ḫāsak* (очевидно, от тадж., перс., араб. *ḫās* 'особый', 'отборный' /Андреев, 1927, с.23/), вандж. *ḫastūt* 'нижний сорт скороспелого тута'.

§ 83. Остальные сорта тута имели гораздо меньшее распространение. Невелико было в садах количество деревьев сорта *muza-(f)farī*, происходящего, согласно традиции, из сел. Музафари в Афганском Бадахшане, которое славится своими садами /Земл.ГБАО, 1964, с.168/. В Вахане известен сорт яблок под этим названием: *вах.*, *вах.-тадж.* *mēzafarī*, *muzaфарī* /ЯВГ, 1976, с. 394/; дарв. *muzaфарī-tut* 'сорт тутовника' /Баранов - Райкова, 1928, с. 70/, язг. *mē/uzofarī* 'сорт шелковицы'.

Перечень сортов тута:

Шугн. *ḫāḡ-dūδ* букв. 'пестрый тут', шугн. *ḫāḡ* (f.), *ḫūḡ* 'пестрый'.

Шугн. *māḡ-dūδ* букв., возможно, 'овечий тут', шугн. *māḡ* 'овца'.

Шугн., рум. *šāfen-dūδ* к шугн. *šāf* 'слона'?

Шугн. *tēr-dūδ*, рум. *tēr-dūδ* букв. 'черный тут', шугн. *tēr* 'черный', ср. дарв. *siyo-tut* букв. 'черный тут' и шугн. *tēr-mēwā* 'дикорастущее дерево с ягодами вроде вишен', букв. 'черный плод'. В перс. *siyāh-tūt* 'черная шелковица (*Morus nigra*)'.

Шугн. *kēlo-dūδ* к шугн. *kīlo* из тадж. *kulloḥ* 'шапка', 'колпак' (?) или шугн. *kīlo* 'тыква' (§ 71)? В Шугнани известен сорт яблок *kīlo-mun* букв. 'тыквенное яблоко' /Земл. ГБАО, 1964, с. 150/ (§ 94).

Шугн. *xalang-dūb* к тадж. *xadang* 'белый тополь?'

Записанное Х.Шёльдом руш. *uslay-dūb*, очевидно, идентично названию сорта руш., шугн. *wustlay*, приводимому А.К.Писарчик /ТДХ, 1958, с.393, 495б/; происхождение неясно. Напротив, зафиксированное А.К.Писарчик шугн. *malbēb* /ТДХ, 1958, с. 393/ идентично названию сорта руш. *malbīb-dūb* у Х.Шёльда /Баранов - Райкова, 1928, с.69/, язг. *malbeb*, дарв. *malbib*. Видимо, это какое-то слово арабского происхождения, возможно, имя собственное. В ванджских говорах записано как *malbed* 'сорт тута' /Розенфельд, 1964а, с.101б/.

Руш. *xitxuk-dūb* в первой части содержит, по всей видимости, соответствие хуф. *xit-xoyg* - название плода грецкого ореха без мягкой кожуры, но в скорлупе /ТДХ, 1958, с. 113/, барт. *fat-xuig* 'грецкий орех (плод)' /Зарубин, 1930, с.676/, руш. *xitxog* 'грецкий орех' /Файзов, 1966, с.24/. Г.Моргенштиерне предполагает индоарийское происхождение второй части этого слова и связь его с *ashō*, *лахнда akhor* и др. 'грецкий орех' из др.-инд. *aksota* 'грецкий орех' /EVSh, с.103б-104а; CDIAL, # 48/, которое, в свою очередь, предположительно считается некоторыми исследователями старым иранским заимствованием /Laufer, 1919, с.254, п.4/ (§ 101). Индоарийским по происхождению считается также пар. *watḱ* 'грецкий орех' (из индо-ар. **akhota*-? /IIFL, vol.I, с.412а/).

Язг. *nauzabeg* зафиксировано в сел. Андарбаг как название того сорта тута, который в Мотрауне называется *malbeb*, а в Джамаке - *mezofari* /Эдельман, 1966, с.10/. Как и два последних (рассмотренных выше) названия, очевидно, это имя собственное. Язг. *xarted* 'сорт шелковицы' может быть сложением с тадж., перс. *kar-* 'ослиный' (исторически - 'большой' - § 69, примеч.54).

Нижеследующие названия сортов тута известны лишь в дарвазских говорах таджикского языка: *safit-tut*, вандж. *safedtut* букв. 'белый тут'; *ruš-tut*, *rauš-tut*, возможно, к шугн., руш. *rūšt* 'красный' (?), ср. вандж. *ruštut* 'сорт тута'; *jigari-tut* букв. 'коричневый тут'; *siyo-tut* букв. 'черный тут', ср. выше шугн. *tēr-dūb*; *rovaní-tut* по имени сел. *Rovan* в левобережном Рушане; *šauxin-tut*, видимо, к тадж. *šauх* 'шейх'; *zoʻari-tut*, видимо, диалектное к тадж. *Joʻar* 'наrost на дереве', 'зоб', перс. *zāʻar* 'зоб (у птицы)'. В ванджских говорах известно еще *lugatut* 'сорт шелковицы' /Розенфельд 1964а, с.101а/.

В Панджшире записано название очень крупного сорта тута *šasti*, по предположению М.С.Андреева, вероятно, от перс. *šast*

'большой палец' /Андреев, 1927, с.23/. Без указания места бытования М.С.Андреев упоминает сорт тута ĵirmi от имени сел. Джирм в Афганском Бадахшане /ТДХ, 1958, с.394/.

Некоторые из этих названий употребительны, конечно, и в памирских языках.

Абрикос

§ 84. После тутовника второе место по своему значению в жизни памирских народностей занимал абрикос (*Armeniaca vulgaris*). В Вахане же он был важнейшим плодовым деревом /Olufsen, 1904, с. 120/; абрикосы в питании памирцев, особенно живших в самых высокогорных долинах, играли почти ту же роль, что и в рационе жителей соседней Хунзы, которые, как считают исследователи, жили на "абрикосовой диете" /Lorimer, 1939, с.242/. По преданию, абрикосы появились в долинах Западного Памира в незапамятные времена, семена были привезены из Кашгара /Земл. ГБАО, 1964, с. 169/. Не исключено, что абрикос перешел здесь в культурное растение из природных зарослей, теперь исчезнувших - основной очаг формирования абрикоса локализуется в Средней Азии и примыкающих районах Северного Китая /Вавилов - Букинич, 1929, с.455; Бахтев, 1970, с.68-69/.

Абрикосы сушились и сохранялись в сушеном виде. Ядрышки абрикосовых косточек нанизывались на нитки и хранились в виде ожерелий. Сушеные абрикосы размачивались и добавлялись в различные кушанья (похлебку-лапшу, рисовую кашу). Зернышки абрикосовых косточек служили лакомством и дорожным припасом, из них выжималось абрикосовое масло /ТДХ, 1958, с.382, 393/, в Вахане из толченых ядрышек готовили новогоднее угощение - вах. *ĵuĵr* /ЯВГ, 1976, с. 184/60. В древности абрикос в Средней Азии был основным источником сахара /Жуковский, 1971, с.483/.

60 Вах. *ĵuĵr*, вах.-тадж. *ĵuĵr*, *ĵoĵr* 'кушанье из солода и толченых ядрышек абрикосовых косточек' можно сопоставить с мдж. *ĵaĵr*, *ĵeĵr* 'кушанье из проросших зерен пшеницы'. Это слово может быть индоарийским по своему происхождению: кхов. *ĵoĵr* - название кушанья из др.-инд. *bāṣṭra* - 'молодая трава' /CDIAL, N 12364/; соответствующее в иранских: перс. *sabz* 'зеленый', афг. *sabé* 'овощи', 'зелень' (др.-ир. *sar-*) /KEWA, Bd 3, с.319; Burrow, 1969, с.113/. Сомнительно сопоставление вах. *ĵuĵr* с ишк. *хаĵра* 'похлебка' /Пахалина, 1975а, с.270б/ - общим словом во всех памирских и местных таджикских диалектах: вах. *хеĵрау*, шугн. *хиĵра*, рус. *хуф. хаĵра*, рош. *хаĵба*, *хаĵра*, язг. *хиĵра* 'похлебка', 'болтушка'.

§ 85. Названия для сушеных абрикосов известны не во всех памирских языках. Вах. čimbir, ишк. čambur 'урюк', 'сушеный абрикос' связано с кхов. chambor 'id.' /O'Brien, 1895, с.47/; ср. еще шина čamūs, бур. čhamus 'сушеные абрикосы, размоченные в воде'. Это слово напоминает названия плодовых деревьев, вероятно, неарийского происхождения, в индийских языках: скр.jambīga- 'цитрон', jambū-, jambūla-, непальское jama, jimir, хинди jambhīr и др. /Turner, 1931, с.215, 218; CDIAL, № 5130 и сл.; KEWA, Bd I, с.418/, но ср. также тув. čimis 'плод', 'фрукт' (?).

Сар. čili 'компот', 'кисель (из абрикосов)' может быть связано с родовым названием абрикоса с начальным č-, известным во многих языках Восточного Гиндукуша (§ 87), непосредственный источник сарыкольского слова - уйг. čile 'сушеные абрикосы, размоченные в воде'. Связь последнего с перс. gul-āb 'розовая вода' /Jarring, 1964, с.78/ маловероятна.

Адрышко абрикосовой косточки во многих памирских обозначается словами типа "сердцевинка", "косточка" или же в зависимости от вкуса косточки, например, мдж. talxek, вах. talxek 'адрышко абрикосовой косточки' (тадж. talx 'горький'), вах. xūžgek 'id.' (вах. xūžg 'сладкий') букв. соответственно 'горьченькое' и 'сладенькое'. В ваханском адрышко называется также serkek, словом, связанным с вах. serk 'костный мозг'. Происхождение этого слова неясно, объединение с русск. зерно, афг. zəṭau 'семя', 'косточка' /Пахалина, 1975а, с.261б/ неубедительно.

Шугн., руш., хуф. čoj 'абрикосовые косточки (зернышки)' родственно язг. čeg 'кость' (из др.-ир. *axšaka-? /EVSh, с.107b/). Неясно происхождение сар. čex 'плодовая косточка' и сар. rikči 'абрикосовое зерно'.

Язг. čačeg 'абрикосовая косточка', очевидно, во второй части содержит упомянутое выше язг. čeg 'кость'; ср. язг. čačeg-čačeg 'абрикосовые косточки и прочие сладости'.

Шугн. māyз 'адрышко' заимствовано из тадж. māyз 'зернышко', 'адрышко', 'мозг'.

§ 86. Способ хранения адрышек абрикосовых косточек нанизыванием их на нитку был распространен повсеместно на Западном Памире. Так хранили не только абрикосовые адрышки, но и сердцевинки грецких орехов /Зарубин, 1917, с.106; ТДХ, 1958, с.113/. Этими ожерельями одаривают гостей в ответ на их подарки.

В шугнанском языке название такого ожерелья из адрышек образовано от глагола pičēn- 'нанизывать', 'продевать': шугн. pi-

ĵenõ 'связка чищенных орехов и абрикосовых косточек, продетых на нитку наподобие бус'.

Руш., хуф., барт. *pargāš*, рош. *pargēš* 'ожерелье из ядрышек' /ТДХ, 1958, с. II3/, видимо, связано с глагольной основой руш. *pargaw-* 'сверлить', 'дырять' /Зарубин, 1937, с. 586/. К хуф. *piḡgaš* 'ожерелье из ядрышек' ср. шугн. *piduīs*, сар. *padec* 'нитка (для вдевания в иголку)', происхождение которых неясно /EVSh, с. 54a/. Непонятно и язг. *ḫ'ib* 'нитка с нанизанными на нее очищенными зернышками абрикоса ...' (<^{*}*avi-ḫ'aib*-, по предположению Д.И.Эдельман).

Большой интерес представляет ваханское название такого ожерелья, относящееся, возможно, к старым заимствованиям из персидского (среднеперсидского?). Вах. *psēŷ* 'ожерелье' может иметь своим источником пехл. *pusag* 'гирлянда', 'венки' (цветов) к авест. *pusā-* 'диадема', согд. *'ps'kh*, перс. (из согд.) *pasāk* 'венки', арм. *psak* /Henning, 1939, с. 98; 1977, vol. I, с. 644/. Собственно ваханское ожидалось бы с исходным -к, напротив, -ŷ- характерно в ваханском языке для многих давних заимствований из персидского (типа вах. *iŷun*, *igun* 'единственный' из перс. *yagān*, вах. *diŷar*, *digar* 'другой', вах. *mēdaŷ* 'кобыла' из перс. *māda*, пехл. *mādag* и др.).

В.Б.Хеннинг предполагал, что собственно персидским (не заимствованным из согд.) словом для гирлянды, венка должно быть ^{*}*puše* /Henning, 1939, с. 98/. Именно это слово находим в ишкашимском *pusi* 'нанизанные на нитку зернышки от абрикосов', очевидно, усвоенном из таджикских говоров⁶¹, ср. бад.-тадж. *pusa* 'обод сита'⁶². Др.-тюрк. (др.-уйг.) *psak* 'венки' заимствовано из согдийского /ДТС, 1969, с. 398a/.

В дарвазских говорах ожерелье из ядрышек называется *hamel* /Баранов - Райкова, 1928, с. 91; ТҚД, 1966, с. 150/, тадж. *hamel* 'связка (зерен и т.п.)', очевидно, от перс., тадж. (из араб.) *hamail*, *hamīla* 'перевязь', 'портупея'.

⁶¹ Сопоставление ишкашимского слова с осет. (ирон.) *pusi*, *pusi* 'кукурузные хлопья' /Абаев, 1973, с. 243-244/ неоправданно.

⁶² Связь между ободом и венком как украшением подкрепляется вах. *wižk*, которое обозначает 'плетеный из ивовой коры или лозы обруч', 'плетеный обод (подставка под котел)', тем же самым словом называют и головную повязку невесты из белой материи /ЯВГ, 1976, с. 491/.

§ 87. Названия абрикоса в памирских языках свидетельствуют о большой древности этой культуры в Памиро-Гиндукушском регионе. Показательно то, что в наиболее удаленных друг от друга языках - язгуламском и мунджанском - представлены близкие формы, в то же время в южнопамирских языках (ваханском, ишкашимском) названия абрикоса сближаются с кафирскими и дардскими словами, а шугнано-рушанское слово для абрикоса в других языках неизвестно. Это, безусловно, указывает на давность проникновения слова в Припамирье, причем самые архаичные варианты сохраняются на периферии, на двух противоположных концах памирской языковой области (в язгуламском и мунджанском).

Вах. *čwan* 'абрикос' ближе всего к ишк. *čwənd*, сангл. *čuwēl* 'абрикос'. Последние в исходной части, по замечанию Г.Моргенштерне, рифмуются и, очевидно, подверглись влиянию ишк. *mənd*, сангл. *mēl* 'яблоко' (но ср. вах. *myt* 'яблоко' - § 93). Все же особых оснований для деления этих названий на составные части нет. Названия абрикоса с начальным *č*- известны во многих языках Восточного Гиндукуша.

Язг. *čiray*, мдж. *čiriy*, *čirəy*, иид. *čirē* 'абрикос' сближается с названиями абрикоса в кафирских и дардских языках: прасун *čirē*, кати *čirə*, ашкун *čirā*, кашм. *čēr* и др. /IIFL, vol. 2, с. 202b-203a; Fussman, 1972, t.2, с. 37//; ср. также арм. *čiran*, груз. *čegamī* /EVSh, с. 27b/, афг. *čegēy* 'сорт сливы (кок-султан)' и др. Г.Моргенштерне полагает, что формы с *-l*- в соседних языках могут быть не связаны с перечисленными вариантами: балти (тиб.) *chuli*, *culi*, кхов. *žūli*, шина *žūri* 'абрикос', уйг. *čulə*, сар. *čili* 'компот из абрикосов' (§ 85) и др., ср. еще бур. *ju*, верш. *ju*, *žū*, дамели *žūžui* и т.д. /EVSh, с. 27b; Fussman, 1972, t.2, с. 37//.

По всей видимости, эти слова восходят к старому миграционному термину культурного круга, происхождение которого точно не установлено. В.Томашек предполагает тибетский первоисточник, поскольку в Балтистане лучшие абрикосы /Tomaschek, 1880, с. 79I/. Напротив, Б.Лауфер решительно возражает этому и считает, что слово это первоначально не могло быть тибетским. Он склонен искать источник этого названия в памирских или дардских языках /Laufer, 1919, с. 540/. Иранскую этимологию для памирских названий абрикоса к корню др.-ир. *čā-/či-* 'гореть' предложил Г.В.Бэйли: вах. *čwan* 'абрикос' из др.-ир. **či-č-* /Bailey, 1959, с. 124/. Эта этимология кажется уязвимой с нескольких точек зрения. Во-первых, др.-ир. **či-* недостаточно представлено в иранских язы-

ках; согласно словарю Д.Покорного, проблематичный корень м.-е. *kēu-* 'зажигать' (?) реконструируется только для греческого и литовского /IEW, с.595/, его находят также в хот. *hamjsul-* 'зажигать' /Emmerick, 1968, с.139/. Во-вторых, из др.-ир. **č-* ожидалось бы восточноиранское (во всяком случае ваханское, безусловно) слово с начальным с-, а не *č-*. В целом, происхождение этого культурного слова из иранских весьма проблематично. По мнению Х.Фуссмана, мало вероятно и кафирское происхождение этого названия абрикоса /Fussman, 1972, т.2, с.39/.

Таким образом, первоисточник и время появления этого слова для абрикоса в памирских языках неизвестны. Бесспорно, однако, что совпадение язгулямского и мунджанского названий свидетельствует о большой древности этого слова. Если это заимствование, то оно должно было предшествовать периоду шугнано-язгулямской общности, впоследствии в других шугнано-рушанских оно было вытеснено новым обозначением.

§ 88. Во всех языках шугнано-рушанской группы абрикос (и плод, и дерево) называется одинаково - словом, отличным от названий абрикоса в других памирских языках и, по-видимому, восходящим к общешугнанскому состоянию: шугн., барт. *poš*, руш., хуф., рош. *nūš*, сар. *maš* 'абрикос'. Г.Моргенштиерне восстанавливает гипотетическое др.-ир. **nāha-* /EVSh, с.50a/. Более обоснованным кажется, однако, сравнение шугнано-рушанских слов с перс. *naḡvā* 'дикая слива', предложенное В.Томашеком /Tomaschek, 1880, с.59/, к которому следует добавить и известное название сорта груши тадж. *pošroti*, перс. *nāḡrāti*, афг. (из перс.) *nāḡrātau*, сар. *naḡryt*, шугн. (из тадж.) *pošroti*, вах. (из тадж.) *pošr(ə)ti* и др.-название сорта сладких груш (§ 98).

В первой части этих слов так же, как и в шугн.-руш. *poš* 'абрикос', можно видеть перс. *nūš* 'сладкий', 'приятный', 'сладкое питье', 'нектар' и др. По всей видимости, в шугнано-рушанских языках это очень старая адаптация персидского слова для обозначения сладкого, сахарного плода. Г.Хюбшман считает перс. *nūš* 'сладкий напиток', *nūšīn* 'сладкий', 'сладостный', 'приятный' (и соответственно отыменный глагол *nūšīdan* 'вкусать', 'пить') и перс. *nūš*, пехл. *anōš* 'напиток бессмертия', 'эликсир жизни', 'противоядие' (из др.-ир. *an-auša-*, авест. *an-aoša-* 'бессмертный'; осет. *ænpūs* 'вечность', авест. *aoša-* 'гибель', 'смерть' и др.) разными по происхождению словами /Hübshmann, 1895, с.19/. Есть, все же, основания объединить эти разошедшиеся по значению

слова и считать их восходящими к одному источнику - пожеланию при питье вина - перс. *nūš-i jān!* 'пейте на здоровье!', *anūša* 'счастливый', 'благословенный', 'вечный', 'бессмертный', 'будьте здоровы!' (первоначально, конечно, 'будьте бессмертны!'). Перс. *nūš* может иметь значение также 'мед', 'нектар'. Сюда же относится и перс. *nūšdārū* 'нашатырь', 'бальзам', 'противоядие' букв. исторически 'бессмертное средство', перс. *nūš-giyāh* 'противоядие, получаемое из сока растений' (букв. 'бессмертная трава'). Объяснение перс. *našādīr*, *nūšādīr* 'нашатырь' как 'приятный огонь', очевидно, относится к народным этимологиям (Беруни, 1974, с.849-850/; малообоснованным кажется и объяснение этого слова из перс. *naft* 'нефть' /Laufer, 1919, с.506/. Наиболее вероятным источником происхождения названия нашатыря, добывавшегося в Средней Азии (Усрушане) и Иране (Кермане) можно считать именно перс. *nūš-dārū* букв. 'бессмертное зелье', 'зелье бессмертия'. Родственным может быть и перс. *nāštar* 'ель' (название ели, живущей до пятисот лет, букв. исторически 'бессмертное дерево'). В Хузистане и Фарсе перс. *nūš* означает - род туи (*Thuja orientalis*, франц. *arbre de vie*, нем. *Lebensbaum* 'дерево жизни') /Sabeti, 1966, с.377/.

Не исключено, что проникновение в общешугнанский персидского *nūš*, пехл. *anōš* 'бессмертный', 'еда бессмертия (мед, нектар и др.)' и адаптация этого слова как шугн.-руш. *noš*, *nūš* 'абрикос' отражает каким-то образом былое значение абрикосов (сохранившееся в Хунзе) в жизни припамирских народностей, возможно, занимавших до появления тутовника главенствующее положение, но впоследствии в большинстве долин вытесненных тутом (культурой, хотя и древней, но, по-видимому, все же пришлою) на второе место.

§ 89. В ваханском языке плоды абрикоса называются обыкновенно не словом *šwan* 'абрикос' (§ 87), которое чаще относится к дереву, а вах. *pendek* 'плод абрикоса'. Это слово применяется в особенности по отношению к плодам абрикоса, висющим на дереве, как недозрелым, так и вполне созревшим. Вах. *pendek* 'абрикос' относится к заимствованиям звукоизобразительного характера, оно принадлежит к словам "дефектного" типа (§ 17), непосредственным источником его могли быть индоарийские или таджикско-персидские диалекты. Слово известно во многих таджикских говорах и в памирских языках: дарв. *punduk*, кул., вандж. *pendek*, шугн. *pandak*⁶³,

⁶³ Зафиксировано название сорта пшеницы: шугн. *pandakī* (§ 13), по-видимому, связанное с этим словом.

хуф., руш. pundak, язг. pendak 'незрелый плод', 'завязь', 'почка', 'бутон', ср. также афг. punduk, pundak, парья punduk, тадж. findiq, funduq 'почка', 'бутон', орм. punduk 'гранат', лахнда pind 'финик' и многочисленные индоарийские слова неясного происхождения типа pinda-, punda- и т.п. в значении 'комок' /CDIAL, № 8168, 8377/ или punda-, pāndu- 'белый', 'желтоватый' /CDIAL, № 8051 и др./. Близкие идеофоны есть и в дравидийских языках: каннада pette, pente, телугу pedda и др. 'комок (земли)' /DED, № 3606/. Русское фундук 'орех' объясняется, однако, как заимствование греч. ποντικός (μάκρον), лат. (nux) pontica, букв. 'понтийский (орех)' через крымско-татарское funduk /Фасмер, т.4, с.210/.

Для плодов абрикоса, осыпавшихся с дерева, в ваханском языке зафиксировано специальное обозначение - bodriz(g)эк. Это слово употребительно и в таджикском говоре Вахана. Оно является адаптацией тадж. bodrezak (от тадж. bod 'ветер', гез- : гехт- 'сыпать', 'осыпаться'), букв. 'осыпавшийся от ветра', 'осыпанный ветром'. В матчинском говоре зафиксировано слово borezak 'плод, сбитый ветром' /Хромов, 1962, с.162/.

По всей видимости, аналогичные обозначения недозрелых и осыпавшихся от ветра плодов абрикоса существуют и в других памирских языках, но, к сожалению, они пока не зафиксированы.

§ 90. По свидетельству специалистов, абрикос в припамирских областях отличается многообразием сортов /Баранов - Райкова, 1928, с.90-91; Земл. ГБАО, 1964, с.169-170/. Ряд сортов абрикоса в виде косточек и черенков был занесен в верховья р. Пяндж из Ферганы (сорта safedak, mirsanjāli и др.), но некоторые сорта могли попасть сюда и из Афганистана /Земл. ГБАО, 1964, с.169/.

Ниже рассматриваются названия рушанских сортов абрикосов, записанные Х.Шёльдом (H.Sköld) и приводимые в работе о культурных растениях Дарваза /Баранов - Райкова, 1928, с.91/.

Руш. mashuray-nūš, вандж. mashuri 'сорт абрикосов', очевидно, к тадж. (из араб.) ma'shur 'возделанный', 'благоустроенный', 'цветущий', возможно, в смысле 'привитый', 'облагороженный'.

Руш. rašpalaw-nūš, букв., видимо, 'краснобокий абрикос' (руш. rašt f. 'красный', rālaw 'бок', 'сторона'), ср. шугн. rošt noš 'красный абрикос' /Зарубин, 1960, с.1916/.

Руш. safedak-nūš, шугн. safēdak 'сорт абрикосов с беловатой кожицей', вандж. safedak 'сорт абрикосов', дарв. zardole-sofedak /Баранов - Райкова, 1928, с.90/ - тадж., букв. 'беленький'. Точно так же называется и один из сортов пшеницы (§ 13).

Руш. *toyrak-nūš*, возможно, неточная запись вместо *torak* (тадж.) 'темный', 'черный', букв. 'темный абрикос'.

Руш. *yūgi-balx*, язг. *ṽulāi barx* - название сорта абрикоса - тадж. *yūga-yi Balx* букв. 'плод из Балха', 'балхский плод' (перс. *yūga*, тадж. *yūga*, афг. *ṽoga* 'незрелый плод винограда и др.'). Этот сорт необычайно сладких абрикосов происходит, очевидно, из Афганистана /Земл. ГБАО, 1964, с.169/.

Руш. *soḥ-nūš* букв. 'горький абрикос', ср. руш. *soḥ ḥoḣ*, шугн. *ci-ḥoḣ* 'горькие абрикосовые зернышки'.

Рушанское название сорта абрикосов *хогауш* неясно по происхождению.

§ 91. В 'Язгуляме, славившемся в прошлом лучшими сортами абрикосов, зафиксированы названия:

язг. *daragāy*, ср. вандж. *daragi* 'сорт абрикосов' - тадж. *daragi* 'горный', 'находящийся в горном ущелье';

язг. *lawkažak* - (другое название сорта язг. *ṽulāi barx*) означает примерно, по-видимому, 'кривогубый' (тадж. *lab* 'губа', *kažak* 'завиток', 'искривление'), дарв. *lab-kažak* /Баранов - Райкова, 1928, с.90/.

Следующие сорта абрикосов известны в Дарвазе и Вандже:

вандж. *matkarami* - от мужского имени *Matkaram*, *Muhammadkaram*, *Muhammadkarim* (?);

вандж. *quqani* - от названия Коканд;

вандж. *qərtək* - от вандж. *qərt* 'глоток' (?);

вандж. *saidi*, дарв. *ṽauuide* - тадж. *ṽayidī* 'саидский', 'принадлежащий сейиду';

вандж. *širinak* - букв. 'сладенький';

дарв. *maš-roq* - ?;

дарв. *maḥmūdē* - от мужского имени *Maḥmūd*;

дарв. *təgəžak* - букв. 'кисленький' (тадж. *turš*);

дарв. *režrazak* - букв. 'прежде поспевающий', тадж. *režrazak* 'скороспелка'.

В садах Западного Памира есть также сорта абрикосов, завезенные из Ферганы: *хигмаї* (тадж. *хигмої* 'цвета финика', 'желто-коричневый'), *miršanjalī* /Земл. ГБАО, 1964, с.169/, тадж. *zardolu-yi miršanjalī* 'сорт крупных продолговатых абрикосов'.

В Вандже сушеные абрикосы без косточек носят название *ṽuḣ*; оно сопоставляется с шугн. *božak* 'грецкие орехи в скорлупе' /Розенфельд, 1964а, с.86а/ (§ 104), язг. *ṽeḣ* 'абрикос с вынутой косточкой'. Там же готовится лакомство из сушеного тутта и ра-

стертых ядрышек абрикосовых косточек - вандж. *tuymat*. Слово это, по-видимому, основывается в известной степени на фоносимволике, что подтверждается его язгулямским вариантом: *taymat* 'размоло - тые косточки урюка, смешанные с толченой шелковицей'.

Яблоня

§ 92. Яблоня (*Malus*) имеет большее распространение в менее высокогорных памирских долинах, особенно знаменит своими яблоками Вандж. Во многих долинах встречаются заросли дикорастущих яблонь; изучение их ассортимента выявило, что долины Западного Памира следует признать одним из районов окультуривания яблони /Земл. ГБАО, 1964, с.152/ (считается, что кавказский, среднеазиатский и европейский помологические центры самостоятельны /Бахтеев, 1970, с.21; Жуковский, 1971, с.445/). Этот факт особенно примечателен в связи с тем, что в соседнем Афганистане яблоня была распространена мало /Вавилов - Букинич, 1929, с.459/.

Точно так же, как и тут (§ 77), яблоки высушивались на крышах домов, а затем из них делали муку. Сушеные яблоки мололи на водяных мельницах или растирали в каменных ступках. Эта мука или толокно из яблок служили приправой к различным молочным блюдам или просто употреблялись в пищу размоченными в воде /Баранов - Райкова, 1928, с.78; Земл. ГБАО, 1964, с.151/. В Вахане листья яблони иногда заваривали вместо чая, ср. тадж.*zebbo* 'чай из сушеных молодых яблоневого листьев', 'фруктовый чай'.

В язгулямском языке известно специальное слово для яблоневого толокна: язг. *minbaħt*, *mimbaħt* 'блюдо из толченых сушеных яблок, смолотых на мельнице'. В связи с отсутствием в язгулямском исконного обозначения толокна, восходящего к др.-ир. *pištā-* 'толченное' типа шугн., руш. *piħt*, сар. *raħt*, вах.*raest* 'толокно', 'мука' (§ 18, 38), язг. *minbaħt* может быть не позднейшим сложением, а непосредственно восходить к древнеиранской композите **amaṭnu-a-pištā-* /EVSh, с.44b/ 'яблоневое толокно'. К др.-ир. *pištā-* восходит и язг. *raħt* 'сломанный', 'раздавленный' /EVSh, с. 64b/ (язг. *maṭn* 'яблоко' - § 93).

Упомянутое в работе о земледелии в Советском Бадахшане шугн. "бирд-пихт" 'мука из сушеных яблок' /Земл. ГБАО, 1964, с. 151/, по-видимому, не имеет этого специфического значения, а записано в значении 'яблоневое толокно' случайно. Это шугн. *birēd-*

biṣt 'мука, смолотая из поджаренных зерен пшеницы или ржи и тутовых ягод', хуф. birij-biṣt 'толокно из двух частей жареных ячменных зерен и одной части туты' /ТДХ, 1958, с.238/. Во второй части этих слов обычное шугн.-руш. riṣt 'толокно' (§ 18) с закономерным озвончением во второй части композиты /Карамшоев, 1978, с.264, примеч.13/. Первая часть неясна; возможно, к шугн. -birēθ 'помесь (яка и коровы)' из др.-ир. *ura-raiθ-, авест. raēθwa- 'смешиваться', хот. ārīh- < *ā-raiθ- 'делить' и др. /EVSh, с. 20b; Emmerick, 1968, с.II/.

В Дарвазе яблоневого толокно называлось sew-pist /Баранов-Райкова, 1928, с.78/.

§ 93. Слова, обозначающие яблоко, яблоню, во всех памирских языках и в афганском фонетически закономерно восходят к др.-ир. *(a)marna- 'яблоко': вах. мыг (< *mār- < *manra-), ишк. mend, сангл. mēl, шугн. mīn, руш. māwn, хуф., барт., рош. mown, сар. mon, язг. mawn, мдж. āmenāga, йид. āmuno, афг. mana 'яблоко', 'яблоня' < *(a)marnā- /EVP, с.45; IIFL, vol.2, с.I90b; EVSh, с.44b/. Такая же древнеиранская основа реконструируется и для старовандж. maun 'яблоко', сохранившегося в названиях ванджских сортов яблок šilmun, sargmaun и др. (§ 95). Среди других иранских языков сходная основа представлена, быть может, лишь в пар. āmar, орм. mlīč 'яблоко', хотя детали их фонетического развития неясны /IIFL, vol.1, с.233b, 400ab/. Персидское и прочие названия яблока с начальным m-, приводимые Т.Н.Пахалиной /Пахалина, 1975а, с. 244б/, в доступных словарях не значатся.

Таким образом, слово для обозначения яблони во всех памирских языках исконное и восходит к древнеиранской языковой эпохе. Что же касается реконструируемого др.-ир. *(a)marna- 'яблоко', то оно принадлежит к кругу древних культурных слов, первоисточник которого остается неизвестным. С одной стороны, оно сближается с другими индоевропейскими словами для яблока (др.-греч. μήλον, лат. mālum), с другой - с финно-угорскими формами (финское omena, мордовское umar), с тюркскими названиями (тюрк. *alta, *ālima) и, наконец, с верш., бур. balt 'яблоко', 'яблоня'. Этой проблеме посвящена обширная литература /Berger, 1956, с.26-33; Friedrich, 1970, с.57-64; Дмитриева, 1979, с.I6I-I62/.

В одной из недавних работ на эту тему к основе типа *amlu- 'яблоко' возводится вах. amrud 'груша' /Иванов, 1978, с. I6I, примеч.35/, которое в действительности является бесспорным заимствованием из таджикского языка (§ 97). Не исключено, однако, что

перс., тадж. *amīd* 'груша' в конечном итоге как-то связано с упомянутыми выше названиями яблока и относится к той же группе древних "бродячих" культурных слов, что и древневосточноиранское *amaṭna*- 'яблоко', 'яблоня'.

§ 94. Сорта яблок в памирских языках зафиксировано гораздо меньше, чем сортов тута и абрикосов. Это объясняется более бедным в прошлом ассортиментом памирских яблонь и второстепенной ролью яблок в питании припамирских народов.

В работе о земледелии Советского Бадахшана приводятся в приблизительной передаче следующие названия (очевидно, шугнанские) местных сортов яблонь /Земл. ГБАО, 1964, с.150/:

tobistuni-shun - букв. 'летнее яблоко', вандж. *sev-i tovi-stūn* 'летние яблоки';

"пегмун" - значение неясно, возможно запись неточна;

"новах" - ?;

taḥrak - букв. 'кисленький' (шугн. *tuḥr*, *taḥr* f. 'кислый'), вандж., дарв. *sev-i turguḥ* 'сорт кислых яблок' /Баранов - Райкова, 1928, с.78/;

kilo-shun - букв. 'тыквенное яблоко' (ср. шугнанское название сорта тута *kəlo-dūb* в § 83).

В ваханском языке есть название сорта яблок - *məzafarī*, имеющее то же происхождение, что и аналогичное название сорта тутовника (§ 83).

Большое количество названий сортов яблок известно в Вандже, славившемся своими яблоками, некоторые из них относят к словам вымершего старованджского языка:

старовандж. *vəḥamaun* 'мелкое яблоко' (ср. ниже вандж. *surk-shaun*?);

старовандж. *targ shaun* 'сорт яблок';

старовандж. *targ xawij* 'сорт яблок';

старовандж. *ta xawinj* 'сорт яблок'.

Во второй части первых двух названий содержится старованджское отражение др.-ир. (а)магна- 'яблоко' (§ 93), сохранившееся, очевидно, и в нескольких названиях сортов яблок в ванджских говорах таджикского. Первые части и два последних названия не объяснены (ср., может быть, ниже вандж. *taxarvinj*?).

§ 95. Ниже приводятся ванджские названия сортов яблок, начиная с тех, которые содержат старованджское слово для яблока.

Вандж. *surkshaun* 'сорт яблок', видимо, идентично ванджскому же названию сорта *surkxer* и буквально исторически значит 'красное яблоко' (тадж., перс. *surx* 'красный').

Вандж. *sev-i šilmun, šulmun* 'сорт яблок' во второй части содержит старое ванджское слово для обозначения яблока; что в первой части - неясно. Этот сорт известен и в Язгуляме: язг. *šəlmən* - название сорта яблок. По описанию П.А.Баранова и И.А.Райковой, это яблоки "белой окраски, очень вкусные, сочные, сладкие с характерной сплюсненной формой плода" /Баранов - Райкова, 1928, с.78/.

Вандж. *dumšukdaroz* 'сорт яблок', букв. (тадж. диал.) 'длиннохвостый', 'с длинной плодоножкой' (вандж. *dumšuk* 'хвостик у плода', 'плодоножка').

Вандж. *kararseu* 'сорт яблок', возможно, калькирует упомянутое выше (§ 94) шугн. *kīlō-shin* и значит букв. 'тыквенное яблоко' (вандж. *karar* 'несъедобная тыква-горлянка', § 72).

Вандж. *ruxtaseu* 'сорт яблок' может означать букв. 'спелое яблоко' (тадж. *ruhta* 'зрелый', 'спелый', *sev*, диал. *sev* 'яблоко').

Вандж. *samarqandi* 'сорт яблок' - букв. 'самаркандское'. По рассказам, этот сорт яблок был завезен на Западный Памир в виде семян из Самарканда /Земл. ГБАО, 1964, с.151/.

Вандж. *seroga, serogaseu* 'сорт небольших яблок, засушиваемых впрок'.

Вандж. *šitikak* 'сорт яблок'.

Вандж. *taxarvinj* 'сорт яблок' - очевидно, по имени сел. Техарв (Техарv) в Среднем Вандже, букв. 'техарвские'. Возможно, два из старованджских названий сортов восходят к этому же слову /Розенфельд, 1964а, с.115б, 140а, 148/.

П.А.Баранов и И.А.Райкова зафиксировали на Вандже в сел.Рохарв также следующие сорта /Баранов - Райкова, 1928, с.78/:

вандж. *jangali*, букв. 'лесной'⁶⁴;

вандж. *gulomadi*, видимо, от мужского имени *Gulom-Muhammad* - этому сорту яблок на Западном Памире приписывается афганское или индийское происхождение /Земл. ГБАО, 1964, с.151/;

вандж. *sev-i raht* 'мелкие, кислые яблоки' (к тадж. перс. *laht* 'маленький'). Этот сорт яблок упоминается в бартангской колыбельной песне: *mun rusok sof sēvraḥ mon* - 'Мой сынок совсем как румяное яблоко...' /Зарубин, 1924б, с.84/; барт. *sēvraḥ* 'сорт румяных сочных яблок' /Зарубин, 1937, с.64а/.

⁶⁴ Подразумевается, возможно, дикорастущий сорт яблок.

В целом, все названия сортов яблок и в памирских языках, и в таджикских диалектах по построению - описательные и образованные, как кажется, сравнительно недавно. Вместе с тем, родовое название яблони в памирских языках, восходящее к древневосточном-иранскому ³(a)maḡna-, свидетельствует об исключительной древности этой культуры в Памиро-Гиндукушском регионе, одном из очагов окультуривания яблони.

Груша

§ 96. Груша (*Pyrus*) представлена на Западном Памире как в дикорастущем виде, так и несколькими культурными сортами. Согласно исследованиям ботаников, здесь можно наблюдать этапы постепенного перехода от примитивных диких форм груши к более культурным /Земл. ГБАО, 1964, с.155; Запрягаева, 1964, с. 389/ и, в связи с этим, относить припамирские области к одному из самостоятельных очагов окультуривания груши /Муковский, 1971, с. 452/.

Груша теплолюбивей, чем яблоня, и поднимается в горы не очень высоко. Грушевые деревья чаще встречаются в более низменных частях памирских долин, особенно на Вандже и в Рушане. Известна роща дикорастущей груши в долине Гунта на высоте около 2,5 тыс.м на горном склоне, обращенном в солнечную сторону и орошаемом водами родника. В этой же роще найден дикорастущий виноград, несколько ниже сохранились деревья грецкого ореха и дикой яблони /Земл. ГБАО, 1964, с.155/.

Верхним пределом распространения груши считается небольшая рощица у сел. Ямчун (около 2.700 м) в Вахане /Баранов - Райкова, 1928, с.78, примеч.2/. Происхождение этой грушевой рощицы связывается местным населением с известной легендой о битве Али, зятя пророка Мухаммеда, с царем живших здесь в прошлом кафиров-сияхпудей Кяхкаха /Андреев - Половцов, 1911, с. 4; Бобринской, 1908, с.16/. Согласно легенде, раньше здесь было много виноградников, и из винограда делали вино; в связи с этим, название сел. Ямчун (вах. *Yamčun*, *Imčun*)⁶⁵ объясняется, по народной эти-

⁶⁵ Хорошей иранской этимологии это название не имеет, так же, как и название соседнего сел. Ямг (вах. *Yamg*), отождествляемого с хот. *Yabḡagau* /Morgenstierne, 1942a, с.270/; ср., может

мологии, из тадж. *шау-џун* (тадж., перс. *шау* 'вино', *џун* *шау* букв. 'подобный вину'). Али превратил виноград в грушевые деревья. Груши из этой рощи, которой коснулась благодать Али, считаются целительными, а сама роща - священной. Почтительное отношение ваханцев к груше, не похоже на отношение хуфцев к туту, жителей равнинных областей - к яблокам, каратегинцев - к тыкве /ТДХ, 1958, с.393, примеч./; оттенки этих отношений различны и объясняются они, по всей видимости, разными причинами. Так, почитание ваханцами грушевой рощи у сел. Ямчун может быть сопоставлено с почитанием яблоневого сада в других индоевропейских традициях /Иванов, 1978, с.161, примеч.35/ лишь с оговорками. В этом почитании преобладают исмаилитские мотивы.

В фольклоре припамирских народностей встречается сюжет о белняке по имени Армытик (букв. 'грушка', 'грушечка' от тадж. *амгӯд* 'груша', § 97), обладавшем маленьким грушевым садом. Лиса, ворующая груши из сада, делает его царем, но Армытик платит ей неблагодарностью. Перевод сарыкольского варианта этой сказки /Пахалина, 1966, с.91-95/ опубликован Т.Н.Пахалиной в сборнике памирских сказок /Сказки Памира, 1976, с.471-480/.

§ 97. Наиболее общим, фактически родовым обозначением груши в памирских языках служит заимствование (в ряде языков очень давнее) из тадж., перс. *амгӯд* 'груша', хотя чаще грушевые деревья называют по отдельным сортам, как в Дарвазе /Баранов - Райкова, 1928, с.78/.

Названия сортов груши вах. *амгӯд*, *амгӯд*, ишк. *амгӯт*, шугн. *марӯд*, руш. *марӯд*, барт. *мурӯд*, рош. *мурӯд*, сар. *армӯт*, *армӯт*, язг. *марӯд*, мдж. *амгӯт* /Зарубин, 1927б, с.136/, иид. *ābrūō*, *ambroōz* (в сочет. с иид. *ḡoggo*, *kuogō*) являются разновременными адаптациями тадж. *мурӯд*, перс. *амгӯд* 'сорт груши', 'груша'. Иид. *ambroōz*, верш. *ambroz* усвоено через посредство кхов. *ambroz* (из перс. /IIFL, vol.2, с.190b/). Для иид. *ābrūō* (*ḡoggo*) 'род дикой

быть, еще названия селений *Yūmǰ* (в Баджу), *Yemc* (на Бартанге) и название долины *Yumgon* (Афганский Бадахшан, верховья р. Кокча), которое может восходить к др.-ир. *yamakāna* - букв. 'Иммовское', 'принадлежащее Йиме (Джамшиду)', мифическому царю древних иранцев. По мнению И.Гершевича, это название распространено в иранской топонимии, отражения его зафиксированы во многих ираноязычных областях /Gershevitch, 1974, с.67-68/.

груши' Г.Моргенштерне восстанавливает др.-ир. *hamrautā-* /IIFL, vol.2, с.188а/; но есть больше оснований предполагать давнее заимствование из перс. *amrūd* 'груша', пехл. *urmōd*, ср. афг. *amrūt*, *amrūd*, кирг. (из иран.) *almurut*, узб. *olmurut* /Doerfer, 1967, с.26, № 213/ и др. 'груша'. Есть предположение о том, что это слово армянского происхождения и этот сорт груши происходит из Закавказья /Вавилов - Букинич, 1929, с.460, примеч. I/. Это широко распространенное слово для груши следует, видимо, связать с древним обозначением яблони, также словом культурного круга (**mal-*, **amlu-* и др., § 93).

Такое же слово входит в состав названия сорта груш, относимого к старованджскому языку: старовандж. *γаршегруд* 'крупная груша', дарв., вандж. *γарамруд* 'сорт груши'. В первой части можно видеть восточноиранское по происхождению слово, родственное согд. *γrβ* 'много', шугн.-руш. *γāfc* 'толстый', вах. *γāfē* 'много', мдж., тадж. *γāfs* 'густой', 'толстый' и др.

В ванджских и дарвазских говорах зафиксированы еще два сложения с тадж. диал. *amrud* 'груша' в качестве названия сортов: вандж. *taramrud*, дарв. *ter-amrud* (букв. 'черная груша' /Земл. ГБАО, 1964, с.156/) и вандж., дарв. *safedamrud* (букв. 'белая груша') /Баранов - Райкова, 1928, с.79, 87/.

§ 98. Для дикорастущей груши в некоторых памирских языках и в таджикских говорах Припамирья есть особое название /Запругаева, 1964, с.386-389; Мухомовский, 1971, с.452/. Это шугн. *кауйн*, руш., хуф. *kiyon*, барт. *kiubīn* /Зарубин, 1937, с.526/, язг. *kaūān*, вандж., дарв. *kaun* /Баранов - Райкова, 1928, с.87/ 'сорт груш (*Rugus sajon*)'. Происхождение этого слова неизвестно; связь с тадж., перс. *kiyānī* 'царский', 'кийанидский' не очевидна (ср. афг. *kāūōn* 'тростник'? /Volk - Schapka, 1972, с.24, № 245/).

Повсеместно в садах Западного Памира возделывается сорт груши с крупными водянистыми плодами, известный и в других местах Средней Азии и Афганистана под названием тадж. *поšpūtī*, перс. *nāšrātī* 'сорт сладких крупных груш': вах. *поšp(ə)ti*, мдж. *nāšrotīy* /IIFL, vol.2, с.233b/, шугн. *pošroti*, сар. *našpūt*, *našrūt*, вандж. *pošrutī* 'сорт груши'; ср. паш. *našrātī*, афг. *nāšrātau* и др. 'груша'. В памирских языках это, безусловно, заимствование из таджикско-персидских диалектов. Само это название, по-видимому, является сложным словом, в первой части которого можно видеть тадж., перс. *пīš* 'сладкий' (§ 88), а во второй - основанное на фоносимволике обозначение для круглого плода типа

pot, put, tur (ср. индо-ар. слова типа puta-, poda- 'круглый', 'комок' и т.п. /CDIAL, № 8377, 8398 и сл./, тюрк. tor 'круглое' /Абаев, 1979, с.303-304/, вах. put 'мяч', 'шар', сар.сет 'круглый' и т.д.).

§ 99. К числу бесспорных заимствований (в языках Северного Припамирья из таджикско-персидских говоров, Южного — из индоарийских языков) относятся и другие известные названия сортов груши в памирских языках.

Шугн. nok /IIFL, vol.2, с.42^а/ заимствовано из перс., тадж. nok 'сорт сладких, крупных груш', афг. nāk, вандж. nok 'сорт груши'.

Засвидетельствованное в говоре ваханцев Хунзы вах. rēṣu 'груша' /Lorimer, 1958, vol.2, с.183/ неизвестно в правобережном Вахане. Это заимствование из бур. phēṣo, верш. phēsu 'груша' (слово известно также в шина /Berger, 1974, с. 170b/). Это слово сопоставлялось с европейскими названиями груши (лат. pīrum, др.-греч. ἄκτιον) /Berger, 1956, с.15-18/.

Инд. kyogō, ḍogōo 'груша' усвоено из дардских и кафирских языков. Слово восходит к ^жtongo /IIFL, vol.2, с.220b/, источником его могло быть кхов. tong 'груша', ср. в других индоарийских: кати, вайгали toñ, дамели tāngu, шина tāngū 'груша', панджаби taṅgī 'дикая груша' и др. к др.-инд. tañka- 'Feronia elephantum' /CDIAL, № 5429/. Инд. nērowi ḍogḡō 'сорт груши' означает букв. 'черная груша' и калькирует упоминавшееся выше (§ 97) вандж. taramrud 'черная груша' (к тадж. tor 'темный', 'черный').

Инд. tok, tok 'дикая груша' — сравнительно недавнее заимствование из индоарийских /IIFL, vol.2, с.257b/. Такого же происхождения и афг. tāngu 'дикая груша', tānga 'садовая груша'.

Грецкий орех

§ 100. Грецкий орех (*Juglans regia*) имел в прошлом большое значение в питании припамирских народов, хотя в изобилии он рос только на Вандже, служившем "для обитателей верхне-панджских долин, если можно так выразиться, ореховой житницей..." /ТДХ, 1958, с.395/. Собирали орехи только с дикорастущих деревьев; попытки разводить грецкий орех не приводили прежде к успеху, существовало даже поверье, что человек, посадивший орех, умрет /Розенфельд, 1953, с.394; ТДХ, 1958, с.395/.

Помимо употребления в пищу, из грецких орехов добывалось масло, плодовые оболочки применялись для окрашивания шерсти в черный цвет и варки мыла /ТДХ, 1958, с.375, 393; Розенфельд, 1953, с.395; Земл. ГБАО, 1964, с.118/. Имеются сведения о приготовлении из орехов толокна /Баранов - Райкова, 1928, с. 88/, похожего на тутовое.

М.С.Андреев обращает внимание на "удивительное богатство у припамирских народностей терминологии, касающейся грецкого ореха, свидетельствующее о том большом экономическом значении, которое имели грецкие орехи..." /ТДХ, 1958, с.112/. М.С.Андреев приводит памирскую лексику, связанную с орехом, в виде специальной таблицы /ТДХ, 1958, с. 113/. Из этой таблицы и взяты, по большей части, термины, рассмотренные в нижеследующих параграфах (§ 101-104).

§ 101. Слово для обозначения ореха в памирских языках разного происхождения.

В большинстве памирских, во всех языках шугнано-рушанской группы, в язгулямском и в мунджанском языках представлено слово,ближающееся к названию ореха в персидском и, по-видимому, восходящее к др.-ир. ^h(a)gauza- 'грецкий орех'; шугн. ^hūz, руш., хуф., барт., рош. ^hūz, сар. ^hewz, ^hawz, язг. ^hez, старовандж. ^haz, мдж. ^hūza, йид. ^hoūzo < ^hāgauzā- /IIFL, vol. 2, с. 189b; EVSh, с.38a/ 'грецкий орех'. Реконструируемое др.-ир. agauza- (или han-gauza-?) можно связать с основой ^hgauz- 'скрывать', 'прятать', авест. gaos-, др.-перс. gaud-, др.-инд. gūhati 'прячет'. О.Семереньи считает, что слово для ореха не может восходить к понятию 'покрышка', 'оболочка' (англ. 'covering'); к др.-ир. gauza- О.Семереньи возводит только перс. gōza 'головка мака' /Semerényi, 1980, с.62/. Нужно полагать, что оба эти слова (и орех, и головка мака), а также и тадж., перс. ^hūza 'коробочка (хлопчатника, мака)' связаны с корнем gauz- 'прятать' (перс., тадж. ^hūza 'хлопчатник-гуза' через восточноиранское посредство - согдийское?). К др.-ир. (a)gauza- восходят пехл. gōz, перс. goz, gawz, афг. ^huz, талыш. viz, курд. gūz 'грецкий орех'. Перс. ^hawz 'орех' - обратное заимствование арабизированного араб. ^hawz (также тур. seviz). По мнению В.И.Абаева, осет. (ирон.) ængūz, (диг.) ængozæ 'грецкий орех' примыкает к кавказским формам, наращение н- возникло "на кавказской почве" /Абаев, 1958, с. 160-161/, осетинское название ореха считается субстратным /Техов, 1979, с.100/, ср. арм. ængoуз, ækоуз, груз. nigozi 'грец-

кий орех'; источником последних могло бы быть и др.-ир. *han-gauza-*. Наличие старого восточноиранского слова для ореха с начальным префиксом *ham-* подтверждается реконструкциями древнекитайского заимствования из иранского ^h*a-šwieδ*, ^h*a-gwieδ* /Laufer, 1919, с.248/. Падение префикса *ham-* и его рефлексов наблюдается в иранских языках, например, в тадж. диал. *doxtan*, *andoxtan* (<^h*ham-tak-*) 'бросать', 'класть'. Др.-ир. *(h)a(n)-gauza-* 'греческий орех' было заимствовано также в тюркские языки и в древнееврейский /Laufer, 1919, с.256; Tomaschek, 1880, с. 790-791; Абаев, 1958, с.161/.

В памирских и других иранских это слово для греческого ореха во всяком случае восходит к древнеиранскому, как о том безусловно свидетельствует отражение анлаута *g-* в западноиранских языках, *γ-* в восточноиранских и вокализм, указывающий на древнеиранский дифтонг ^h*au*. Связь иранского названия ореха с др.-инд. *akṣoṭa-*, *ākṣoṭa-* 'орех' считается спорной и сомнительной, вероятнее предполагать неарийское происхождение индийских слов /Laufer, 1919, с.254; KEWA, Bd I, с.16; CDIAL, № 48/.

В бадахшано-таджикских говорах греческий орех обозначается обычным таджикским названием тадж. *ḡormaṡ* букв. 'четыре мозга' /Баранов - Райкова, 1928, с.88/, 'четыре ядрышка (плода)' (перс., тадж. *maṡ* 'мозг', 'зернышко', 'ядро', 'внутренность'); в севернотаджикских диалектах узбекизированное *ḡulmoq*, *ḡamoq*, *ḡimoq* и др. 'греческий орех' /Расторгуева, 1963, с.217/. В ванджских говорах старое иранское слово для ореха сохранилось в названии сорта орехов вандж. *ḡormaṡ-i ṡez* /Розенфельд, 1964а, с. 886/. Старовандж. *karagṡ* 'большое ореховое дерево' в первой части, видимо, содержит слово для обозначения тыквы-горлянки, вандж. *karag* (§ 72).

§ 102. Ишкашим и Вахан были очень бедны орехами⁶⁶, которые ввозились из других долин /ТДХ, 1958, с.395/, поэтому не удивительно, что в ваханском и ишкашимском языках название греческого ореха представлено не рефлексами др.-ир. *(a)gauza-* как в прочих памирских, а заимствованиями из других языков.

Вах. *tor* 'греческий орех' считается тибетским по происхождению, оно сопоставляется с тиб. *star-ka*, *star-ga* 'орех' (произ-

⁶⁶ Ореховые деревья в Вахане есть, но в верхних селениях они никогда не приносят плодов /Земл. ГБАО, 1964, с.39/.

носятся tar-ka) /Das, 1902, с.249; Tomaschek, 1880, с.791; Laufer, 1919, с.260-261/. Вполне возможно, что Вахан в прошлом получал орехи из Тибета, хотя в недавнее время орехи привозили главным образом из Рушана и Ванджа и выменивали их на чай, доставлявшийся из Читрала и Афганского Бадахшана /ТДХ, 1958, с. 395/. Известно, что китайцы в первые века нашей эры получали орехи от тибетских племен /Laufer, 1919, с.261/. С вах. tor, тиб. star-ka 'грецкий орех' сближается еще название ореха в вымершем дардском языке нингалами (среднее течение р. Пич в Нуристане) turū /Fussman, 1972, t.2, с.240/ и глангали turu⁶⁷ 'грецкий орех'. Может быть, к этой же группе названий ореха имеет смысл отнести бур. tili, верш. tele 'грецкий орех'⁶⁸.

В целом, есть все основания полагать, что вах. tor 'грецкий орех' не иранское по происхождению, а усвоено из тибетских диалектов или каких-либо иных языков к югу от Гиндукуша, ныне, возможно, исчезнувших.

Ишк. *ḡormaṡ*, сангл. *ḡarmāṡ* 'грецкий орех' заимствовано из тадж., перс. *ḡar-maṡ* 'id.' (§ IOI) и, вероятно, указывает на то, что в Ишкашим орехи возили из Афганского Бадахшана и соседней таджикоязычной области Горон или через эти области.

Таким образом, старое древнеиранское слово для обозначения грецкого ореха сохранилось во всех шугнано-рушанских, язгуламском и мунджанском языках, в ваханском языке название ореха относится к числу давних, а в ишкашимском — недавних заимствований.

§ IO3. Из числа прочих терминов, связанных с грецким орехом и приводимых М.С.Андреевым /ТДХ, 1958, с.113/, некоторые заслуживают специального рассмотрения.

Руш., хуф. *saḡāḡ*, шугн. *siḡāḡ*, барт., рош., язг. *saḡāḡ* 'верхняя кожица ореха', 'плод грецкого ореха с верхней мягкой кожурой' Г.Моргенстиерне сопоставляет с приводимыми в словаре А.Бадахши словами для обозначения косточки плода (мдж. *ḡaḡaluk* и др.) /Badakhshi, 1960, с.189; Morgenstierne, 1966, с. 185; EVSh, с.72b/, что кажется не очень подходящим по смыслу; с фо-

⁶⁷ Приводится как *tulū* 'грецкий орех' /Гринберг, 1971, с. 19, фраза 53/, что, по любезному указанию А.Л.Гринберга, должно быть исправлено на *turu*.

⁶⁸ Сопоставлено с ваханским словом И.И.Зарубиным /Зарубин, 1927а, с.339б/.

нетической точки зрения такое сопоставление тоже сомнительно. Более уместным кажется объединение шугнано-руманских названий кожицы грецкого ореха со словами, обозначающими в других иранских языках шелуху, отруби, стручки и т.п.: вах. *saŋk* 'отруби', 'шелуха', 'сор (в муке)', инк. (зебакское) *saŋaka* 'шелуха (корм для скота)', мдж. *saŋo* 'полова', руш. *saŋes*, хуф. *saŋaes* 'стручок', язг. *saŋd* 'жмых от семечек, орехов, зернышек, оставшийся после выжимания масла'; может быть, также тадж. *saŋus* 'отруби', *saŋusak* 'шелушащаяся кожа', в диалектах *saŋus*, *saŋust* 'отруби', перс. *saŋus* 'отруби', 'мякина' и др. Последнее слово заимствовано из таджикско-персидских говоров в памирские языки: шугн. *saŋust*, сар. *saŋast*, язг. *saŋest*, инд. *saŋast* 'отруби' (с вторичным -t-), ср. афг. *saŋus* 'отруби', 'рисовая шелуха'. Бад.-тадж. (помимо *saŋus*) также *saŋora* 'шелуха (семечек, бобов и т.п.)'.

Вандж. *saŋolŋuk* 'скорлупа (ореха, абрикосовых косточек)' от тадж. (диал.), перс. *saŋāl* 'глиняная посуда', 'черепок', 'ореховая скорлупа'.

Название плода грецкого ореха без кожуры, но в скорлупе (хуф. *ŋit-ŋuŋ* и др.), возможно, индоарийское по происхождению, было рассмотрено выше в связи с названием сорта тута — руш. *ŋitŋuk-aŋd* (§ 83).

§ 104. Название пустой скорлупы ореха и абрикосовой косточки — хуф. *ŋibug*, руш. *ŋibūg*, барт. *ŋibik*, по всей видимости, производное от глагола — хуф., руш. *ŋib-* 'бить', 'колотить', 'молотить', 'выколачивать'. Шугн. *ŋēŋ* 'скорлупа (абрикосовых косточек, грецкого ореха, миндаля)' этимологически неясно (оно омонимично шугн. *ŋēŋ* 'дерн', происхождение которого тоже неизвестно)⁶⁹.

Хуф., руш., рош. *rēŋz*, шугн. *rēŋz*, означавшее в записях М.С.Андреева 'половинка ядрышка' /ТДХ, 1958, с.113/, имеет значение 'ребро' (шугн. *rēŋzak* 'поперечина', 'перекладина'). А приводимое там же руш., хуф., рош. *nēzak*, барт. *nozak* 'перегородка внутри ореха' означает буквально 'носик' (шугн. *nēz* 'нос', *nēzak* 'обгорелый кончик у лучины' и др.).

⁶⁹ Приводимые М.С.Андреевым в этой же графе таблицы ('пустая скорлупа ореха или абрикоса') вах. *yaŋdēk*, инк. *wiŋdāk* /ТДХ, 1958, с.113/, видимо, попали сюда по ошибке, так как эти слова означают просто 'косточка' (вах. *yaŋd*, инк. *wiŋdāk* 'кость', авест. *ast-*, перс. *ustux'an* 'кость', 'косточка').

Название способа хранения ядрышек нанизыванием их на нитку (шугн. *pijēnǝ* и др.) было рассмотрено выше в связи со словами для ожерелий из ядрышек абрикосовых косточек (§ 86).

Не очень убедительным кажется сопоставление шугн. *boʃak* 'грецкие орехи в скорлупе' с названием известного в Бадахшане обрядового (преимущественно поминального) кушанья *boʃ*, *boʃ* /*EVSh*, с.19а/, которое имеет, по-видимому, индоарийское происхождение /Стеблин-Каменский, 1971, с.138-139/. Шугнанское слово справедливо сопоставляется с вандж. *buʃ* 'сушеные абрикосы без косточек' /Розенфельд, 1964а, с.86а/ (§ 91).

Названия сортов грецкого ореха зафиксированы только в ванджских говорах. Это упоминавшееся выше вандж. *ʃogmaʔz-i ʔez* (§ 101), *ʃuruk*, *ameli* и *ʔuznulu* /Розенфельд, 1964а, с. 132б/. Последнее слово содержит в начале, очевидно, старованджское обозначение грецкого ореха, восходящее к др.-ир.*gauza-* (§ 101).

В мунджанском языке есть слово неизвестного происхождения — *āwūʃa* 'орех', 'лещина'. Возможно, это какая-то особая разновидность ореха. Известно, что в соседнем с Мунджаном Кафиристане растет сосна *Pinus gerardiana* (афг. *ʃaluza*, *ʃaluza*), съедобные орешки которой составляют "...важнейший продукт в питании населения Кафиристана и Хоста..." /Вавилов — Букинич, 1929, с.450/. Там же в диком виде растет и медвежий орешник с мелкими плодами /Вавилов — Букинич, 1929, с.466/.

Лох

§ 105. Среди дикорастущих плодовых деревьев выделяется по своему значению лох или джида (*Elaeagnus orientalis*, *E. angustifolia*), известный на Кавказе как шпат. Лох растет в долинах Западного Памира повсеместно, его древесина известна своей прочностью и идет на изготовление пахотных орудий /ТДХ, 1958, с.38/, как и в других соседних областях, где из лоха строят также деревянные мосты /Андреев, 1927, с.22; Вавилов — Букинич, 1929, с.461/. Плоды лоха могут очень долго сохраняться без всякой предварительной обработки и в прошлом весьма ценились благодаря этому качеству. Эти плоды, подобно финикам в Аравии и Северной Африке, служили важным путевым припасом в караванных сообщениях Центральной Азии; из них делали муку, готовили пиво /Жуковский, 1971, с.525; Бахтеев, 1970, с.119/. М.С.Андреев при-

водит в работе о Панджшере загадку о плоде лоха: "Маленький красный мех, полный муки - что это?" /Андреев, 1927, с.87/.

Роща деревьев лоха, плоды которых употребляют в пищу, есть у самого почитаемого в Вахане и Ишкашме мазара, посвященного Али, около сел. Наматгут /Баранов - Райкова, 1928, с.102, примеч./.

Для обозначения лоха в памирских языках может употребляться обычное персидское название, заимствованное тадж., перс. *sinjīt* 'лох' (вах. *sənjīt* 'лох', 'джида', 'дикая маслина'), но в ряде языков представлена более старая адаптация, по-видимому, того же слова, преимущественно в качестве названия плодов лоха: вах. *sisk* (<²*sitsk* < ²*sindztk*? /Morgenstierne, 1960a, с.152/), шугн. *sīzd* 'дикая маслина', хуф. *siz* 'джида' /ТДХ, 1958, с.38/ < ²*si(n)zd*? /EVSh, с.77a/, язг. *sizd* 'джида', 'лох', йид. *səziyo*, мдх. *sifjā*, кхов. *sinjūr* (из иранского?) 'Elaeagnus' /Lorimer, 1958, с. 221; IIFL, vol.2, с.249b/, *šinjūr* /Morgenstierne, 1936, с.669; 1973a, с.253/. Калаша *sifān* 'лох', видимо, заимствовано из иранского /IIFL, vol.4, с.137a/.

По всей видимости, название лоха - перс. *sinjīt* - принадлежит к старым словам культурного круга, давно усвоенным памирскими языками.

В сарыкольском языке лох обозначается заимствованиями из уйгурского. Сар. *jiyda* 'джида (род дикого финика)' из уйг. *azi-gde* /Jarring, 1964, с.96/, ср. узб. *jiyda*, кирг. *jiyde* и др. 'джида', 'лох узколистый', 'плод джиды' /Шипова, 1976, с. 122/. К сар. *čilon* 'джида' ср. узб. *čilon jiyda* 'унаби' (сорт джиды, применявшийся в народной медицине) /УРС, 1959, с.153б/; узб. *čilon* 'уруть колосистая (*Mutiorhyllum spicatum*)', листья которой "имеют разноцелительное и очищающее гнойные язвы свойство" /Сахобиддинов, 1948, с.192, № 396/; перс. *čilān* 'унаби (*Zizyphus sativa*)', узб. *čilan-jida* '*Zizyphus jujuba*', 'унаби' /Сахобиддинов, 1948, с.128, № 250; Беруни, 1974, с.29/, известное средство среднеазиатской народной медицины.

Виноград

§ 106. Виноград (*Vitis vinifera*) возделывается в Припамирье в низовьях рек Ванч, Язгулам, Бартанг и в Рушане, в меньшей степени в Шугане, выше по течению р. Пандж не растет /Земл. ГБАО,

1964, с.164-165/. В нижних, более теплых частях долин Западного Памира в изобилии произрастает и дикорастущий виноград (*Vitis silvestris*), относительно происхождения которого в ботанической литературе ведутся споры. По мнению ряда исследователей, это заросли одичавшего культурного винограда, перешедшего в природу из существовавших здесь в древности виноградников. Напротив, другие ученые считают, что в горах Средней Азии виноград - это элемент природной флоры, здесь следует локализовать один из возможных центров происхождения культуры винограда /Земл. ГБАО, 1964, с. 164; Баранов - Райкова, 1928, с.100-101; Бахтеев, 1970, с. 205-206; Жуковский, 1971, с.535-537; Запругаева, 1964, с.543-544/.

Никаких следов виноделия у припамирских народов, исповедующих исмаилизм, насколько известно, нет. Однако к югу от главного хребта Гиндукуша в Кафиристане (Нуристане) виноградное вино играет важную роль в различных ритуалах, и виноделие широко известно, причем, согласно сообщениям специалистов, кафиры готовили вино не из культурного, а именно из дикого винограда /Jettmar, 1973, с.203/. По существующим легендам, виноделие проникло в Индию с севера, однако самый характер происхождения виноделия - исконный или заимствованный - в пригиндукушских областях не установлен /Laufer, 1919, с.220-221, 239; Jettmar, 1972, с. 32; Tucci, 1978, с.33-34; Fussman, 1972, t.2, с.299-300/.

Г.Моргенштиерне объясняет название города Исталиф (афг. *Is-tālif*) к северу от Кабула как адаптацию др.-греч. *σταφυλή* 'виноград', 'виноградная гроздь' с метатезой /Morgenstierne, 1970b, с. 350/. Местность эта действительно славится своим виноградом. Нет, однако, особых оснований считать виноделие у кафиров наследием периода эллинизма в соседних областях.

§ 107. Во всех памирских языках, кроме язгулямского, виноград обозначается заимствованным словом, но давность этого заимствования в разных языках различна. Если вах.*angur*, *angur*, сангл. *angūr*, ишк. *angur* 'виноград' - бесспорное заимствование из перс., тадж., *angur* 'id.' и, по-видимому, сравнительно недавнее, то шугн., руш., хуф. *angūrō*, мдж. *āglara*, йид. *āgidro* 'виноград', по заключению Г.Моргенштиерне, могут быть старыми адаптациями перс. (диал.) *angurda* 'виноград' (с метатезой через этап **angudra* в мунджанском) /IIFL, vol.2, с.81, 188b; EVSh, с.14b/.

Пехл., перс. *angūr* 'виноград' сопоставляется с др.-инд. *añ-kurā-* 'отросток', 'побег'; эламское *an-kur-rak-kaš* 'пресс для вина' считается заимствованием из древнеперсидского /КЕWA, Bd I,

с.19, 544/. Не исключена этимологическая связь перс. *angūr* 'виноград' с перс. *γūra*, тадж. *γūra*, афг. *γora* 'незрелый плод (винограда и др.)'. Г.В.Бэйли возводит иранские названия винограда (вместе с йид. *γōgo* 'гроздь винограда', хот. *gūra-* 'виноград') : др.-ир. *angaura-* /Bailey, 1979, с.87b/, что фонетически обоснованно (может быть, к др.-ир. *han-gaura-*?).

Сар. *üzüm*, нзым 'виноград' заимствовано из уйгурского *üzüm* /Jarring, 1964, с.329/. Это известное тюркское слово, широко представленное во многих тюркских и монгольских языках /Сезор-тян, 1974, с.625/ и давнее русск. *изюм* 'сушеные ягоды винограда' /Шипова, 1976, с.141/.

§ 108. Исключительный интерес представляет слово, обозначающее виноград, в язгулямском языке. Язг. *wiḡ* 'виноград', 'виноградная лоза' закономерно восходит к др.-ир. *vaiti-*, которое во всех других иранских языках означает 'ива', 'ивовая лоза': авест. *vaēti-*, хот. *bī*, пехл. *wēd*, тадж., перс. *bid*, шугн. *wēd*, мдх. *wéyo*, йид. *wīya*, афг. *wēla*, *wūla*, талыш. *vi*, пар. *yi*, агн. *wet*, *ved* и др. 'ива' /IIFL, vol.2, с.264b; EVP, с.86; EVSh, с. 87b; Соколова, 1967, с.20; Bailey, 1979, с.279/, к корню *vay-* 'вить', ср. русск. *ветвь*, *ветла*, др.-инд. *veta-* 'тростник', *vetra-* 'трость', польское *wita* 'ива', лат. *vitis* 'плетеный', *vitis* 'виноградный куст', *vīnen* 'ивовая лоза' и др. /КЕWA, Bd 3, с. 254; IEW, с.1120-1122/. Таким образом, в иранских языках, как заметил П.Тедеско, наблюдается то же расхождение в значении слова, первоначально обозначавшего просто ветку, что и в славянских, в которых русск. *лоза* означает на севере 'ива', на юге — 'виноград' /Tedesco, 1943, с.149-150/.

Спецификация значения др.-ир. *vaiti-* как 'виноград' должна быть отнесена еще к древнеиранской эпохе. Очевидно, так было и в вымершем старованджском языке, как о том свидетельствует ванджский топоним *Wiskroy* (селение в Нижнем Вандже), исторически означающий букв. 'виноградник', 'виноградный луг, сад' /Розенфельд, 1956б, с.280; 1964а, с.144/. Низовья Язгуляма и Ванджа известны своими зарослями дикого винограда и напоминающего виноград кустарника *Ampelopsis vitifolia* (виноградовника), название которого язг. *Kabar* было рассмотрено выше (§ 72). Значение 'виноградная лоза' восстанавливается и для реконструируемого В.А.Лившицем согд. **wāt-*, отразившемся в перс. (заимств. из вост.-ир.) *vādīj* 'деревянные подпорки (для виноградных лоз)', 'виноградная лоза', тадж. диал. *voyič* /Лившиц, 1957, с.37-39/.

Что же касается ивы, то она называется в язгулямском языке словом, восходящим к др.-ир. *vanā-* 'дерево' и хорошо представленным в других памирских и иранских языках: авест. *vanā-*, хот. *banhya-*, пехл. *wan* 'дерево', шугн., хуф. *wān*, руш., барт., рош. *wanoʃ*, сар. *wanuʃ*, язг. *waneg* 'ива', 'тал'⁷⁰, афг. *wāna* 'дерево', пар. *yan* 'дуб', бел. *gwan* 'фисташка', перс., тадж. *bin* 'корень', 'ствол', перс. *banā* 'фисташка' и др. /EVP, с. 87; EVSh, с. 90a/. Есть предположение о том, что к этой же основе восходят такие топонимы как *Вандх*, названия селений типа *Вандх*. *Vanvan*, шугн. *Wānqalā* /Tomaschek, 1880, с. 792; Розенфельд, 1964a, с. 145/. Выведение названия *Vanʃ* из др.-ир. *vanā-* 'дерево', 'ива' не подтверждается этимологией язгулямского названия долины - язг. *Wanz* 'Вандх', язг. *wūzīg* 'ванджец', восходящего к др.-ир. **varzā-* '?' /EVSh, с. 93b/.

Название сорта винограда дарв. *ḡoḡ-i gou* означает букв. 'сосок вымени коровы', ср. язг. *ḡoḡ* 'сосок (вымени)', бад.-тадж. *ḡoḡigov* 'вымя'.

Проведенный анализ показывает, что там, где в пределах Памиро-Гиндукушского региона в изобилии растет виноград (*Вандх*, *Язгулям*), название его восходит к древнеиранскому; в языках, бытующих в других долинах, слово для винограда представлено заимствованиями.

ДРУГИЕ СЪЕДОБНЫЕ РАСТЕНИЯ

§ 109. Помимо культурных растений, большую роль в жизни припамирских народов играли различные дикорастущие плодовые кустарники, дикие растения и травы. Раньше, как и в других горных странах, где не хватало пахотных земель /ТДХ, 1958, с. 240; Мухитдинов, 1963, с. 419; ТҚД, 1970, с. 242/, они составляли основное пропитание беднейшей части населения весной, когда запасы муки подходили к концу. В настоящее время дикие растения упо-

⁷⁰ Также вах. -ник во второй части сложения в названиях разновидностей ив (*ḡart-nyk* 'желтая ива', *ḡyn-nyk* 'черная ива') из др.-ир. (*va*)*nāka-* с отпадением открытого предударного слога. Зафиксированное Д. Лоримером вах. *wonok* 'ива' /Lorimer, 1958, vol. 2, с. 278; IIFL, vol. 2, с. 549a/ в правобережном Вахане неизвестно.

требляются преимущественно в качестве приправ к пище и в народной медицине. В Вахане весной готовят кушанье из мелко нарезанной молодой травы с мукой и маслом - вах. *ʔazg*. Для приготовления этого кушанья крошат листья щавеля, одуванчика, лебеды, крестовника и других съедобных трав /Стеблин-Каменский, 1975, с. 200; ЯВГ, 1976, с. 187/. В таджикском говоре Вахана это кушанье называется *ḡax*, ср. кхов. *ḡax* 'зеленые овощи', дамели *ḡā*, вайгали *ḡā*, др.-инд. *śāka-* 'овощи' /CDIAL, № 12370/, калаша (из кхов.) *ḡak* 'овощ' (§ 32) /IIFL, vol. 4, с. 140b/.

В отличие от культурных, названия диких растений в памирских языках зафиксированы пока плохо. В этой связи подробное рассмотрение названий диких съедобных растений в памирских языках вряд ли возможно. Вместе с тем, ряд известных названий этих растений представляет определенный интерес, и поэтому уместным кажется привлечение в этой работе некоторых наиболее распространенных и достоверных названий, тем более, что они часто родственны обозначениям культурных растений в других ираноязычных областях.

Названия некоторых съедобных растений, в частности дикого лука, чеснока, сурепки, каперсов, тыквы-горлянки были рассмотрены выше (§ 49, 62, 72). Ниже с краткими комментариями приводятся названия самых употребительных в Припамирье диких плодовых кустарников и съедобных трав.

§ 110. Ревень (*Rheum*) в Припамирье "как и в других местах Средней Азии, ... считается очень полезным и даже лекарственным растением..." /ТДХ, 1958, с. 241/. В сыром виде он употребляется в пищу весной, из сушеных стеблей мелют муку, которую добавляют в молоко. Считается, что ревень очищает организм от вредных веществ, накопившихся за зиму /ТҚД, 1970, с. 268/.

В памирских языках ревень называется по-разному.

Вах. *ḡrod*, *ḡroḡ/a* 'ревень' может быть заимствованием старой формы кхов. *iḡrāg* 'ревень', восходящей к др.-инд. *śvāta-*⁷¹, сопоставляемого с ведическим эпитетом сомы др.-инд. *śvātrā-* 'да-

⁷¹ Аналогичная трактовка исходного **-ta-* наблюдается и в старом заимствовании вах. *ḡart* 'волк' из кхов. *ḡarig* 'волк' < **śarpita-* 'проклятый' /Morgenstierne, 1926, с. 79; 1973a, с. 270/; башкарик *ḡarig* 'волк' из кховар /CDIAL, № 1229/; сар. *iḡer* 'волк', видимо, в свою очередь, усвоено из **-ta-* ханского /EVSh, с. 104a/.

ище сиду' /Morgenstierne, 1973a, с.274-276/, сюда же кати cawā, прасун исáвэг (<^{*}śātvaga-?) 'ревень' /CDIAL, N 12762/. Сомнительным, однако, кажется предположение А.Стейна о том, что соматума первоначально изготовлялась из ревеня/Morgenstierne, 1973a, с.276/ (см. § 68).

Широко распространенное в восточноиранских языках и таджикских диалектах название ревеня *ḡukrī* (дари, тадж., орм., паш., язг., мдж., инд., кхов., узб. и др.), по-видимому, также индоарийского происхождения, к др.-инд. *sukrá-* 'кислый на вкус', 'щавель', 'ревень' /Morgenstierne, 1973a, с.273; CDIAL, N 4850/.

Неясно происхождение руш., хуф., язг. *wadār*, шугн. *šitorθk*, мдж. *šīiko*, инд. *šīyiko* 'ревень'.

§ III. Другое слово для ревеня, зафиксированное рядом исследователей в памирских языках, обозначает в действительности, по-видимому, одну из съедобных ферул: *вах. gov, гув* 'ассафетида' /Пахалина, 1975a, с.248б/, шугн. *gov* 'Ferula assafoetida', хуф. *gūv, gūw* 'Ferula kokanica' /ТДХ, 1958, с.III, 240/, язг. *rev* — название съедобного травянистого растения с толстым стеблем (также язг. *ravjaḡ* 'ревень', язг. *revjaḡ* — название растения, похожего на *rev*, но маленького), ишк. *gov*, сангл. *gūv* 'ревень', мдж. *rīf*, инд. *rīv* 'растение, напоминающее ревень' (<^{*}*gāba-* /IIFL, vol.2, с.244b/). По всей видимости, в большинстве памирских (*вах.*, *ишк.*, *шугн.*) это заимствование из тадж.*gov* 'растение, похожее на ревень', дарв. *gov, gova* 'Ferula grigorievii' /Шухитдинов, 1963, с.420; ТҚД, 1970, с.242/, ягн. *gōwa* 'Ferula sp.' /VSh, с.69b/, бад.-тадж. *revzuk, revzak* 'вид травы, появляющейся ранней весной', 'Ferula jaeschkeana' /Земл. ГБАО, 1964, с.I31/.

Г.Моргенстиерне объединяет эти слова с названиями щавеля и ревеня перс. *rāvand, rīvāḡ, rīvās, rībās*, афг., бел. *rawāš* и др. и считает вероятным их происхождение от др.-ир. основы ^{*}*gāb-* 'сосать' /Morgenstierne, 1973a, с.273/ (шугн.-руш. *rāv-* : *rīvd-*, афг. *rawdæl* 'сосать' и др. /EVP, с.65; EVSh, с.69b/); ср. также ягн. *gē(n)na* 'ревень'. В целом, названия ревеня принадлежат к числу слов культурного круга и легко заимствуются, как и русск. ревень из перс. *rāvand, rīvand* 'Rheum', очевидно, через турк. /Laufer, 1919, с.547-548; Фасмер, т.3, с.454/.

§ II2. Помимо ревеня и молодых побегов ферулы, третьим самым известным весенним лакомством Припамирья является гречишка бухарская (*Polygonum bucharicum*) — торон.

Вах. *toron*, мдж. *toróna* 'гречишка бухарская' (*Polygonum bucharicum*)' заимствовано из таджикского. Тадж. *toron*, дарв. *torun* '*Polygonum bucharicum*', '*P. hissaricum*' /Мухитдинов, 1963, с. 421/ считается заимствованием из монг., турк. *tarān* 'просо' /Doerfer, Bd I, с. 244, Bd 2, с. 480; Дмитриева, 1979, с. 163; Севортян, 1980, с. 158/, ср. афг. *tārān*, кирг. *taran* 'таран (дубильный корень)'; пар. *tarānī*, перс. *taran* 'dog-rose' сопоставляется Г.Моргенстиерне с скр. *tṛṇa*- 'трава' /IIFL, vol. I, с. 295a/. Гречишка упоминается в таджикских рубои (Вайдж): *sar to sar-i ruštaho gul-i torun au...* 'От края до края холмы покрылись цветами торуна...' /Розенфельд, 1974, с. 256/.

Язг. *vesn* 'гречиха бухарская' Г.Моргенстиерне сопоставляет с язг. *wis*, вандж. *gis* 'дикий овес', 'овсец' (*Avena*) /EVSh, с. 93ab/, ср. вандж. *dis*, язг. *dis* 'дикий овес', 'овсюг' (§ 22).

Для шугн., хуф. *mīst*, руш. *mēst* 'гречиха бухарская', 'торон' /ТДХ, 1958, с. III, № 28/ по чисто фонетическим соображениям восстанавливается др.-ир. **masti*- '?' /EVSh, с. 45b/, однако наличие варианта шугн. *mīsk* /Карамшоев, 1963, с. 283/ указывает, скорее всего, на заимствование.

В недавнее время была начата опытная заготовка торона на силос /Земл. ГБАО, 1964, с. 136-137/.

§ II3. Из названий прочих травянистых съедобных растений памирские слова для каперсов (*Capparis spinosa*) упоминались выше (§ 72). Очень употребительны у памирских народностей еще мята и щавель, молодые листья которых добавляются в еду как приправа /ТДХ, 1958, с. 109, № 8, с. II2, № 51; Мухитдинов, 1963, с. 422; ТҚД, 1970, с. 242/.

Памирские названия мяты (*Mentha asiatica*, *M. arvensis*, *M. silvestris*), как и большинство названий популярных растений, очевидно, принадлежат к словам культурного круга, возведение их к производным от др.-ир. **vad*- /Morgenstierne, 1960a, с. 152/ или **baud*- /EVP, с. 86/ весьма сомнительно, хотя связь с другими иранскими словами для мяты несомненна (в памирских, возможно, старое общее заимствование): шугн., барт. *wiḁn*, хуф. *wiḁm*, руш. *wiḁm*, *wiḁn*, язг. *waḁm*, вах. *wadn*, *waḁn*, мдж. *wālen* 'мята'; ср. также афг. *welāna*, тадж., перс. *pūdina* (ишк. *rudina* из тадж.), пар. *būyīn*, паш. *waīn*, кашм. *vēna*, сивенди *pīdīn*, курд. *pun*, аф-тари *rutunik* /Morgenstierne, 1960b, с. II5/, шина *pīlīl*, бур. *fīfāl*, калаша *boīn*, кати *wāḁe*, кхов. *ben* 'мята' /IIFL, vol. 4, с. 84a/. По мнению Г.Моргенстиерне, перечисленные дардские слова и

слова языка бурушаски — заимствования из иранских языков, так же, как и араб. *fūyanaʃ*, *fūtanaʃ* /Беруни, 1974, с.691/, уйг. *pin-nä* (из перс. /Jarring, 1964, с.230/) и, возможно, русск. подынь /EVSh, с.88b; Laufer, 1919, с.198/. В.И.Абаев выводит осет. *bit'na* (ирон.), *bet'ina* (диг.) 'мята' из груз. *p'it'na*, которое сближает, в свою очередь, со средиземноморскими и европейскими названиями для мяты (лат. *mentha*, русск. мята) /Абаев, 1958, с.263/; возможно также сближение с перс. *piyās* 'лук' /Hubschmann, 1895, с.44/ (§ 61).

§ II4. Шавель (*Rumex* sp., *Rumex ramificus*) в памирских языках называется обычным словом, распространенным и в других иранских: шугн., руш., хуф., барт. *šalxā*, язг. *šilxa* /ТДХ, 1958, с.112, № 51/, *šəl(ə)xa*, вах. *šəlxa*, мдж. *šalxa* 'шавель'; ср. афг. *šalxau*, тадж. *šilxa*, дарв. *šulxa* /Мухитдинов, 1963, с.422/, матч. *šūlxa*, *šulux* '*Rumex* sp.'.

Язг. *xafīg* 'конский шавель' по происхождению связано со словами для трута, употреблявшегося при добывании огня: тадж., перс. *qaw*, *xaf* 'трут' из турк. *qav* /ДТС, 1969, с.4366/, кирг. *kū* /Doerffer, Bd 3, с.532, № 1542; Егоров, 1964, с.39/; ср. в других восточноиранских языках: ягн. *xaf*, шугн., рош. *xāf*, язг. *xaf* 'трут' — сухая трава и кора, употреблявшиеся для зажигания в фитильных ружьях, афг. *xi* 'трут' (*хва*, *хра*, лахнда *khaui* из перс. /EVR, с.98/), бур. *хлр*, *khлр*, шина, верш. *хар* 'трут' и др.

§ II5. Среди дикорастущих плодовых кустарников нужно упомянуть шугн. *vīn* 'вишня (*Cerasus verrucosa*)' /ТДХ, 1958, с.54; Земл. ГБАО, 1964, с.165/, очевидно, родственное язг. *vaṇ* 'ди-кая вишня', тадж. диал. *boṇiḡ*, (зеравшанское) *vaṇiḡ* 'вишня бородавчатая (*Cerasus verrucosa*)' /Запругаева, 1964, с.490/. По-таджикски этот кустарник называется *уахман*(ак), *уахмон* /ТРС, с.472а; ТДХ, 1958, с.54; Запругаева, 1964, с.490/, ср. бад.-тадж., ишк. *ахман* 'горная вишня'.

В долинах Западного Памира и Восточного Гиндукуша произрастает несколько разновидностей дикой смородины.

Шугн. *šicīc* 'смородина' относится, по-видимому, не только к *Ribes janczewakii* /Земл. ГБАО, 1964, с.166/, но и к *Ribes nigrum* /Баранов — Райкова, 1928, с.102, примеч./. Шугн. *širīxm* — это, видимо, и '*Ribes villosum*', и '*Ribes meyeri*', гор. *šidirm* '*Ribes* sp.' /Запругаева, 1964, с.297, 307, 674/. По-вахански та-кая смородина (дикая желтая или волосистая, пушистая) называется *šlāxm*. Это слово может быть индоарийским по происхождению:

кхов. *šilašum* 'кустарник с мелкими ягодами' /IIFL, vol. 2, с. 256b/. В таджикском говоре Вахана эта разновидность смородины называется *táwdak, tavdek*, - словом, которое сопоставимо с мдж. *tovdaga*, инд. *távdoyo* 'Ribes sp.', ишк. *tovdūk* 'горное растение'.

Для обозначения черной смородины в памирских языках употребляются известные заимствования из тюркских, таджикских диалектов: сар. *qaraqot*, язг., шугн. *qaraqot*, вах. *qaraqot* 'черная смородина'; ср. дарв., матч. *qaraqot*, кирг. *karagat* и др.; есть, однако, и оригинальные слова, происхождение которых неясно: хуф. *ŷenūd* /ТДХ, 1958, с. IIО, № I2/, бадж. *ŷinīd* 'черная смородина' (<**janata*? /EVSh, с. 38b/); мдж. *ašosta*, инд. *ašásto* 'черная смородина'.

Общим в памирских языках и бадахшано-таджикских говорах является название бад.-тадж., вах., ишк. *yortī* 'Ribes janczewskii', которое сопоставляется с хуф., бадж. *yord* - название кустарника /EVSh, с. 95a, IО6a/.

Вах. (верхн.) *xərsəs(t)* 'смородина' можно сравнить с инд. *xerīṣṣē*, мдж. *xriṣkyū* - название кустарника (мдж. *xerīsta* 'тамариск' /IIFL, vol. 2, с. 268b/).

Повсеместно в Припамирье есть обширные заросли облепихи (*Hipporhae rhamnoides*), плоды ее в пищу не употреблялись /ТДХ, 1958, с. II2/; облепиха использовалась как топливо, названия ее совпадают с обычными словами для колючих кустов.

Ранней весной в некоторых местах появляются грибы, которые пекли в горячей золе /ТДХ, 1958, с. 24I/: хуф. *šijirc*, шугн. *šijorč*, руш. *šijerc*, язг. *Kəgerj* - по-видимому, старое заимствование из тадж. *šigor* 'гриб' /EVSh, с. 26a/, дарв. *šayora*, *qorč* 'крупные белые пластинчатые грибы, напоминающие грузди' /ТДХ, 1970, с. 242/.

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ РАСТЕНИЙ

§ II6. В заключение этого обзора названий растений в памирских языках уместным кажется приведение некоторых наиболее распространенных названий болезней растений и главных сорняков.

Болезни растений чрезвычайно разнообразны и сопутствуют многим культурным растениям /Вавилов, 1964/. Крестьяне в прошлом плохо разбирались в болезнях растений, часто несколько сходных болезней носят одно название, а сами названия, по большей части,

описательные. Для памирских языков названия болезней растений относительно полно зафиксированы только И.Мухиддиновым в Ишкашме и Вахане /Мухиддинов, 1975а, с.77-78/.

Самой известной из болезней злаков была бурая ржавчина (*Russinia triticina*). По-вахански эта болезнь называлась *səkr-gard*, по-ишкашимски — *sərx-gard* /Мухиддинов, 1975а, с.78/, букв. 'красная пыль' (вах. *səkr*, ишк. *sərx* 'красный' и тадж. диал. *gard* 'болезнь растений', 'пыль', 'пыльца', входящее и в состав названий других разновидностей ржавчины). Шугн. *suxā* 'болезнь пшеницы', вопреки мнению Р.Х.Додыхудоева /Додыхудоев, 1962, с. '22/, явное заимствование из таджикского /EVSh, с.75b/.

Вах. *ruhn-gard*, ишк. *safed-gard* 'стеблевая ржавчина', 'белая ржавчина', 'мучнистая роса (*Erysiphe graminis*)', букв. 'белая пыль' (вах. *ruhn*, ишк., тадж. *safed* 'белый' и *gard* 'пыль', 'болезнь растений').

В Вахане и Ишкашме зафиксировано также название желтой ржавчины (*Russinia glumarum*), бад.-тадж. *gard-i zard*, букв. 'желтая пыль' /Мухиддинов, 1975а, с.78/. В Дарвазе эта болезнь пшеницы именуется *zardak* 'ржавчина' /Баранов - Райкова, 1928, с. 39/. По наблюдениям П.И.Вавилова, ржавчина в высокогорных районах Афганистана иногда принимала характер эпидемии /Вавилов - Букиннич, 1929, с.280/.

§ II7. Записанное И.Мухиддиновым в Вахане и Ишкашме название *šakarək* означает, судя по признакам болезни, 'мокрая головня (*Tilletia tritici*)', букв. 'сахарок', 'сахаристая' /Мухиддинов, 1975а, с.78/, от перс., тадж. *šakar* 'сахар', 'сахарный песок'; ср. ягн. (из тадж.) *šakarək* 'белый налет на коре дерева' /Хромов, 1972, с.180/, узб. *šakarək* 'тля'.

Вах. *šnw-šaw* букв. 'черное зерно', по-видимому, является названием твердой головни (*Tilletia caries*) — болезни, при которой чернеют колосья. В язгулямском и шугнанском языках название этой болезни заимствовано из таджикского: шугн. *siyāk* 'головня', язг. *siyāk*, *siya(h)ak* 'черные, горькие зернышки сорняка в зерне овса и пшеницы' — из дарв. *siyāk* 'головня' /Баранов - Райкова, 1928, с.39/, тадж. *siyahak*, перс. *siyāhak* 'головня', 'ржавчина (на листьях и стеблях зерновых культур)', перс. *suṯāk* 'ржавчина на злаках', кул. *siyahak* 'головня' /Неменова, 1956, с.162/, афг. (из перс.) *siyāhāk* 'пыльная головня'.

Кхов. *šayiri*, бур. *matel*, верш. *matel*, *mathel* 'болезнь злаков, при которой чернеют колосья' /Lorimer, 1958, vol.2, с.225/;

Müller-Stellrecht, 1979, с.33/ также содержат в своем составе слово "черный": кхов. *ṣa*, верш. *matum* 'черный'.

Шугн. *yiṣarak* 'головня' по происхождению связано со словами для нароста, зоба, шишки или колоса: шугн. *yiṣar* 'колос созревшего проса', *yiṣir* 'зоб', вах. *ṣayar* 'зоб', 'нарост на дереве', тадж. *joyar*, перс. *š/jāyar* 'зоб', 'зоб у птицы', 'нарост на дереве', мдх. *ṣayūrg*, ягн. *juyarí*, верш. *ṣayár* 'зоб' /Зарубин, 1927а, с.341б/ и др. /EVSh, с.35б/.

Мдх. *ṣōndəmləna* 'головня' содержит в первой части мдх. *ṣōndəm* 'пшеница' (§ II); во второй части, очевидно, отражение др.-ир. *dāna* 'зерно' (мдх. *lonáya*, вах. *ḍyng*, шугн. *ḍūnṣ* и др. 'зерно', § I2), но в значении, аналогичном афг. *luna* 'чирей', 'нарыв' /EVP, с.37/, дари, перс. *dāna* 'сыпь', 'прыщ' (к семантике ср. перс. *ganduma* 'бородавка', русск. ячмень 'гнойное воспаление у глаза' и т.п.).

§ II8. Наиболее распространенными сорняками полей Припамирья считались повилика и вьюнок /Мухиддинов, 1975а, с.78/.

Ваханское слово для повилики - вах. *wərmí*, *warmí* '*Cuscuta stenocalycina*', возможно, происходит от заимствованного из тадж., перс. (из араб.) *varam* 'опухоль', 'воспаление'.

Язг. *warṣong* '*Cuscuta australis*', '*C. lehmanniana*' может быть заимствованием (в связи с *rd > язг.ḍ /EVSh, с. II7/), связанным с каким-либо дериватом от др.-ир. *vart-* 'вертеться' типа шугн.-руш. *warḍān* 'вал', 'навой', усвоенным из тадж.-перс. /EVSh, с.91а; Morgenstierne, 1970с, с.338/ (§ 5). Тадж., узб. (из тадж.) *reṣak* 'повилика', букв. 'вьюнок', перс. *riṣak* 'вьюнок (*Convolvulus*)' (тадж. *reṣidan* 'витья').

С глагольной основой, имеющей значение 'вертеть(ся)', 'вить(ся)', связаны по своему построению и памирские слова для вьюнка.

Вах. *nəwiṣk* 'вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis*)', возможно, к др.-ир. *ni-vay- 'витья' (также осет. *nyvzæg*, *lyvzæg* 'вьюнок?').

Хуф. *parweṣm*, шугн. *parwarṣ* 'вьюнок' /ТДХ, 1958, с. III, № 32/ связано с шугн. *parwarə-* : *parwiṣt-*, *parwēṣ-* 'соскальзывать в воду' (**pari-vart-*? /EVSh, с.60б/). По-видимому, аналогичного происхождения должны быть язг. *verwaṣk* и руш. *nəwaṣt-woṣ* /ТДХ, 1958, с. III/ 'вьюнок (*Convolvulus arvensis*)'.

Злостным сорняком пшеницы и ячменя на Западном Памире считался пашенник (*Lepurodiclis holostecoides*), который выпаливали;

в Ягнобе из этого сорняка пекли малосъедобный хлеб (§ 39, примеч.25). Название этого сорняка (руш., хуф., барт. *mižag*, язг. *mižak* /ТДХ, 1958, с.III, № 29/) родственно распространенному слову для обозначения гороха (§ 31). Названия другого известного сорняка - овсяга были рассмотрены выше (§ 22).

Гусеницы и саранча, приносящие большой вред плодовым деревьям и посевам, в памирских языках назывались обычно словами, заимствованными из таджикско-персидских диалектов:

вах. *mur*, язг. *mūr*, сангл. *mūr*⁷² 'гусеница', 'саранча', 'тысяченок' из тадж., перс., афг. *mūr* 'гусеница', 'муравей';

вах. *mālah*, ишк., сангл., шугн. *mālah*⁷³, мдж. *mālāh* 'кузнечик', 'саранча' из тадж., перс. *mālah* 'id.', слова, видимо, восточноиранского происхождения, авест. *maḍaxā-*, хорезм. *māh*, осет. *mætyx* (ирон.) и др. 'саранча' /ЕВР, с.44; Абаев, 1973, с.108/; язг. *baḍūh* 'кузнечик', 'саранча' тоже из **maḍaxa-*.

СВОДНЫЕ СПИСКИ

§ II9. Рассмотренные в этой работе слова, относящиеся в памирских языках к названиям культурных растений, можно представить в виде таблицы.

В этой таблице лексика приводится в таком порядке: бадахшано-таджикское, язгулямское, шугнано-рушанское (шугнанские слова без особых помет; сарыкольские названия даются отдельно, так как среди них, в отличие от других шугнано-рушанских, встречаются заимствования из тюркского), ишкашимское, ваханское и мунджанское слово. Фонетические и говорные варианты не указываются. Прочерки проставлены там, где соответствующее слово неизвестно или недостоверно.

Общие в памирских языках недавние заимствования (картошка, свекла, огурец, персик и т.п., § 60, 73 и сл.) и названия сортов культур в таблицу не включены.

⁷² Сопоставление с перс. *mār* 'змея' /IIFL, vol.2, с. 402b/ необосновано.

⁷³ Заимствованием из тадж.-перс. следует считать и шугн. *mārah* 'паразиты: вошь, блоха, клоп, гниды' /EVSh, с.45b/.

Таблица

	Бад.- тадж.	Язг.	Шугн.-руш.		Ишк.	Вах.	Мдж.
			шугн.	сар.			
I	2	3	4	5	6	7	8
пше- ница	gandum	žū(w)	žindam	žandam	γūndym	žedim	γóndem
яч- мень	jav	kusĭ	čūšĭ	čmšč	úrwyš	yirk	kosk
рожь	lošak	kalp	lašak	-	lašyk	lašek	-
просо	arzan	xarban	pīnĭ	penĭ	úžďyn	yirzn	yūrzen
италь- янское просо	qunoq	-	qanoq	kmok	-	qenoq	-
горох	məžək	maĭ	maĭ	maĭ	mьžik	šaĭ	mūya
бобы	boqlo	ħax	maĭ	baqli	boq(ь)- la	baqla	boqla
чина	patek	sadark	xiziv руш. sadarg	-	karoš сангл. patek	kroš	pātéka
нут	noxud	ravan	rivand	-	nāxud	-	-
чече- вица	nask	sar	sīrĭ	-	-	-	-
франц. чече- вица	γomuk	γomək	-	-	γomu	γomw	γomū
хлопок	paxta	kəbes	čipos	kawaz	paxta	kəbos	pāxta
лен	zayir	zəyira	ziyēr	zwyr	katonyk	kət(ə)- nək	yūmāya
сурепп- ка	čiroγ- ka	cirow- wiĭ	ciro- weĭ	-	-	čəroγ- wnĭš	šāršām
коно- пля	bang	bang	bang kanāb	bang kandir	bang kьm	bang kəm	-
люцер- на	riška	γərag	γorĭ	beda	γьrik	wəĭerk	yərā- ya
лук	piyoz	piyeg	piyoz	piyuz	pi(y)oz	piyoz	piyoz Инд. pLy
чеснок	sir	sir	sīr	sarmy- soq	sir	sir	sir
перец	murč	mərĭ	mūrč	mьrč	mьrč	mьrč	-
репа	šalyam	-	xuq.ši- yarm	ħom	šalyam	šolm	-
табак	tamoku	tamokə	tamoki	tamuqi	-	təmoknw	-

I	2	3	4	5	6	7	8
арбуз	tarbuz	-	tarbuz	tarbmz	tarbъz	tarbuz	tārbuz
дыня	xarbuza	-	xarbuza	quym	xarbъza	xarbъza	xārbuza
тыква	kadu	waḡin	kilo	kaḡa	kadu	kadw	kadūy
тут	tut	təd	tūd	tyḡ wāma	tut	twt	tūy
абрикос	zardolu	ḡiray	noš	nuš	ḡwend	ḡwan	ḡiriy
яблоня	seb	mawn	mūn	mon	mend	mwr	āmeḡa
груша	amrud	marəd	marūd	armyt	amrūt	amrwd	amrūt
грецкий орех	ḡormayz	yəz	yūz	yəwz	ḡor-mayz	tor	āyūza
лох	sinjīt	sizd	sīzd	ḡiyda	-	sisk	sījīā
виноград	angur	wiḡḡ	angūrō	wzm	angur	angwr	āglara
ревень	ḡukri	ḡukri wadar	šitorḡk	-	-	špod	ḡukri šīiko
ферула	rov	rev	rov	-	rov	rov	rīf
гречишка	toron	vesn	mīst	-	-	toron	torōna
мята	pudina	waḡm	wiḡn	-	pudina	wadn	wālen
щавель	šilxa	šel(ə)- xa	šalxā	-	-	šalxa	šalxa
дикая смородина	yorti šidirm tāwdak qaraqot	- - qaraqot	ḡicḡo širizm qaraqot хуф. ḡenūd	- - qarayot	yorti tovdūk -	yorti ḡlažm qaraqot	- tovdaga - āšosta

§ 120. Проведенное исследование показывает, что большая часть названий культурных растений в памирских языках является заимствованиями и относится к словам культурного круга. С известной уверенностью на древнеиранский уровень проецируются лишь следующие слова и основы, которые, таким образом, можно считать существовавшими в древних восточноиранских диалектах, предках памирских языков:

др.-ир. *gantūma*- 'пшеница',

др.-ир. *yawa*- 'ячмень', 'пшеница', 'злак', 'зерно',

др.-ир. *kasaka*- 'ячмень',
 др.-ир. *dāna*- 'жаренные зерна пшеницы',
 др.-ир. *pišta*- 'толокно',
 др.-ир. *yava-tara*- 'рожь'⁷⁴,
 др.-ир. (h)*ārzana*- 'просо',
 др.-ир. *pištāka*- 'чина',
 др.-ир. *banga*- 'конопля'⁷⁵,
 др.-ир. *uṣaraka*- 'люцерна',
 др.-ир. *kauḍaka*- 'горный лук',
 др.-ир. *tūta*- 'тут',
 др.-ир. (a)*marna*- 'яблоня',
 др.-ир. (a)*gauza*- 'грецкий орех',
 др.-ир. *vaiti*- 'лоза (виноградная, ивовая)',
 др.-ир. *angaura*- 'виноград',
 др.-ир. *rāba*- 'ферула', 'ревень'.

С тех пор как Альфонс де Кандоль в своем замечательном труде о культурных растениях выделил использование лингвистических данных в качестве одного из методов определения мест происхождения и путей распространения возделываемых культур /Candolle, 1883, с.15-20/, названия растений привлекаются в ботанических исследованиях. Эти названия бывают однако недостоверными, они зафиксированы и идентифицированы неточно, о чем сожалел уже А. де Кандоль. Объясняется это тем, что языковеды и этнографы, записывая то или иное название, не дают ботанических определений, а ботаники, как правило, приводят названия с ошибками и в приблизительной передаче.

В этой работе, основанной на проверенных лингвистических и ботанических материалах, исследованы названия растений в тех областях, которые считаются одним из центров формирования многих первичных культур. Эти области, совпадающие с Памиро-Гиндукушским горным узлом, были природным источником генетического фонда растений и очагом интенсивных процессов видообразования. В этой связи показателен выявленный на основании лингвистических критериев набор аборигенных и пришлых культур. Все культурные растения, древнеиранские реконструкции названий которых приведены вы-

⁷⁴ Преимущественно в западноиранских языках (§ 21, 22).

⁷⁵ В памирских языках из тадж., перс. (§ 51).

ше (кроме, пожалуй, только пшеницы и проса), могли быть окультурены, согласно ботаническим данным, именно в этом регионе.

Что же касается пришлых культур, то в результате рассмотрения разновременных заимствованных названий растений в памирских языках можно выделить три основных источника заимствований слов культурного круга и три основных пути проникновения их (и соответственно обозначаемых ими реалий) в Памиро-Гиндукушский регион: с северо-запада — из персидско-таджикских диалектов; с юга — из индоарийских (дардских) и бурушаски; в сарыкольском также с востока — из тюркских языков Восточного Туркестана.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

- авест. - авестийский. Приводится по /AIW/
англ. - английский
араб. - арабский
арм. - армянский
афг. - афганский (пашто). Без указания источника приводится по /Асланов, 1966/
бадж. - баджувский (диалект шугнанского). Приводится по /Карамшоев, 1963/
бад.-тадж. - бадахшано-таджикское (бадахшано-персидское, см. § 2). Без указания на источник приводится по /Розенфельд, 1971, с.77-151/
бактр. - бактрийский
барт. - бартангский. Без указания источника приводится по /Соколова, 1960, с.68-181/
бахт. - бахтиярский (диалект перс.)
бел. - белуджский
будд. - согдийский буддийских текстов
бур. - бурушаски. Без указания источника приводится по /Lorimer, 1938/
вандж. - ванджский (говор тадж.). Приводится по /Розенфельд, 1964а, с.82-121/
вах. - ваханский. Без указания источника приводится по /ЯВГ, 1976, с.291-524/
вах.-тадж. - вахано-таджикский (бадахшано-таджикский говор Вахана, § 2). Приводится по записям автора и по /ЯВГ, 1976, с.291-524/
верш. - вершиковский (диалект бурушаски). Без указания на источник приводится по /Berger, 1974, с.129-188/

- вост.-ир. - восточноиранское
 гор. - горонский (бадахшанский говор тадж.)
 груз. - грузинский
 дарв. - дарвазский (говор тадж.). Без указания источника приводится по /Розенфельд, 1956а, с.258-272/
 дард. - дардские (языки)
 дари - дари (фарси-кабули, персидский язык Афганистана). Приводится со ссылкой на /LFA; 1961/ или /ДРС, 1978/
 диг. - дигорский (диалект осетинского)
 др.-греч. - древнегреческий
 др.-инд. - древнеиндийский
 др.-ир. - древнеиранский
 др.-перс. - древнеперсидский
 др.-турк. - древнетюркский
 др.-уйг. - древнеуйгурский
 и.-е. - индоевропейский
 индо-ар. - индоарийский
 ир. - иранский, иранское, иранские (языки)
 ирон. - иронский (диалект осетинского)
 ишк. - ишкашимский. Без указания источника приводится по /Пахалина, 1959, с.178-255/
 йид. - йидга. Без указания источника приводится по /IIFL, vol.2, с.187-279/
 кар. - каратегинский (говор тадж.). Без указания источника приводится по /Розенфельд, 1950; 1960/
 кашм. - кашмири (дард.)
 кирг. - киргизский. Приводится по словарю К.К.Юдакина (М., 1965)
 кит. - китайский
 кул. - кулябский (говор тадж.). Приводится по /Неменова, 1956/
 курд. - курдский
 кхов. - кховар (дард.)
 лат. - латинский
 лит. - литовский
 ман. - согдийский манихейских текстов
 матч. - матчинский (говор тадж.). Приводится по /Хромов, 1962/

- мдж. - мунджанский. Без указания на источник приводится по /Гронберг, 1972, с.271-397/
- монг. - монгольский
- нем. - немецкий
- орм. - ормури. Приводится по /IIFL, vol.1, с.386-414/.
- осет. - осетинский
- пар. - парачи. Приводится по /IIFL, vol.1, с.230-304/
- парф. - парфянский
- паш. - пашаи. Приводится по /IIFL, vol.3, pt.3/
- перс. - персидский (см. § 2). Без указания источника приводится по /ПРС, 1970/
- пехл. - пехлеви (среднеперсидский). Без указания источника приводится по /MacKenzie, 1971/
- рош. - рошорвский (орошорский). Без указания источника приводится по /Зарубин, 1930, с.23-72/
- русск. - русский
- руш. - рушанский. Без указания источника приводится по /Соколова, 1959, с.109-304/
- сангл. - сангличский. Без указания источника приводится по /IIFL, vol.2, с.379-426/
- сар. - сарыкольский. Без указания источника приводится по /Пахалина, 1971/
- сист. - систанский (диалект перс.)
- скр. - санскрит
- согд. - согдийский
- согд.-будд. - согдийский буддийских текстов
- согд.-ман. - согдийский манихейских текстов
- согд.-христ. - согдийский христианских текстов
- ср.-перс. - среднеперсидский, пехлеви. Без указания источника приводится по /MacKenzie, 1971/
- старовандж. - старованджский. Приводится по /Розенфельд, 1964а, с.141/
- тадж. - таджикский (§ 2). Без указания на источник приводится по /ТРС, 1954/
- талыш. - талышский. Без указания источника приводится по /Пирейко, 1976/
- тиб. - тибетский
- тув. - тувинский
- тур. - турецкий
- тюрк. - тюркское, тюркские (языки)

- узб. - узбекский. Без указания источника приводится по /УРС, 1959/
- уйг. - уйгурский
- франц. - французский
- хорезм. - хорезмийский
- хот. - хотанский, хотаносакский
- христ. - согдийский христианских текстов
- хуф. - хуфский. Без указания источника приводится по /Соколова, 1959, с.109-304/
- шугн. - шугнанский. Без указания на источник приводится по /Зарубин, 1960, с.85-288/
- шугн.-руш. - шугнано-рушанские
- ягн. - ягнобский. Без указания источника приводится по /ЯТ, с.223-370/
- язг. - язгулямский. Без указания источника приводится по /Эдельман, 1971/

Прочие сокращения

- верхн. - верхний (при обозначении верхних говоров ваханского /ЯВГ, 1976, с.666/ или мунджанского /Грюнберг, 1972, с.462/ языков)
- диал. - диалектное, диалектальное
- ед. - единственное (число)
- заимств. - заимствование; заимствованное
- кауз. - каузатив(ный)
- мн. - множественное (число)
- нижн. - нижний (при обозначении нижнего говора ваханского /ЯВГ, 1976, с.666/)
- обл. - областное. Для таджикских слов повторяется помета словаря-источника /ТРС, 1954/
- сел. - селение
- суф. - суффикс
- уменьш. - уменьшительный (суф.)
- уст. - устаревшее. Для таджикских и персидских слов повторяется помета словарей-источников /ТРС, 1954; ПРС, 1970/
- ч. - число

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1949 - А б а е в В.И. Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949.
- Абаев, 1958 - А б а е в В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958.
- Абаев, 1963 - А б а е в В.И. Об иранских названиях стали. - ИС, 1963, с.203-207.
- Абаев, 1973 - А б а е в В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.2. Л., 1973.
- Абаев, 1979 - А б а е в В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.3. Л., 1979.
- Андреев, 1924 - А н д р е е в М.С. Прозвища жителей различных селений в Матче (Верховья р.Зарефшана). - ДРАН-В. Октябрь-декабрь, 1924, с.173-176.
- Андреев, 1927 - А н д р е е в М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Таш., 1927.
- Андреев, 1928 - А н д р е е в М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-дарьи и киргизов Памира. Таш., 1928.
- Андреев, 1970 - А н д р е е в М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927-1928 гг.). Подготовила к печати А.К. Писарчик. Душ., 1970.
- Андреев - Половцов, 1911 - А н д р е е в М.С., П о л о в ц о в А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан. - СМАЭ. II. СПб., 1911.
- Асланов, 1966 - Афганско-русский словарь (пушту). Сост. М.Г. Асланов. М., 1966.
- Бакаев, 1957 - Курдско-русский словарь. Сост. Ч.Х.Бакаев, под ред. И.А.Орбели. М., 1957.
- Баранов, 1977 - Б а р а н о в Х.К. Арабско-русский словарь. Изд. 5-е. М., 1977.

- Баранов - Райкова, 1928 - Баранов П., Райкова И. Дарваз и его культурная растительность. Таш., 1928.
- Баранов - Райкова, 1935 - Баранов П.А., Райкова И.А. Среднеазиатский Государственный Университет в борьбе за освоение Памира. - "Бюллетень САГУ". Вып.20. Таш., 1935, с.273-319.
- Бартольд, 1971 - Бартольд В.В. Сочинения. Т.7. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 1971.
- Бахтеев, 1960 - Бахтеев Ф.Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. Пособие для учителя. М., 1960.
- Бахтеев, 1970 - Бахтеев Ф.Х. Важнейшие плодовые растения. М., 1970.
- Березкин, 1914 - Березкин Д.М. Библейская флора. Наглядное пособие при чтении и изучении Библии. СПб., 1914.
- Беруни, 1974 - Беруни Абу Райхан. Фармакогнозия в медицине. Исследование, перевод, примечания и указатели У.И.Каримова. - Избранные произведения. Т.4. Таш., 1974.
- Бичурин, 1950 - Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1, 2. М.-Л., 1950.
- Бичурин, 1953 - Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.3 (Приложения). М.-Л., 1953.
- Бобринской, 1908 - Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и ишкашимцы). М., 1908.
- Боголюбов, 1969 - Боголюбов М.Н. Персидские слова с *хаг* и *каг* и рыба *кага* в Авесте. - Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А.Н.Болдырева. М., 1969, с. 91-93.
- Боголюбов - Смирнова, 1963 - Согдийские документы с горы Муг. Вып.3. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой. М., 1963.
- Богорад, 1963 - Богорад Ю.И. Горонский говор таджикского языка. - ИС, 1963, с.44-59.
- Болдырев, 1948 - Болдырев А.Н. Бадахшанский фольклор I. - СВ, У. Л., 1948, с.275-295.

- Боровков, 1971 - Б о р о в к о в А.К. Названия растений по бухарскому списку "Мукаддимат ал-адаб". - Туркская лексикология и лексикография. М., 1971, с.96-III.
- Будагов - Б у д а г о в Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.1-2. СПб., 1869, 1871 (Стереотипное переиздание - М., 1960).
- Вавилов, 1959 - В а в и л о в Н.И. Избранные труды. Т.1. М.-Л., 1959.
- Вавилов, 1960 - В а в и л о в Н.И. Избранные труды. Т.2. М.-Л., 1960.
- Вавилов, 1962 - В а в и л о в Н.И. Избранные труды. Т.3. М.-Л., 1962.
- Вавилов, 1964 - В а в и л о в Н.И. Избранные труды. Т.4. М.-Л., 1964.
- Вавилов - Букинич, 1929 - В а в и л о в Н.И., Б у к и н и ч Д.Д. Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
- Вамбери, 1868 - В а м б е р и А. Очерки Средней Азии (дополнение к "Путешествию по Средней Азии"). М., 1868.
- ВДИ - "Вестник древней истории". М.
- ВЯ - "Вопросы языкознания". М.
- Гамкрелидзе - Иванов, 1980 - Г а м к р е л и д з е Т.В., И в а н о в Вяч.Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. - ВДИ. 1980, № 3, с.3-27.
- Григорьев, 1932 - Г р и г о р ь е в Г.В. К вопросу о центрах происхождения культурных растений (Разбор теории ак.Н.И.Вавилова). - ИГАИМК. Т.13, вып.9, 1932.
- Грюнберг, 1971 - Г р ю н б е р г А.Л. К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки). - Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971, с. 3-29.
- Грюнберг, 1972 - Г р ю н б е р г А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. Л., 1972.
- Грюнберг - Лившиц - Стеблин-Каменский, 1974 - Г р ю н б е р г А.Л., Л и в ш и ц В.А., С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. О генетических связях мунджанского языка. - Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов (Тезисы докладов). М., 1974, с.2-5.

- Грюнберг - Стеблин-Каменский, 1974 - Г р ю н б е р г А.Л.,
С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. Этнолингвисти-
ческая характеристика Восточного Гиндукуша. - Проблемы
картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974,
с.276-283.
- Дмитриева, 1979 - Д м и т р и е в а Л.В. Из этимологий назва-
ний растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньч-
журских языках. - Исследования в области этимологии
алтайских языков. Л., 1979, с.135-191.
- Додыхудоев, 1962 - Д о д ы х у д о е в Р.Х. Материалы по ис-
торической фонетике шугнанского языка. Душ., 1962.
- Додыхудоев, 1970 - Д о д ы х у д о е в Р.Х. Памирские языки
(к проблеме конвергенции). - Актуальные вопросы ирани-
стики и сравнительного индоевропейского языкознания
(Тезисы докладов). М., 1970, с.23-24.
- Додыхудоев, 1975 - Д о д ы х у д о е в Р.Х. Памирская микро-
топонимия (Исследование и материалы). Душ., 1975.
- Додыхудоев, 1976 - Д о д ы х у д о е в Р.Х. Памирские этимо-
логии. - Иранское языкознание, 1976, с.136-145.
- ДРАН-В - "Доклады Российской Академии Наук". Серия В. Л.
- ДРС, 1978 - К и с е л е в а Л.Н., М и к о л а й ч и к В.И. Да-
ри-русский словарь. М., 1978.
- ДТС, 1969 - Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Дьяконов, 1956 - Д ь я к о н о в И.М. История Мидии от древ-
нейших времен до конца IV века до н.э. М.-Л., 1956.
- Дьяконов, 1973 - /Д ь я к о н о в И.М. Перевод:/ Книга Эк-
клесиаст. - Поэзия и проза Древнего Востока (Библиоте-
ка всемирной литературы). М., 1973, с.638-652.
- Егоров, 1964 - Е г о р о в В.Г. Этимологический словарь чу-
вашского языка. Чебоксары, 1964.
- Ершов, 1960 - Е р ш о в Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ле-
нинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской
революцией (историко-этнографический очерк). - "Труды
АН Таджикской ССР". Т.28. Сталинабад, 1960.
- Жуковский, 1956 - Ж у к о в с к и й П.М. Происхождение куль-
турных растений. М., 1956.
- Жуковский, 1971 - Ж у к о в с к и й П.М. Культурные растения
и их сородичи. Систематика, география, цитогенетика,
иммунитет, экология, происхождение, использование. Изд.
3-е. Л., 1971.

- Запрягаева, 1964 - Запрягаева В.И. Дикорастущие плодовые Таджикистана. - "Труды Ботанического института АН СССР". Т.21. М.-Л., 1964.
- Зарубин, 1917 - Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. - СМАЭ. Т.5. Пг., 1917, с.97-148.
- Зарубин, 1924а - Зарубин И.И. К списку памирских языков. - ДРАН-В. Апрель - июнь, 1924, с.79-81.
- Зарубин, 1924б - Зарубин И.И. Образец припамирской народной поэзии. - ДРАН-В. Апрель - июнь, 1924, с.82-84.
- Зарубин, 1927а - Зарубин И.И. Вершикское наречие канджутского языка. Очерк по диалектографии Гиндукуша. - ЗКВ. Т.2, вып.2. Л., 1927, с.275-364.
- Зарубин, 1927б - Зарубин И.И. К характеристике мунджанского языка. - Иран. Т.1. Л., 1927, с. III-200.
- Зарубин, 1930 - Зарубин И.И. Орошорские тексты и словарь. - Памирская экспедиция 1928 г. Труды экспедиции. Вып.6 (Лингвистика). Л., 1930.
- Зарубин, 1937 - Зарубин И.И. Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.-Л., 1937.
- Зарубин, 1960 - Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
- Земл. ГБАО, 1964 - Баранов П.А., Гурский А.В., Остапович Л.Ф. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Т.2. Душ., 1964.
- ЗКВ - "Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)". Л.
- Иванов, 1978 - Иванов Вяч.Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 3-8. - "Этимология. 1976". М., 1978, с.153-162.
- ИВГО - "Известия Всесоюзного географического общества". Л.
- ИГАИМК - "Известия Государственной Академии истории материальной культуры". М.-Л.
- Иконников, 1979 - Иконников С.С. Определитель высших растений Бадахшана. Л., 1979.
- Иллич-Свитыч, 1971 - Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, кавказский, индоевропейский, уральский, дравидийский, ал-

- тайский). Введение. Сравнительный словарь. М., 1971.
- Иранское языкознание, 1976 - Иранское языкознание. История, этимология, типология (К 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.
- ИС, 1963 - Иранский сборник. К семидесятипятилетию профессора И.И.Зарубина. М., 1963.
- ИЯ, 1945 - Иранские языки. I. М.-Л., 1945.
- ИЯ, 1950 - Иранские языки. 2. М.-Л., 1950.
- Калоев, 1981 - К а л о е в Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
- Карамхудоев, 1973 - К а р а м х у д о е в Н. Бартангский язык (фонетика и морфология). Душ., 1973.
- Карамшоев, 1963 - К а р а м ш о е в Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душ., 1963.
- Карамшоев, 1977 - К а р а м ш о е в Д. Новое в памирской филологии. - ВЯ. 1977, № I, с.126-133.
- Карамшоев, 1978 - К а р а м ш о е в Д. Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа). Душ., 1978.
- Карамшоев, 1979 - К а р а м ш о е в Д. Категория рода в памирских языках (сравнительный анализ). Автореф. докт. дис. М., 1979.
- Кисляков, 1947 - К и с л я к о в Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу. - СЭ. 1947, № I, с. 108-125.
- Кисляков, 1962 - К и с л я к о в Н.А. Таджики. - Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962, с.528-637.
- Кисляков, 1969 - К и с л я к о в Н.А. Некоторые материалы по сельскохозяйственной терминологии у таджиков. - СЭ. 1969, № 3, с.118-126.
- Климов, 1964 - К л и м о в Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Курбанов, 1976 - К у р б а н о в Х. Рошорвский язык. Душ., 1976.
- Курдоев, 1960 - Курдско-русский словарь. Сост. К.К.Курдоев. М., 1960.
- Кушкеки, 1926 - Б у р х а н - у д - Д и н - х а н - и - К у ш к е к и. Каттагани Бадахшан. Пер. с перс. Под ред. проф. А.А.Семенова. Таш., 1926.

- Лившиц, 1957 - Л и в ш и ц В.А. Согдийские слова в таджикском языке. I. - "Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР". 1957, № 12, с.31-43.
- Лившиц, 1962a - Согдийские документы с горы Муг. Вып.2. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. М., 1962.
- Лившиц, 1962b - Л и в ш и ц В.А. Иранские языки народов Средней Азии. - Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. М., 1962, с.131-158.
- Лившиц, 1969 - Л и в ш и ц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. - Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969, с.47-81.
- Лившиц, 1975 - Л и в ш и ц В.А. "Зороастрийский" календарь. - /Приложение в книге:/ Э.Б и к е р м а н. Хронология Древнего Мира. Пер. с англ. М., 1975 (доп. тираж: М., 1976), с.320-332.
- Литвинский, 1972 - Л и т в и н с к и й Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972.
- Лыткин - Гуляев, 1970 - Л ы т к и н В.И., Г у л ь а е в Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Мандельштам, 1957 - М а н д е л ь ш т а м А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н.э. Сталинабад, 1957.
- Меркулова, 1965 - М е р к у л о в а В.А. О некоторых принципах этимологии названий растений. - "Этимология. 1964". М., 1965, с.72-87.
- Меркулова, 1967 - М е р к у л о в а В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Моногарова, 1972 - М о н о г а р о в а Л.Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972.
- Мухитдинов, 1963 - М у х и т д и н о в И. Съедобные дикие растения Дарваза. - "Ботанический журнал". Т.48, № 3. М.-Л., 1963, с.419-422.
- Мухиддинов, 1975a - М у х и д д и н о в И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX - начале XX в. (историко-этнографический очерк). М., 1975.
- Мухиддинов, 1975b - М у х и д д и н о в И. Традиционная система орошения и полив пахотных земель в Вахане и Ишкашима (XIX - начало XX в.). - Хозяйственно-культурные

традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с.135-153.

НАА - "Народы Азии и Африки". М.

Неменова, 1956 - Н е м е н о в а Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956.

Ожегов - О ж е г о в С.И. Словарь русского языка. М., 1975.

Оранский, 1974 - О р а н с к и й И.М. Тадж. алтов 'супруга'. - ППИПИКНВ. Ю. М., 1974, с.152-155.

Оранский, 1976а - О р а н с к и й И.М. Indo-Iranica. I-4. - "Этимология. 1974". М., 1976, с.158-171.

Оранский, 1976б - О р а н с к и й И.М. Об одной ирано-туркской семантической параллели. - Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Юнонова. Л., 1976, с.121-125.

Оранский, 1977а - О р а н с к и й И.М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. М., 1977.

Оранский, 1977б - О р а н с к и й И.М. Есть ли этимологическая связь между русск. береза и тадж. burgs 'арча'? - "Этимология. 1975". М., 1977, с.138-140.

Оранский, 1979 - О р а н с к и й И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

ОРС, 1970 - Осетинско-русский словарь. Изд. 3-е. Орджоникидзе, 1970.

Пахалина, 1959 - П а х а л и н а Т.Н. Ишкашимский язык. М., 1959.

Пахалина, 1966 - П а х а л и н а Т.Н. Сарыкольский язык (исследование и материалы). М., 1966.

Пахалина, 1969 - П а х а л и н а Т.Н. Памирские языки. М., 1969.

Пахалина, 1971 - П а х а л и н а Т.Н. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971.

Пахалина, 1975а - П а х а л и н а Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.

Пахалина, 1975б - П а х а л и н а Т.Н. Сравнительный обзор памирских языков. - СНВ. Вып.16 (Памир). М., 1975, с. 222-250.

Пещерева, 1927 - П е щ е р е в а Е.М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. Таш., 1927.

- Пещерева, 1959 - Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959.
- Пещерева, 1976 - Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. Душ., 1976.
- Пирейко, 1976 - Пирейко Л.А. Талышско-русский словарь. М., 1976.
- Писарчик, 1954 - Писарчик А.К. Рушанские тексты. Сталинабад - Ленинград, 1954.
- Помиршиносӣ, 1975 - Помиршиносӣ (масъалаҳои филология). Памироведение (вопросы филологии). Душ., 1975.
- ППИПИКНВ - "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока". I-IV. М., 1965-1978 (I-ая и т.д. го-
дичная научная сессия Ленинградского отделения Инсти-
тута востоковедения АН СССР).
- Принципы описания, 1976 - Принципы описания языков мира. М., 1976.
- ПРС, 1970 - Персидско-русский словарь в двух томах. Под ред. Ю.А.Рубинчика. М., 1970.
- Радлов - Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-4. СПб., 1893-1911 (фотомеханическая репродукция - М., 1963).
- Ранов, 1975 - Ранов В.А. Памир и проблема заселения высокогорий Азии человеком каменного века. - СНВ. Вып. I6 (Памир). М., 1975, с. I36-157.
- Ранов - Сидоров, 1965 - Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования чело-
века. - СНВ. Вып. 4. М., 1965, с. 95-126.
- Расторгуева, 1963 - Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5 (Таджикско-русский диа-
лектный словарь). М., 1963.
- Рахимов, 1957 - Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бас-
сейна р.Хингоу в дореволюционный период (историко-этно-
графический очерк). - "Труды Института истории, архе-
ологии и этнографии АН Таджикской ССР". Т. 43. Сталина-
бад, 1957.
- Розенфельд, 1950 - Розенфельд А.З. Говоры Каратегми-
на. - ИЯ, 1950, с. I45-168.
- Розенфельд, 1953 - Розенфельд А.З. Материалы по этно-
графии и топонимике Ванча. - ИВГО. Т. 85, № 4, 1953, с. 393-404.

- Розенфельд, 1956а - Розенфельд А.З. Дарвазские говоры таджикского языка. - ТИЯЗ. Т.6, 1956, с.196-272.
- Розенфельд, 1956б - Розенфельд А.З. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. - ТИЯЗ. Т. 6, 1956, с.273-280.
- Розенфельд, 1960 - Розенфельд А.З. Говоры Каратегина. - "Труды Института языка и литературы АН Таджикской ССР". Т.93. Сталинабад, 1960.
- Розенфельд, 1963а - Розенфельд А.З. Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире. - Вестник ЛГУ. № 20. Серия истории, языка и литературы, вып.4. Л., 1963, с.107-112.
- Розенфельд, 1963б - Розенфельд А.З. Таджикоязычное население Советского Бадахшана. - СЭ. 1963, № I, с. 118-122.
- Розенфельд, 1964а - Розенфельд А.З. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.
- Розенфельд, 1964б - Розенфельд А.З. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана. - Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964, с.175-183.
- Розенфельд, 1971 - Розенфельд А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., 1971.
- Розенфельд, 1974 - Розенфельд А.З. "Говораи ноз" - древний погребальный обряд на Вандже (Таджикская ССР) и траурные рубои. - Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с.251-258.
- Розенфельд, 1975 - Розенфельд А.З. Материалы по языку и этнографии припамирских таджиков. - СНВ. Вып. 16 (Памир). М., 1975, с.210-221.
- Розова, 1975 - Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР. Сост. Л.И.Розова. М., 1975.
- Сахобиддинов, 1948 - Сахобиддинов С.С. Дикорастущие лекарственные растения Средней Азии. Таш., 1948.
- СВ - "Советское востоковедение". I-UI. М.-Л. (1940-1949); М. (1956-1959).
- Севортян, 1974 - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

- Севортян, 1978 - С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на букву "Б". М., 1978.
- Севортян, 1980 - С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". М., 1980.
- Сказки Памира, 1976 - Сказки народов Памира. Пер. с памирских языков. Сост. и коммент. А.Л.Гринберга и И.М.Стеблин-Каменского. М., 1976.
- Словарь полезных растений, 1970 - Словарь полезных растений на двадцати европейских языках. Ред. Л.Л.Балашев. М., 1970.
- СМАЭ - Сборник Музея (по) антропологии и этнографии. СПб., Пг., Л.
- СНВ - "Страны и народы Востока" (Сборники Восточной комиссии Географического общества СССР). М.
- Соколова, 1959 - С о к о л о в а В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.-Л., 1959.
- Соколова, 1960 - С о к о л о в а В.С. Бартангские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
- Соколова, 1967 - С о к о л о в а В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова, 1973 - С о к о л о в а В.С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- СРТ, 1953 - Сорные растения Таджикистана. Т.2. М.-Л., 1953.
- Стеблин-Каменский, 1970 - С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. Ваханское (ʃə)mak '(моя)луна', (y)imɬ 'хвойник' и древнеиранское hauma-. - Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания (тезисы докладов). М., 1970, с.39-40.
- Стеблин-Каменский, 1971 - С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. Badakhshanica I. - ПИПИКНВ. 7. М., 1971, с.137-140.
- Стеблин-Каменский, 1974a - С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. /Рец. на:/ А.З.Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка. - НАА. 1974, № 2, с. 215-217.
- Стеблин-Каменский, 1974b - С т е б л и н - К а м е н с к и й И.М. О ваханском этимологическом словаре. - ПИПИКНВ. 10. М., 1974, с.155-160.

- Стеблин-Каменский, 1974в - Стеблин-Каменский И.М. Флора иранской прародины (Этимологические заметки). - "Этимология. 1972". М., 1974, с.138-140.
- Стеблин-Каменский, 1974г - Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на:/ А.Л.Гринберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. - ВЯ. 1974, № 3, с.150-153.
- Стеблин-Каменский, 1975 - Стеблин-Каменский И.М. Повседневная и ритуальная пища ваханцев. - СНВ. Вып.16 (Памир). М., 1975, с.192-209.
- Стеблин-Каменский, 1978 - Стеблин-Каменский И.М. /Рец. на:/ G e o r g M o r g e n s t i e r n e. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. - "Этимология. 1976". М., 1978, с.169-171.
- Стеблин-Каменский, 1979 - Стеблин-Каменский И.М. "Колени" и "локти" памирского субстрата. - Переднеазиатский сборник. Ш. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979, с.212-214.
- Стеблин-Каменский, 1981 - Стеблин-Каменский И.М. Бактрийский язык. - Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981, с.314-346.
- СЭ - "Советская этнография". М.
- ТДХ, 1953 - Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып.1. Сталинабад, 1953.
- ТДХ, 1958 - Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). Вып.2. Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К.Писарчик.Сталинабад, 1958.
- Техов, 1979 - Техов Ф.Д. Названия растений в осетинском языке. Цхинвали, 1979.
- ТИЯЗ - "Труды Института языкознания АН СССР". М.
- ТКД, 1966 - Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.1. Душ., 1966.
- ТКД, 1970 - Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.2. Душ., 1970.
- ТКД, 1976 - Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.3. Душ., 1976.
- Топоров, 1979 - Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь (Е - Н). М., 1979.
- ТРС, 1954 - Таджикско-русский словарь. Под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской. М., 1954.
- УРС, 1959 - Узбекско-русский словарь. Под ред. С.Ф.Акабиров, З.М.Магруфова, А.Т.Ходжаханова.

- Файзов, 1966 - Ф а й з о в М. Язык рушанцев Советского Памира. Душ., 1966.
- Фасмер - Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. Т. I-4. М., 1964-1973.
- Федченко, 1909 - Ф е д ч е н к о Б.А. Шугнан. Географические и ботанические результаты путешествий в 1901 и в 1904 г. СПб., 1909.
- Феофраст - Ф е о ф р а с т. Исследование о растениях. Пер. с др.-греч. и примеч. М.Е.Сергеевко. Л., 1951.
- ФЗТ, 1969 - Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ. I-2 (Словарь таджикского языка. Т.I-2). М., 1969.
- Хромов, 1962 - Х р о м о в А.Л. Говоры таджиков Матчинского района. - Труды АН Таджикской ССР. Т.107. Душ., 1962.
- Хромов, 1972 - Х р о м о в А.Л. Ягнобский язык. М., 1972.
- Цаболов, 1976 - Ц а б о л о в Р.Л. Очерк исторической фонетики курдского языка. М., 1976.
- Шипова, 1976 - Ш и п о в а Е.Н. Словарь туркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- Щербак, 1961 - Щ е р б а к А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. - Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с.82-172.
- Эдельман, 1966 - Э д е л ь м а н Д.И. Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман, 1968 - Э д е л ь м а н Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.
- Эдельман, 1971 - Э д е л ь м а н Д.И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
- Эдельман, 1980 - Э д е л ь м а н Д.И. К субстратному наследию центральноазиатского языкового союза. - ВЯ. 1980, № 5, с.21-32.
- Юдахин, 1965 - Киргизско-русский словарь. Сост. проф. К.К.Юдахин. М., 1965.
- ЯВГ, 1976 - Г р ю н б е р г А.Л., С т е б л и н - К а м е н - с к и й И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976.
- ЯТ - А н д р е е в М.С., П е щ е р е в а Е.М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем и А.К.Писарчик. М.-Л., 1957.

- Abaev, 1975 - A b a e v V.I. Contribution à l'histoire des mots. - Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. P., 1975, c.I-10.
- AIUON - "Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli". Napoli.
- AIW - B a r t h o l o m a e Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (photomechanischer Nachdruck: B., 1961).
- AM, N.S. - "Asia Major", New Series. L. (Lpz.).
- AO - "Acta Orientalia". Leiden.
- AOr. - "Archiv Orientální". Praha.
- Badakhshi, 1960 - S h a h A b d u l l a h B a d a k h s h i. A Dictionary of Some Languages and Dialects of Afghanistan. Kabul, 1960.
- Bailey, 1932 - B a i l e y H.W. Iranian Studies V. - BSOS. Vol.8, 1932, c.II7-142.
- Bailey, 1952 - B a i l e y H.W. Six Indo-Iranian Notes. - TPHS, 1952 /1953/, c.55-64.
- Bailey, 1959 - B a i l e y H.W. Ambages Indoiranicae. - AIUON, 1959, c.II3-146.
- Bailey, 1966 - B a i l e y H.W. Vāsta. - Iranian Studies Presented to Kaj Barr ... Copenhagen, 1966, c.25-43.
- Bailey, 1967a - B a i l e y H.W. Prolexis to the Book of Zambasta. - KhT. Vol.6, 1967.
- Bailey, 1967b - B a i l e y H.W. Saka śśāndrāmata. - Festschrift für Wilhelm Eilers. Wiesbaden, 1967.
- Bailey, 1979 - B a i l e y H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.
- Benveniste, 1955 - B e n v e n i s t e E. Un lexique du yagnobi. - JA. T.243, 1955, c.I39-162.
- Benveniste, 1966 - B e n v e n i s t e E. Titres et noms propres en iranien ancien. P., 1966.
- Berger, 1956 - B e r g e r H. Mittelmeerische Kulturpflanzennamen aus dem Burušaski. - MSS. H.9, 1956, c.3-33.
- Berger, 1974 - B e r g e r H. Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). Grammatik, Texte, Wörterbuch. Wiesbaden, 1974.
- Biddulph, 1880 - B i d d u l p h J. Tribes of the Hindoo Koosh, Calcutta, 1880.
- Boyce, 1969 - B o y c e M. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd. - "Persica (Annuaire de la Société néerlando-iranienne)". 4, 1969, c.I21-140.

- BSO(A)S - "Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies". L.
- Buck - Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. L., 1949.
- Buddruss, 1967 - Buddruss G. Die Sprache von Sau in Ostafghanistan. Beiträge zur Kenntnis des dardischen Phalūra. München, 1967.
- Buddruss, 1975 - Buddruss G. /Peq. HA:/ Hermann Berger. Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). - "Kratylos". 19, 1974 (1975), c.153-155.
- Buddruss, 1977 - Buddruss G. /Peq. HA:/ Georg Morgenstierne. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. - ZDMG. Bd 127, 1977, c.140-145.
- Burrow, 1969 - Burrow T. Sanskrit śāsṇa- and bāsṇa-. - JRAS. 1969, N 2, c.112-117.
- Candolle, 1883 - Candolle Alph. Origine des plants cultivées. 2-ème ed. P., 1883.
- CDIAL - Turner R.L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. L., 1966 (2nd impression, 1973).
- Clauson, 1972 - Clauson G. An Etymological Dictionary of Prethirteenth-Century Turkish. Ox., 1972.
- Darmesteter, 1895 - Darmesteter J. The Zend-Avesta. Pt I. The Vendidad. - The Sacred Books of the East... Vol.4. 2nd edition. Ox., 1895.
- Das, 1902 - Das Sarat Chandra. A Tibetan-English Dictionary. Calcutta, 1902.
- DED - Burrow T., Emeneau M.B. A Dravidian Etymological Dictionary. Ox., 1960.
- Dodychudojev, 1972 - Dodychudojev R. Die Pamir-Sprachen (Zum Problem der Konvergenz). - MIO. Bd 17, H.3, 1972, c.463-470.
- Doerfer - Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd 1, 1963; Bd 2, 1965; Bd 3, 1967; Bd 4, 1975. Wiesbaden.
- Doerfer, 1967 - Doerfer G. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. - Abhandlungen für Kunde des Morgenlandes. 37.3. - Wiesbaden, 1967.
- Duchesne-Guillemin, 1936 - Duchesne-Guillemin J. Les composés de l'Avesta. P., 1936.

- Elfenbein, 1963 - E l f e n b e i n J. A Vocabulary of Marw Baluchi. Naples, 1963.
- Elfenbein, 1965 - E l f e n b e i n J. Landa, zor wela! Wanečī. - Arch. Or. Vol.35, 1965, c.563-606.
- Emmerick, 1968 - E m m e r i c k R.E. Saka Grammatical Studies. - Oriental Series. Vol.20. L., 1968.
- Emmerick, 1969 - E m m e r i c k R.E. Avestan ĀĀŪ Again. - TPhS, 1969, c.201-202.
- EVP - M o r g e n s t i e r n e G. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- EVSh - M o r g e n s t i e r n e G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. - Beiträge zur Iranistik. Bd 6. Wiesbaden, 1974.
- Friedrich, 1970 - F r i e d r i c h P. Proto-Indo-European Trees. The Arboreal System of a Prehistoric People. Chicago, 1970.
- Fussman, 1972 - F u s s m a n G. Atlas linguistique des parlers Dardes et Kafirs. T.I (Cartes).T.2 (Commentaire). - Publications de l'École Française d'Extrême-Orient. Vol.86. P., 1972.
- Gauthiot, 1915 - G a u t h i o t R. Quelques observations sur le Minjāni. - MSL. Vol.I9, 1915, c.I33-157.
- Geiger, 1890 - G e i g e r W. Etymologie des Balūčī. - "Abh. d.k. Bayerischen Akademie der Wissenschaften". Bd I9, Abth. I. München, 1890, c.I-49.
- Geiger, 1891 - G e i g e r W. Lautlehre des Balūčī. - "Abh. d.k. Bayerischen Akademie der Wissenschaften". Bd I9, Abth. 2. München, 1891, c.I-68.
- Gershevitch, 1954 - G e r s h e v i t c h I. A Grammar of Manichean Sogdian. Ox., 1954.
- Gershevitch, 1964a - G e r s h e v i t c h I. Dialect Variation in Early Persian. - TPhS, 1964, c.I-29.
- Gershevitch, 1964b - G e r s h e v i t c h I. Etymological Notes on Persian mil, naxčīr, bēgāne and bīmār. - Dr. J.M.Unvala Memorial Volume. Bombay, 1964, c.89-94.
- Gershevitch, 1966 - G e r s h e v i t c h I. The Well of Baghlan. AM, N.S. Vol.I2, p.I, 1966, c.90-109.
- Gershevitch, 1971 - G e r s h e v i t c h I. Iranian Words Containing -ān-. Iran and Islam (in Memory of the Late Vladimir Minorsky). Edinburgh, 1971, c.267-291.

- Gershevitch, 1974 - G e r s h e v i t c h I. An Iranist's View of the Soma Controversy. - Mémorial Jean de Menasce. Louvain, 1974, c.45-75.
- Gershevitch, 1979 - G e r s h e v i t c h I. The Alloglottography of Old Persian. - TPhS, 1979, c.II4-190.
- GIPh - Grundriss der iranischen Philologie. Hrag. von W.Geiger und E.Kuhn. Bd I, Abt.I, 1895-1901; Abt. 2, 1898-1901. Strassburg.
- Grosser Pamir, 1978 - Grosser Pamir. Österreichisches Forschungsunternehmen 1975 in den Wakhan - Pamir / Afghanistan. Hrag. von Roger Senarclens de Grancy und Robert Kostka. Graz, 1978.
- Hehn, 1902 - H e h n V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien. B., 1902 (7-e Aufl.).
- Hemming, 1939 - H e n n i n g W.B. Sogdian Loan-words in New Persian. - BSOS. Vol. 10, 1939, c.93-106.
- Hemming, 1940 - H e n n i n g W.B. Sogdica. - James G. Forlong Fund. Vol.21. L., 1940.
- Henning, 1946 - H e n n i n g W.B. The Sogdian Texts of Paris. - BSOAS. Vol.II, 1949, c.713-740.
- Hemming, 1951 - H e n n i n g W.B. Zoroaster. Politician or witch-doctor? Ox., 1951.
- Henning, 1958 - H e n n i n g W.B. Mitteliranisch. - Handbuch der Orientalistik. Abt.I, Bd 4. Iranistik. Abschnitt I. Linguistik. Leiden - Köln, 1958, c.20-130.
- Henning, 1960 - H e n n i n g W.B. The Bactrian Inscription. - BSOAS. Vol.23, 1960, c.47-55.
- Henning, 1963a - H e n n i n g W.B. Coriander. - AM, N.S. Vol.10, p.2, 1963, c.195-199.
- Hemming, 1963b - H e n n i n g W.B. The Kurdish Elm. - AM, N.S. Vol.10, p.1, 1963, c.68-72.
- Hemming, 1965 - H e n n i n g W.B. A Grain of Mustard. - AIUON. 6, 1965, c.29-47.
- Hemming, 1977 - H e n n i n g W.B. Selected Papers, 1-2. - Acta Iranica. Vol.I4, 15. Téhéran - Liège, 1977.
- Hindukusch, 1974 - Hindukusch. Österreichische Forschungsexpedition in den Wakhan 1970. Hrag. von Karl Gratzl. Graz, 1974.
- Hinz, 1973 - H i n z W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.

- Hobson-Jobson - Y u l e H., B u r n e l l A.C. Hobson-Jobson (A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases...). L., 1903 (2nd ed. by W.Crooke).
- Horn, 1893 - H o r n P. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Hübschmann, 1895 - H ü b s c h m a n n H. Persische Studien. Strassburg, 1895.
- IEW - P o k o r n y J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- IF - "Indogermanische Forschungen". Strassburg, B.
- IIFL - Indo-Iranian Frontier Languages, v. Morgenstierne. Oslo.
- IIJ - "Indo-Iranian Journal". Leiden.
- JA - "Journal asiatique". P.
- JAOS - "Journal of the American Oriental Society". New York - New Haven.
- Jarring, 1964 - J a r r i n g G. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964.
- JASB - "Journal of the Asiatic Society of Bengal". Calcutta.
- Jettmar, 1972 - J e t t m a r K. Ein nuristanischer Silberpokal im Linden-Museum. - "Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums". N 21. Stuttgart, 1972, c.25-34.
- Jettmar, 1973 - J e t t m a r K. Weinbereitung und Weinrituale im Hindukusch. - Festschrift zum 65. Geburtstag von Helmut Petri. Köln - Wien. 1973, c.191-205.
- JRAS - "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland". L.
- Katre, 1968 - K a t r e S.M. Problems of Reconstruction in Indo-Aryan. Simla, 1968.
- KEWA - M a y r h o f e r M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I-3. Heidelberg, 1953-1975.
- KhT - Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts. Edited by H.W.Bailey. Vol.I-6. Cambridge, 1945-1967.
- Kussmaul, 1965 - K u s s m a u l F. Badaxšan und seine Tagiken. - "Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums". N 14. Stuttgart, 1965, c.II-99.
- Kyllo - Hubbard, 1981 - K y l l o M.A., H u b b a r d R.N.L. Plant Remains from Tepe Nush-i Jan. - "Iran (Journal of the British Institute of Persian Studies)". Vol.I9, 1981, c.91-100.

- Laufer, 1919 - Laufer B. Sino-Iranica. - Field Museum of Natural History Publication 201. Anthropological Series. Vol.15, N 3. Chicago, 1919.
- Lentz, 1933 - Lentz W. Pamir Dialekte. I. Materialien zur Kenntnis der Schughni-Gruppe. Göttingen, 1933.
- LFA, 1961 - Luṡāt-i 'āmiyāna-yi Fārsī-yi Afṡānistān. Ta'lif: Abdallah Afṡānī-navīs. Kābul, 1340 (1961).
- Lorimer, 1922 - Lorimer D.L.R. The Phonology of Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti Dialects of Modern Persian with Vocabularies. - Prize Publication Fund. Vol.6. L., 1922.
- Lorimer, 1935 - Lorimer D.L.R. The Burushaski Language. Vol. 2 (Texts). Oslo, 1935.
- Lorimer, 1938 - Lorimer D.L.R. The Burushaski Language. Vol. 3 (Vocabularies and Index). Oslo, 1938.
- Lorimer, 1958 - Lorimer D.L.R. The Wakhi Language. Vol. I, 2. L., 1958.
- Lorimer, 1962 - Lorimer D.L.R. Werchikwar-English Vocabulary. Oslo, 1962.
- Lorimer E.O., 1939 - Lorimer E.O. Language Hunting in the Karakoram. L., 1939.
- Machek, 1971 - Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- MacKenzie, 1971 - MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- MacKenzie, 1975 - MacKenzie D.N. /Реџ. на:/ Georg Morgenstierne. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. - "Kratylos". 19, 1974 (1975), c.61-63.
- Mayrhofer, 1977 - Iranisches Personennamenbuch. Bd I. Die Altiranischen Namen. Fasc.I. Die Avestischen Namen. Wien, 1977.
- MIO - "Mitteilungen des Instituts für Orientforschung". B.
- Morgenstierne, 1926 - Morgenstierne G. Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
- Morgenstierne, 1929a - Morgenstierne G. IIFL. Vol.I. Parachi and Ormuri. Oslo, 1929 (2nd edition, 1973).

- Morgenstierne, 1929b - Morgenstierne G. /Рец. на:/
И в. За руб и н. К характеристике мунджанского
языка. - NTS. Vol.3, 1929, с.296-298.
- Morgenstierne, 1932a - Morgenstierne G. Report on
a Linguistic Mission to North-Western India. Oslo,
1932.
- Morgenstierne, 1932b - Morgenstierne G. Supple-
mentary Notes on Ormuri. - NTS. Vol.5, 1932, с.3-36.
- Morgenstierne, 1932c - Morgenstierne G. Notes on
Balochi Etymology. - NTS. Vol.5, 1932, с.37-53.
- Morgenstierne, 1932d - Morgenstierne G. Persian
Etymologies. - NTS. Vol.5, 1932, с.53-56.
- Morgenstierne, 1936 - Morgenstierne G. Iranian
elements in Khowar. - BSOS. Vol.8, 1936, с.657-671.
- Morgenstierne, 1938 - Morgenstierne G. IIFL. Vol.
2. Iranian Pamir Languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-
Ishkashmi and Wakhi). Oslo, 1938 (2nd ed., 1973).
- Morgenstierne, 1942 - Morgenstierne G. Iranica.
- NTS. Vol.12, 1942, с.258-271.
- Morgenstierne, 1948 - Morgenstierne G. Balochi
Miscellanea. - AO. 20, 1948, с.253-292.
- Morgenstierne, 1956 - Morgenstierne G. IIFL. Vol.
3. The Pashai Language, pt.3. Vocabulary. Oslo, 1956
(2nd edition, 1973).
- Morgenstierne, 1960a - Morgenstierne G. /Рец. на:/
D.L.R. Lorimer. The Wakhi Language. - BSOAS.
Vol.23, 1960, с.151-152.
- Morgenstierne, 1960b - Morgenstierne G. Stray No-
tes on Persian Dialects. - NTS. Vol. 19, 1960, с. 73-
140.
- Morgenstierne, 1966 - Morgenstierne G. Notes on
the Pashto Tolana Vocabulary of Munji. - AO. Vol. 30
(Iranian Studies presented to Kaj Barr...), 1966, с.
177-188.
- Morgenstierne, 1970a - Morgenstierne G. Notes on
Bactrian Phonology. - BSOAS. Vol.33, 1970, с. 125-231.
- Morgenstierne, 1970b - Morgenstierne G. Istālif
and Other Placenames in Afghanistan. - BSOAS. Vol.33,
1970, с.350-352.

- Morgenstierne, 1970c - M o r g e n s t i e r n e G. The Development of Iranian R + Consonant in the Shughni Group. - W.B.Henning Memorial Volume. L., 1970, c.334-342.
- Morgenstierne, 1973a - M o r g e n s t i e r n e G. Irano-Dardica. - Beiträge zur Iranistik. Bd 5. Wiesbaden, 1973.
- Morgenstierne, 1973b - M o r g e n s t i e r n e G. IIFL. Vol. 4. The Kalasha Language. Oslo, 1973.
- MSL - "Mémoires de la société de linguistique". P.
- MSS - "Münchener Studien zur Sprachwissenschaft". München.
- Müller-Stellrecht, 1979 - M ü l l e r - S t e l l r e c h t I. Materialien zur Ethnographie von Dardistan (Pakistan). Aus den nachgelassenen Aufzeichnungen von D.L.R.Lorimer. T.I. Hunza. Graz, 1979.
- NTS - "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap". Oslo.
- Nyberg, 1974 - N y b e r g H.S. A Manual of Pahlavi. P. 2. Glossary. Wiesbaden, 1974.
- O'Brien, 1895 - O' B r i e n. Grammar and Vocabulary of the Khowâr Dialect (Chitrali). Lahore, 1895.
- Olufsen, 1904 - O l u f s e n O. Through the Unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition 1898-99. L., 1904 (Greenwood Press, N.Y., 1969).
- Pelliot, 1934 - P e l l i o t P. Tokharien et Koutchéen. - JA. T.224, 1934, c.23-106.
- Pelliot, 1959 - P e l l i o t P. Notes on Marco Polo. I. P., 1959.
- Platts, 1930 - P l a t t s J.T. A Dictionary of Urdū, Classical Hindī, and English. 5th Impression. Oxford University Press, 1930.
- Robertson, 1896 - R o b e r t s o n G.S. The Kafirs of the Hindu-Kush. L., 1896.
- Sabeti, 1966 - S a b e t i H. Diraxtān va diraxtčahā-yi Īrān. Tihirān, 1344/1966.
- Salemann, 1901 - S a l e m a n n C. Mittelpersisch. - GIPh. Bd I, Abt. I, c.249-332.
- Schlimmer, 1874 - S c h l i m m e r J.K. Terminologie Medico-Pharmaceutique et Anthropologique Française-Persane Theheran, 1874.
- Schwartz, 1971 - S c h w a r t z M. /Peц. Ha:/ D.N. M a - c k e n z i e. The "Sūtra of the Causes and Effects

- of Actions" in Sogdian ... - BSOAS. Vol.34, 1971, c. 411-415.
- Shaw, 1876 - S h a w R.B. On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikolī). - JASB. Vol.45, p.I, N 2, c.139-278.
- Sims-Williams, 1973 - S i m s - W i l l i a m s N. A Note on Bactrian Syntax. - IF. Bd 78, 1973, c.95-99.
- Sköld, 1936 - S k ö l d H. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen. Lund, 1936.
- Snoy, 1964 - S n o y P. Feldbestellung in Mundschan. - Festschrift für Ad.E.Jensen. München, 1964, c.665-669.
- Szemerényi, 1980 - S z e m e r é n y i O. Iranica VI (Nos 71-75). - "Studia Iranica". T.9, 1980, c.23-68.
- Tedesco, 1943 - T e d e s c o P. Slavic *losā and Persian rāz, both 'vine'. - JAOS. Vol.63, N 2, 1943, c.149-155.
- Thieme, 1938 - T h i e m e P. Ein iranisches Kulturlehnwort in der vedischen Prosa? - ZDMG. Bd 92, 1938, c. 47-52.
- Tomaschek, 1880 - T o m a s c h e k W. Centralasiatische Studien II. Die Pamir-Dialekte. Wien, 1880.
- TPhS - "Transactions of the Philological Society". L.
- Tucci, 1978 - T u c c i G. On Swāt. The Dards and Connected Problems. - "East and West", N.S. Vol.27, 1-2, March-June, 1978, c.9-103.
- Turner, 1931 - T u r n e r R.L. A Comparative and Etymological Dictionary of the Nepali Language. L., 1931.
- Volk - Schapka, 1972 - V o l k O.H., S c h a p k a U. Vokabular der im östlichen Afghanistan gesammelten gebräuchlichen Pflanzennamen... - Orientalisches Seminar der Universität Würzburg. Würzburg, 1972.
- Vullers - V u l l e r s I.A. Lexicon persico-latinum etymologicum. T.I. Bonn, 1855. T.2, 1864.
- Weryho, 1962 - W e r y h o J.W. Sistāni-Persian Folklore. - IIJ. Vol.5, 1962, c.276-307.
- ZDMG - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft". Leipzig - Wiesbaden.

УКАЗАТЕЛИ*

Древнеиранский
(авестийские, древнеперсидские и реконструированные
формы)

aēsma- 80	Gandutava- 12
aēzaxan- 80	gantuma- II, 120
* ^h (a)gauza- 101, 104, 120	* ^h gantuma-tara- 21
* ^h (a)marna- 93-95, 120	gavana- 25
an-aoša- 88	* ^h gavarsa- 25
* ^h anāreka- 74	* ^h gršta- 25, 35
aoša- 88	* ^h gu-katī- 5
* ^h arpanyā- 14	* ^h ham-tak- 101
* ^h asp(a)-asti- 56	* ^h (h)an-gaura- 107, 120
* ^h aspa-tara- 21	* ^h (h)arzana- 26, 120
axšaēna- 19	haoma- 47, 68
ašta 38	* ^h hanspana- 47
āfū- 17	* ^h hauša(ka)- 47
āsa- 29	hisū- 12
baṇha-, bangha- 51, 52, 120	* ^h jyav- 17
baod- 113	* ^h kanp-, * ^h kan(a) 52, 54
barəsmān- 15	karš- 25
* ^h či- 87	* ^h kasaka- 14, 120
dāna- 12, 117, 120	* ^h kaudaka- 62, 120
dānō.karš- 12	* ^h kyp-pāθra- 42
duyōar- 12	maḇaxā- 118
* ^h dūya- 12	mareyā- 59
gaoz- 101	* ^h ni-vay- 118

* Ссылки даны на параграфы.

piśant- I8
 *piśta- I8,38,92,I20
 piśtra- I8
 *piyāka- 6I
 pouru- 5I
 Pouru.bangha- 5I
 *pūta- I2
 puṭra- I2
 raśṭwa- 92
 *rāba- III,I20
 sraska- 32
 sūka- I2
 *tūta- 78,I20
 @āigraṣi- 63
 *uyaraka- 57,I20
 vaṣṭi- I08,I20

vanā- I08
 vart- II8
 *varzā- I08
 vay- I08
 *vizi- 57
 *vrins/ṣa- 26
 *xara-tara- 2I
 yah- 29
 *yav- I7
 yava- I5-I8,25,4I,I20
 yavan- I6
 *yava-tara- 2I,I20
 yavō.ṣarānya- I6
 yavō.fraṣah- I5
 *yavya- I6

Русские и местные названия растений

абрикос I0,I3,73,84-90,94,I04, II9	дыня 69-7I,II9
айва 74	ель 88
алтея (шток-роза) 55	зира 65
алыча 75	ива 5,I08
арбуз 69,7I,II9	индау 50
ассафетида III	инжир (смоковница, фи́га) 73, 74
бабья 36	кабачки 7I
барбарис 72	камыш 23,80
белена 5I,52	каперсы 65,72,I09,II3
бобы I0,29-34,42,I03,II9	капуста 60,66
бородач I9	картофель 60,II9
брюква 66	кендырь 55
вейник I9	клевер 56-59
вика 3I	клен 5
виноград 50,72,80,82,90,96,I06- I08,II9,I20	клевшина 50
виноградовник 50,72,I08	козелец 66
вишня 75,II4	колоквинт 70
вишенок II8	конопля 45,47,5I-55,II9,I20
гоми 25,27,4I	кориандр 65
	крестовник 49,I09
	кукуруза I6,27

горец см. гречишка
 горох 10, 18, 29-33, 35, 36, 40-42, 119
 горлянка 71, 72
 горчица 48
 гранат 73, 74, 89
 гречишка бухарская (горец, то-
 рон) 112, 119
 грибы 115
 груша 73, 88, 93, 96-99, 119
 гулявник 61
 джида см. лох
 джут 31
 донник 56, 57
 дуб 108
 дурман 51
 маслина дикая 105
 маш 30-32, 42
 миндаль 76, 104
 мирикария 80
 могоар 27
 морковь 60
 мухомор 68
 мушенг 31
 мята 65, 113, 119
 мятлик 19
 нут 30, 32, 34, 40, 41, 119
 облепиха 50, 115
 овес 16, 22, 23, 112, 117
 овсец 22, 112
 овсюг 22, 23, 112, 118
 огурец 60, 119
 одуванчик 109
 орех грецкий 73, 83, 86, 89, 91, 96, 100-104, 119, 120
 орешник медвежий 104
 осина 5
 осоколь 5
 пахитник 32, 56, 59, 65
 пальма финиковая см. финик
 пальчатка 57

кунак 24, 27
 кунжут 47, 50
 лебеда 59, 60, 109
 лен 44-48, 52, 54, 119
 лещина 104
 лобия 42
 ломонос 62
 лох (джида) 73, 105, 119
 лук 10, 61, 62, 109, 113, 119, 120
 лупин 59
 люцерна 56-58, 119, 120
 маис 27
 мак 55, 101
 мальва 31
 манго 74
 марь белая 59
 пшеница 10-13, 15, 16, 18, 20, 21, 34, 37, 38, 41, 70, 77, 84, 89, 90, 92, 116, 117, 119, 120
 пырей 57
 рапс 48, 49
 ремень 32, 110-112, 119, 120
 редис 60, 66
 редька 60, 66
 репа 60, 61, 66, 119
 рис 26, 48, 79
 рожь 10, 16, 19-23, 34, 92, 119, 120
 ромашка 10
 саксаульчик ваханский 10
 сафлор 50
 свекла 60, 66, 119
 свиной 57
 слива 75, 88
 смоковница см. инжир
 смородина 115, 119
 солянка пиренейская 10
 сорго 34
 сурепка (сурепица) 10, 47-49, 61, 109, 119
 табак 67, 68, 119
 тал 108

паслён 60
 пашенник 3I, 39, II8
 перец 6I, 64, 67, II9
 персик 56, 73, 75, II9
 петрушка 65
 плевел 34
 повилика II8
 подсолнечник 50
 полба I5, I6
 полынь IO, II3
 помидор 60
 просо I2, I4, I6, 24-28, 34, 36,
 4I, II2, II7, II9, I20
 прутняк IO
 уруть колосистая IO5
 фасоль 30, 36, 42
 ферула III, II2, II9, I20
 фи́га см. инжир
 финик 73, 89, 9I, IO5
 фисташка IO8
 фундук 89
 хвойник 47, 68
 хлопчатник 43, 44, IOI, II9
 хмель 47
 хурма 73
 цикорий 67
 цитрон 85
 черемша, черemiца 63
 черешня 75
 чернокорень 66
 чеснок 62, 63, IO9, II9
 тамариск 80, II5
 терескен IO
 тмин 65
 тополь 5, IO, 83
 торон см. гречишка
 тростник 23, 62, 80, IO8
 турнепс 66
 тут, тутовник I8, 73, 77-83, 92,
 94, IO3, II9, I20
 туя 88
 тыква 6I, 69, 7I, 72, 83, 94, 95,
 IO9, II9
 укроп 65
 унаби (vоба) IO5
 чечевица IO, I2, 30-32, 4I, 42,
 II9
 чина I8, 29-32, 34-39, 4I, 42, II9,
 I20
 шалфей 56
 шафран 59
 шелковица см. тут
 щавель IO9, II0, II3, II4, II9
 щавель конский 33, II4
 эндивий 67
 эфедра 68
 яблоко, яблоня I3, I8, 60, 73, 74,
 83, 87, 92-96, II9, I20
 ясенник 3I
 ячмень IO-I2, I4-2I, 23, 25, 27,
 30, 34, 37, 39, 4I, 66, 77, II9, I20

Латинские названия растений*

Alcea nudiflora (Lindl.) Boiss. 55
Allium L. 62
Allium carolinianum DC. 62

* Названия растений даются по правилам ботанической номенклатуры с указанием авторов первоописаний (в тексте работы они опущены). Названия, взятые из литературных источников, приводятся в транскрипции цитируемых работ.

Allium cepa L. 61
Allium polyphyllum Kar. et Kir. 62
Allium rubiginosum Jacqem. 62
Allium sativum L. 63
Allium tianschanicum Rupr. 62
Allium ursinum L. 63
Ampelopsis vitifolia (Boiss.) Planch. 50,72,108
Amygdalus L. 76
Andropogon ischaemum L. 19
Anethum graveolens L. 65
Apocynum scabrum Russan. 55
Armeniaca vulgaris Lam. 84
Arnebia thomsonii Clarke 51
Artemisia L. 10
Asperula aparine Bieb. 31
Avena L. 112
Barbarea arcuata R.Br. 49
Brassica L. 66
Brassica campestris L. 47,48,66
Brassica napus L. 66
Brassica nigra (L.) Koch. 48
Brassica oleracea L. 66
Brassica rapa L. 66
Bunium badachschanicum R.Kam. 65
Calamagrostis dubia Bunge 19
Cannabis indica Lam. 47
Cannabis sativa L. 47,51
Capparis L. 72
Capparis spinosa L. 72,113
Capsicum annuum L. 64
Carthamus oxyacanthus Bieb. 50
Carthamus tinctorius L. 50
Carum carvi L. 65
Cerasus avium Moench 75
Cerasus verrucosa (Franch.) Nevski 115
Cerasus vulgaris Mill. 75
Ceratoides Gagnebin 10
Chenopodium album L. 59
Chrysanthemum leucanthemum L. 10
Cicer arietinum L. 32,34,40

Cleer sengericum Steph. 32
Cichorium endivia L. 67
Cichorium intybus L. 67
Cissus aegirophylla Bunge 50
Citrullus colocynthis (L.) Schrad. 70
Citrullus vulgaris Schrad. 69
Clematis songarica Bunge 62
Convolvulus L. II8
Convolvulus arvensis L. II8
Coriandrum sativum L. 65
Cruciferae Juss. 49
Cucumis melo L. 69
Cucurbita pepo L. 71
Cuminum cyminum L. 65
Cuscuta australis R.Br. II8
Cuscuta lehmanniana Bunge II8
Cuscuta stenocalycina Palib. II8
Diospyros lotos L. 73
Elaeagnus L. IO5
Elaeagnus angustifolia L. IO5
Elaeagnus orientalis L. IO5
Ephedra L. 47,48
Eruca sativa Mill. 50
Ervum ervilia L. IO,4I
Ervum lens L. 4I
Erysiphe graminis DC. II6
Eurotia Adans. IO
Feronia elephantum Correa 74,99
Ferula L. III
Ferula assafoetida L. III
Ferula grigorievii B.Fedtsch. III
Ferula jaeschkeana Vatke III
Ferula kokanica Regel et Schmalh. III
Ficus carica L. 74
Geranium collinum Steph. 32
Gossypium herbaceum L. 43
Hammada wakhanica (Pauls.) Iljin IO
Helianthus annuus L. 50
Hippophaë rhamnoides L. 50,II5
Hordeum vulgare L. I4
Humulus lupulus L. 47

Hyoscyamus L. 51
Juglans regia L. 100
Kochia Roth 10
Lagenaria Ser. 71
Lagenaria vulgaris Ser. 71,72
Lathyrus L. 36
Lathyrus cicera L. 34
Lathyrus pratensis L. 35
Lathyrus sativus L. 31,34,36
Lathyrus tuberosus L. 31,34
Lens culinaris Medik. 41
Lepyrodiclis holosteoides (C.A.Mey.) Fisch. et
Mey. 31,39,118
Linum usitatissimum L. 45,47
Lolium temulentum L. 34
Malus Mill. 92
Medicago sativa L. 56,57
Melilotus albus Medik. 56,57
Melilotus officinalis (L.) Pall. 56
Mentha arvensis L. 113
Mentha asiatica Boriss. 113
Mentha silvestris L. 113
Moringa pterygosperma Gaertn. 63,
Morus alba L. 78
Morus nigra L. 78,82,83
Myriophyllum spicatum L. 105
Nicotiana rustica L. 67
Nicotiana tabacum L. 67
Panicum italicum L. 24,27,41
Panicum miliaceum L. 24,27,34
Papaver somniferum L. 50
Persica Mill. 56
Phaseolus aconitifolius Jacq. 34
Phaseolus aureus (Roxb.) Piper. 30,42
Phaseolus mungo L. 30,31,42
Phaseolus vulgaris L. 42
Phoenix dactylifera L. 73
Pinus gerardiana Wall. 104
Pisum sativum L. 30-32
Poa bulbosa L. 19
Polygonum bucharicum Grig. 112

Polygonum hissaricum M.Pop. II2
Prunus divaricata Ledeb. 75
Prunus domestica L. 75.
Prunus persica L. 75
Puccinia glumarum (Schmidt) Erikss. II6
Puccinia tritici Erikss. II6
Punica granatum L. 74
Pyrus L. 96
Pyrus cajon V.Zapr. 98
Rheum L. II0,III
Ribes L. II5
Ribes janczewskii Pojark. II5
Ribes meyeri Maxim. II5
Ribes nigrum L. II5
Ribes villosum Wall. ex Roxb. II5
Ricinus communis L. 50
Rumex L. II4
Rumex pamiricus Rech. fil. II4
Salsola iberica Sennon et Pau IO
Salvia L. 56
Scorzonera gracilis Lipsch. 66
Secale cereale L. 20
Senecio krascheninnikovii Schischk. 49
Sesamum indicum L. 47,5I
Setaria italica (L.) Beauv. 24,4I
Sinapis alba L. 48
Sinapis arvensis L. 48
Sinapis glauca Roxb. 48
Sisymbrium brassiciforme C.A.Mey. 6I
Solanum L. 60
Solanum dulcamara L. 60
Solanum miniatum Bernh. 60
Thuja orientalis L. 88
Tilletia caries (DC.) Tul. II7
Tilletia tritici Wint. II7
Trifolium pratense L. 59
Trigonella L. 32
Trigonella foenum-graecum L. 59
Trigonella pamirica Boriss. 56
Triticum aestivum L. II

Triticum compactum Host. 11,13
Triticum spelta L. 15
Triticum vulgare Vill. 13
Vicia L. 31
Vicia ervilia (L.) Willd. 41
Vicia faba L. 33
Vigna sinensis (L.) Savi 42
Vitis silvestris Gmel. 106
Vitis vinifera L. 106
Zizyphus jujuba Mill. 105
Zizyphus sativa Gaertn. 105

С о д е р ж а н и е

Предисловие (§ I-I0)	3
Культурные растения	16
Пшеница (§ II-I3)	18
Ячмень (§ I4-I9)	22
Рожь (§ 20-23)	29
Просо (§ 24-28)	32
Горох (§ 29-32)	37
Бобы (§ 33)	42
Чина (§ 34-39)	43
Нут (§ 40)	50
Чечевица (§ 41, 42)	50
Хлопок (§ 43, 44)	52
Лен (§ 45-47)	54
Сурепка (§ 48-50)	58
Юнопля (§ 51-55)	61
Люцерна (§ 56-59)	65
Огородные культуры (§ 60)	70
Лук (§ 61-63)	71
Перец (§ 64, 65)	74
Репа (§ 66)	75
Табак (§ 67, 68)	77
Арбуз и дыня (§ 69, 70)	79
Тыква (§ 71, 72)	82
Плодовые культуры (§ 73-76)	84
Тут (§ 77-83)	87
Абрикос (§ 84-91)	94
Яблоня (§ 92-95)	102
Груша (§ 96-99)	106
Грецкий орех (§ 100-104)	109
Лох (§ 105)	114
Виноград (§ 106-108)	115
Другие съедобные растения (§ 109-115)	118
Названия болезней растений (§ 116-118)	123
Сводные списки (§ 119, 120)	126
Сокращения	131
Литература	135

Указатели	I57
Древнеиранский	I57
Русские и местные названия растений	I58
Латинские названия растений	I60